ISSN 1998-6785

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2024 *№ 3*

Научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" выходит в свет с 2006 года, с 2009 года издается ежеквартально.
Журнал зарегистрирован федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77–30578 от 12.12.2007 г. ISSN 1998-6785.
Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Владивостокский государственный университет". Адрес: 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Целью журнала является содействие разработке методологии междисциплинарного синтеза знаний о региональных (социально-территориальных) системах, а также планированию на её основе регионоведческих исследований и региональной политики.
Среди основных задач нашего издания:

мониторинг и критическая оценка текущих публикаций и научной жизни регионоведческого сообщества (в первую очередь, в рамках российского Дальнего Востока);

организация дискуссии по теоретическим и методологическим проблемам регионоведения;

представление мнений и рекомендаций ученых по актуальным прикладным проблемам регионального управления;

пропаганда идей и методологии междисциплинарного синтеза;

подготовка и доведение до научной аудитории программ фундаментальных и прикладных регионоведческих исследований и освещение результатов их выполнения.

Авторами и читателями нашего журнала являются преподаватели вузов и сотрудники академических учреждений как дальневосточного, так и других регионов России, а также учёные из стран Азиатско-Тихоокеанского региона и СНГ.

Журнал включает в себя следующие основные рубрики:

- Теория и методология регионоведческих исследований
- Историческое регионоведение
- Экономика и природопользование
- Социальные и демографические структуры
- Культурные и идеологические факторы регионализации
- Политические отношения и управление регионом
- Мировая система и международные регионы
- Междисциплинарные и системные исследования региона
- Регион в документах и свидетельствах
- Науковедение
- Дискуссия
- Рецензии и обзоры
- Научная жизнь

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (по состоянию на 15.02.2023 года):

5.4.1. – Теория, методология и история социологии (социологические науки)
5.4.2. – Экономическая социология (экономические науки)
5.4.2. – Экономическая социология (социологические науки)
5.4.4. – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)
5.5.1. – История и теория политики (исторические науки)
5.5.1. – История и теория политики (политические науки)
5.5.2. – Политические институты, процессы, технологии (политические науки)
5.5.3. – Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)
5.5.4. – Международные отношения (политические науки)
5.6.1. – Отечественная история (исторические науки).

Журнал индексируется в международной наукометрической базе данных Scopus

Адрес редакции: 692900, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.
Официальный сайт журнала: http://www.ojkum.ru. E-mail: ojkum@rambler.ru
Журнал печатается во множительном участке ВВГУ. Адрес: 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Вышло в свет 23.09.2024 г. Тираж 200 экз. Цена свободная.

Главный редактор

Филипова Александра Геннадьевна – доктор социологических наук, заведующий лабораторией комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Ответственный редактор

Журбей Евгений Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Редакционная коллегия

Барбенко Ярослав Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Бурлаков Виктор Алексеевич – кандидат политических наук, доцент департамента коммуникации и медиа Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Винокурова Анна Викторовна – кандидат социологических наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Волынчук Андрей Борисович – доктор политических наук, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник отдела международных отношений Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, профессор кафедры экономики и управления Владивостокского государственного университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Григоричев Константин Вадимович – доктор социологических наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета *(г. Иркутск, Россия)*.

Демьяненко Александр Николаевич – доктор географических наук, независимый исследователь *(г. Хабаровск, Россия)*.

Дударёнок Светлана Михайловна – доктор исторических наук, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН *(г. Владивосток, Россия)*.

Золотухин Иван Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Караман Вадим Николаевич – кандидат исторических наук, ведущий методист Государственного объединённого музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева *(г. Владивосток, Россия)*.

Киреев Антон Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Кожевников Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Кристофферсен Гайе – Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса *(г. Нанкин, КНР)*.

Кузнецов Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Латушко Юрий Викторович – кандидат исторических наук, заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН *(г. Владивосток, Россия)*.

Лебедева Марина Михайловна – доктор политических наук, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России *(г. Москва, Россия)*.

Лексютина Яна Валерьевна – доктор политических наук, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета *(г. Санкт-Петербург, Россия)*.

Литошенко Денис Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин Морской академии Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского *(г. Владивосток, Россия)*.

Лукин Артем Леонидович – кандидат политических наук, заместитель директора по науке и инновациям Восточного института – Школы региональных и международных исследований, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Рыжова Наталья Петровна – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Университета Палацкого (г. Оломоуц, Чешская Республика).

Севастьянов Сергей Витальевич – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" *(г. Санкт-Петербург, Россия)*.

Хисамутдинова Наталья Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Владивостокского государственного университета *(г. Владивосток, Россия)*

Шестак Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, начальник научного управления Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Шин Беом-Шик – Ph.D., профессор кафедры политических наук и международных отношений Сеульского национального университета *(г. Сеул, Республика Корея)*.

Широ Сасаки – Ph.D., профессор кафедры передовых исследований в антропологии Национального музея этнологии, директор Национального музея культуры айнов *(г. Сираой, Япония)*.

Ячин Сергей Евгеньевич – доктор философских наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

The scientific-theoretical journal "Ojkumena. Regional Researches" has been published since 2006, since 2009 it has been published quarterly.
The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Mass Communications, Communications and Protection of Cultural Heritage. Registration certificate: PI № FS77–30578, dated December 12, 2007. ISSN 1998-6785.
Founder and publisher: Federal state budgetary educational institution of the higher education "Vladivostok State University". Address: 690014, Russia, Vladivostok, Gogolya St., 41.
The main goal of the journal is to contribute to the development of a methodology for interdisciplinary synthesis of knowledge about regional (social-territorial) systems, as well as planning regional studies and regional policy based on it.
Among the main tasks of our journal:

monitoring and critique of the current publications and research in the field of the regional studies (primarily, but not exclusively, the Russian Far East);

initiating and supporting discussions on the theoretical and methodological issues of regional studies;

presentation of opinions and recommendations of scientists on topical problems of regional management;

advancement of the ideas and methodology of interdisciplinary research;

development of the programs for fundamental and applied regional studies and publication of their results.

The authors and readers of our journal are university professors and members of academic institutions in both the Far East and other regions of Russia, as well as scientists from the countries of the Asia-Pacific region and the CIS.

The journal includes the following thematic sections:

- Theory and Methodology of Regional Studies
- Historical Regional Studies
- Economy and Nature
- Social and Demographic structures
- Cultural and Ideological Factors of Regionalization
- Political Relations and Management of the Region
- World System and International Regions
- Interdisciplinary and Systemic Research of the Region
- Region in the Documents and Testimonies
- Study of Science
- Discussion
- Reviews
- Scientific Life

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific journals recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russian Federation

Scientific specialties and the corresponding branches of science, for which the publication is included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science are to be published (as of 15.02.2023):

5.4.1. – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences)
5.4.2. – Economic sociology (economic sciences)
5.4.2. – Economic sociology (sociological sciences)
5.4.4. – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences)
5.5.1. – History and theory of politics (historical sciences)
5.5.1. – History and theory of politics (political sciences)
5.5.2. – Political institutions, processes, technologies (political sciences)
5.5.3. – Public administration and sector policies (political sciences)
5.5.4. – International relations (political sciences)
5.6.1. – Domestic history (historical sciences).

The journal is indexed in the Scopus database

Editorial address: 692900, Primorsky Territory, Nakhodka, st. Ozernaya, 2.
Official website of the journal: http://www.ojkum.ru. E-mail: ojkum@rambler.ru
The journal is printed in the copying section of VVSU. Address: 690014, Russia, Vladivostok, Gogolya St., 41.

Published 23.09.2024. Circulation 200 copies. The price is free.

Editor in Chief

Alexandra G. Filipova – Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of the Laboratory for Comprehensive Research of Childhood, Vladivostok State University *(Vladivostok, Russia)*.

Executive Editor

Evgeny V. Zhurbey – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Editorial Board

Yaroslav A. Barbenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Viktor A. Burlakov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Communication and Media, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Anna V. Vinokourova – Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Andrey B. Volynchuk – Doctor of Political Sciences, Candidate of Geographical Sciences, Leading Researcher of the Department of International Relations of the Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor, Department of Economics and Management, Vladivostok State University *(Vladivostok, Russia)*.

Konstantin V. Grigorichev – Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector for Research and International Activities, Irkutsk State University *(Irkutsk, Russia)*.

Alexandr N. Demyanenko – Doctor of Geographical Sciences, Independent Researcher *(Khabarovsk, Russia)*.

Svetlana M. Dudaryonok – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophy, Leading Researcher of the Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences *(Vladivostok, Russia)*.

Ivan N. Zolotukhin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of Department of International Relations, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Vadim N. Karaman – Candidate of Historical Sciences, Leading Methodologist of Vladimir K. Arseniev Museum of Far East History *(Vladivostok, Russia)*.

Anton A. Kireev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Vladimir V. Kozhevnikov – Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Gaye Christoffersen – Ph.D., Professor, John Hopkins University *(Nanjing, China)*.

Anatolij M. Kuznetsov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Yurij V. Latushko – Candidate of Historical Sciences, Head of the Center for Island and Coastal Anthropology of APR, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences *(Vladivostok, Russia)*.

Marina M. Lebedeva – Doctor of Political Sciences, Candidate of Psychology, Professor, Head of Department of World Political Processes, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russia)*.

Yana V. Leksyutina – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of American Studies, St. Petersburg State University *(St. Petersburg, Russia)*.

Denis A. Litoshenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Political Science and Public Law Disciplines, Maritime State University named after Admiral G.I. Nevelskoy *(Vladivostok, Russia)*.

Artyom L. Lukin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Science and Innovation of Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Department of International Relations, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Natalia P. Ryzhova – Doctor of Economics, Leading Researcher, Palacky University (Olomouc, Czech Republic).

Sergej S. Sevastyanov – Doctor of Political Science, Professor, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics *(St. Petersburg, Russia)*.

Natalya V. Khisamutdinova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Intercultural Communication and Translation Studies, Vladivostok State University *(Vladivostok, Russia)*.

Olga I. Shestak – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Scientific Department, Far Eastern State Technical Fisheries University *(Vladivostok, Russia)*.

Beom-Shik Shin – Ph.D., Professor, Department of Political Science and International Relations, Seoul National University *(Seoul, Republic of Korea)*.

Sasaki Shiro – Ph.D., Professor, Department of Advanced Studies in Anthropology, National Museum of Ethnology, Director of the National Museum of Ainu Culture *(Shiraoi, Japan)*.

Sergej E. Yachin – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religious Studies, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2024 **№ 3 (70)**

научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 2006 г.

ISSN 1998-6785

Тема номера: Мигранты и миграции на Востоке России

От редактора рубрики **9**

Сердюков К. Н., Винокурова А. В. Жизненные стратегии трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья: дальневосточный кейс **11**

Ардальянова А. Ю., Яковлев А. И. "Каждую пятницу в мечеть ребята ходят": религиозные практики молодых мигрантов в условиях якутской повседневности **23**

Григоричев К. В., Елохина Ю. В. "Виртуальная "Шанхайка" в общежитии": WeChat в конструировании инфраструктуры образовательных мигрантов **31**

Семинар

Алексеева Т. А., Ильин М. В., Кузнецов А. М., Поповкин А. В. Гуманитарная наука перед вызовом трансформаций современного мира (материалы научного семинара) **42**

Историческое регионоведение

Цихаус С. В руках иностранных подданных: формы нерусского землевладения в Амурской области в 1861–1917 гг. Часть 2 ..... **54**

Кулепанова (Шугайло) Т. С., Чернолуцкая Е. Н. Образ советской молодёжи в русской эмигрантской прессе в США (конец 1940-х – 1991 гг.) **63**

Культурные и идеологические факторы регионализации

Збитнюк В. Р., Журбей Е. В. Арсенальная выставка как точка отсчёта модернизма в Америке: проблема оценки и восприятия **74**

Мировая система и международные регионы

Баранникова А. О., Смирнов С. М. Арктические амбиции стран Северо-Восточной Азии и перспективы сотрудничества с Россией **84**

Виноградов И. С. РФ – КНР – КНДР: перспективы развития трёхсторонних отношений и их оценки российскими, китайскими и западными СМИ **92**

Пацеля Я. С. Политика памяти Монголии о Второй мировой войне в контексте отношений с Российской Федерацией **100**

Золотухин И. Н., Леонова А. А., Найдин Я. Ю. Китай и США в Океании: аспекты геополитического соперничества **110**

Владивосток 2024

https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3

Науковедение

Андросов А. С. О некоторых вопросах методики создания энциклопедии Якутии **124**

Рецензии и обзоры

Батищев С. Д. Рецензия на сборник документов "Славной памяти 1812 года": Южный Урал и южноуральцы в Отечественной войне и Заграничном походе русской армии" **130**

Бреславский А. С. "Страус", "пластилин" или "кузнец своего счастья": стратегии сельско-городских мигрантов Хакасии **134**

Научная жизнь

Дударёнок С. М. Ведущие ученые Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института (СВКНИИ) имени Н. А. Шило ДВО РАН. Часть 2 ..... **138**

Бадараев Д. Д., Бадмацыренов Т. Б. Байкал как точка притяжения: об итогах II международной научной конференции "Социальные и политические вызовы модернизации в XXI веке" и II Байкальской летней школы социологов **144**

Шабельникова Н. А., Усов А. В. Профессор Наталья Анатольевна Беляева: к юбилею учёного **149**

Адрес редакции: 692900, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: http://www.ojkum.ru

Электронная почта редакции: ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В. Н. Караман

Графическое оформление: Я. А. Барбенко, В. Н. Караман, В. В. Постников.

Корректор: С. Е. Бакшеева

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Подписка на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" принимается во всех почтовых отделениях.
Подписной индекс журнала – 79089.

Информация о статьях, опубликованных в журнале (с 2009 г.), размещается в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

OJKUMENA

Regional researches

2024 **№ 3 (70)**

scientific-theoretical journal

Issued 4 times a year

Founded in 2006

ISSN 1998-6785

The Theme: Migrants and Migrations in the East of Russia

From the editor of the heading **9**

Serdyukov K. N., Vinokurova A. V. Life Strategies of Labor Migrants from CIS Countries: Far Eastern Case **11**

Ardalyanova A. Yu., Yakovlev A. I. "Every Friday Guys Go to the Mosque": Religious Practices of Young Migrants in the Context of Yakutian Everyday Life **23**

Grigorichev K. V., Elokhina Yu. V. "Virtual 'Shanghaika' in the dormitory": WeChat in the construction of educational migrants' infrastructure **31**

Seminar

Alekseeva T. A., Ilyin M. V., Kuznetsov A. M., Popovkin A. V. Humanities facing the challenge of transformations of the modern world (materials of a scientific seminar) **42**

Historical Regional Studies

Ziehaus S. In the hands of foreign subjects: forms of non-Russian land tenure in the Amur region in 1861–1917. Part 2 ..... **54**

Kulepanova (Shugaylo) T. S., Chernolutskaia E. N. The image of Soviet youth in the Russian emigrant press in the USA (late 1940s – 1991) **63**

Cultural and Ideological Factors of Regionalization

Zbitnyuk V. R., Zhurbey E. V. The Armory Show as a reference point of modernism in America: the problem of evaluation and perception **74**

World System and International Regions

Barannikova N. S., Smirnov N. S. Arctic ambitions of the Northeast Asian countries and prospects for cooperation with Russia **84**

Vinogradov I. S. Russia – China – DPRK: prospects for the development of trilateral relations and their assessments in Russian, Chinese and Western media **92**

Patselia Ya. S. Politics of Memory in Mongolia about the Second World War in the context of relations with the Russian Federation **100**

Zolotukhin I. N., Leonova A. A., Naydin Ya. Yu. China and the USA in Oceania: the aspects of geopolitical rivalry **110**

Vladivostok
2024

https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3

Study of Science

Androsov A. S. About some issues of the methodology of creating an encyclopedia of Yakutia **124**

Reviews

Batishchev S. D. Review of the collection of documents "Glorious Memory of 1812": The Southern Urals and South Urals in the Patriotic War and the Foreign campaign of the Russian army" **130**

Breslavsky A. S. "Ostrich", "Plasticine" or "Blacksmith of One's Own Happiness": Strategies of Rural-Urban Migrants of Khakassia **134**

Scientific Life

Dudarenok S. M. Leading scientists of the North-Eastern Complex Research Institute (SVKNII) named after N.A. Shilo of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Part 2 ..... **138**

Badaraev D. D., Badmatsyrenov T. B. Baikal as a Point of Attraction: about results of the II International Scientific Conference "Social and Political Challenges of Modernization in the 21st Century" and II Baikal Summer School of Sociologists **144**

Shabelnikova N. A., Usov A. V. Professor Natalia Anatolyevna Belyaeva: on the anniversary of the scientist **149**

Editorial address: 692900, Primorsky Territory, Nakhodka, st. Ozernaya, 2.

Official website of the journal: http://www.ojkum.ru

E-mail: ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V. N. Karaman

Graphic registration: Ya. A. Barbenko, V. N. Karaman, V. V. Postnikov.

Corrector S. E. Baksheeva

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Subscription to the journal "Ojkumena. Regional Researches" is accepted in all post offices.
The journal's subscription index is 79089.

Information about articles published in the journal (since 2009) is placed in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI) on the website of the Scientific Electronic Library (elibrary.ru).

От редактора рубрики

В настоящее время роль дальневосточных и сибирских регионов актуализируется в контексте приращения стратегического потенциала России в свете возрастающей конкуренции в системе международных отношений. При этом важнейшее значение для развития данных территорий имеет миграция, в том числе и международная. В современных условиях она является одной из основных движущих сил социально-экономического развития. Значительная часть международной миграции имеет вполне безопасный, предсказуемый характер, обладая определённой региональной спецификой, во многом связанной с возможностями поиска более перспективных возможностей в сфере профессионально-трудовой деятельности, образования и пр.

Приток мигрантов может оказать положительное влияние, увеличивая предложение рабочей силы в тех сферах экономики и отраслях производства, где присутствует нехватка кадров. Другими словами, для Сибири и Дальнего Востока иностранная трудовая миграция при должном подходе (исполнение законодательных норм, действенная миграционная политика) – это весьма эффективный инструмент управления региональным рынком труда. Что же касается образовательной миграции, то она привносит в общественную структуру не только потенциальные новые трудовые ресурсы, но и уникальный образовательный и профессиональный опыт. Изучение специфического феномена образовательной миграции важно ввиду того, что именно подобная миграция играет одну из определяющих ролей в социальном, культурном и экономическом развитии принимающего региона, города, вуза.

В последние годы произошли серьёзные трансформации, касающиеся изменения масштабов, интенсивности, направления миграционных потоков, обусловленные влиянием трендов 2020–2021 гг. (пандемия COVID-19) и 2022–2023 гг. (проведение СВО, объявление частичной мобилизации). Также отметим, что в многочисленных сообщениях федеральных и региональных средств массовой информации и социальных медиа главным образом обращается внимание на проблемные аспекты миграции, основной акцент делается на "негативных" новостях, что оказывает отрицательное влияние на общественно-политический дискурс, определяющий отношение принимающего сообщества к присутствию внешних мигрантов. Таким образом, объективное научное описание и анализ различных аспектов масштабного процесса иностранной миграции, в том числе в сибирских и дальневосточных регионах становится всё более и более значимым.

Имеющиеся данные (статистические сведения, результаты исследований, проведённых различными научными коллективами, в том числе и участниками предлагаемой рубрики) показывают общий тренд, характерный для восточных российских регионов. Миграционный обмен с другими субъектами РФ – отрицательный, а со странами СНГ и некоторыми государствами дальнего зарубежья – положительный. В дополнение отметим, что основное внимание во многих работах, посвящённых вопросам миграции, сосредоточено на проблемах "макроуровня": какую роль миграционные процессы играют в пространственном, демографическом развитии дальневосточных и сибирских регионов; насколько миграция значима в контексте восполнения трудовых ресурсов; каким образом она влияет на национальную и региональную безопасность. Гораздо меньше работ "мезо"- и "микроуровня", где рассматриваются поведенческие стратегии, ценностные ориентации, повседневные практики иностранных мигрантов в принимающем региональном сообществе. Именно эти вопросы стали центральными и объединили исследователей Дальневосточного федерального университета, Тихоокеанского института географии ДВО РАН (Владивосток), Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова (Якутск), Иркутского государственного университета (Иркутск), которые в своих статьях, представленных в настоящей рубрике, в некоторой степени восполняют имеющиеся пробелы.

Открывает рубрику соавторская статья К. Н. Сердюкова и А. В. Винокуровой, в которой рассматриваются жизненные стратегии мигрантов из стран СНГ (преимущественно из государств Центральной Азии – Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана), прибывших в регионы Дальневосточного феде-

рального округа (ДФО) с целью ведения трудовой деятельности. Авторы отмечают, что ценностные основания жизненных стратегий трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья, прежде всего, представлены ориентацией на материальную обеспеченность и комфорт, стабильность и безопасность. Наиболее значимыми в структуре групповых идентичностей трудовых мигрантов являются элементы, репрезентирующие национальную, региональную и религиозную идентичность.

Особенности религиозных практик и проявлений духовности среди молодых мигрантов из Центральной Азии, проживающих в Республике Саха (Якутия) представлены в следующей статье рубрики в авторстве А. Ю. Ардальяновой и А. И. Яковлева. В данной работе религиозные практики мигрантов анализируются через призму их повседневности, сделан вывод о том, что приобщение к религиозной жизни помогает молодым мигрантам адаптироваться к новым социальным условиям, обеспечивая поддержание органичной связи с культурными корнями и верованиями в условиях северного региона. При этом особой религиозной практикой, которая для мигрантов-мусульман очень важна, является посещение мечети, выступающей одним из центров мигрантской инфраструктуры, выполняющим адаптационную функцию, способным решать насущные проблемы.

Успешная адаптация иностранных мигрантов, их включённость в принимающее сообщество дальневосточных и сибирских регионов может быть охарактеризована как один из ключевых факторов, определяющих эффективность, удобство и прочие характеристики формальных и неформальных институтов мигрантской инфраструктуры. Указанные аспекты представлены в заключительной статье нашей рубрики, подготовленной К. В. Григоричевым и Ю. В. Елохиной. В отличие от двух предыдущих статей, здесь авторы сосредоточили основное внимание на повседневных практиках образовательных мигрантов из Китая. В своём исследовании они рассмотрели использование китайского мессенджера WeChat как механизма конструирования мигрантской инфраструктуры студентами из КНР. Показано, что мессенджер становится не только инструментом коммуникации для китайских студентов сибирского вуза, но и базой для разветвленной инфраструктуры: организации питания, торговли, развлечений и т. п. Мигрантская инфраструктура оказывается широко распределённой, а точка доступа к ней становится детерриторизированой, находящейся буквально везде, где бы не оказался пользователь WeChat.

В целом, представленные в тематической рубрике статьи, не исчерпывая всей заявленной проблематики, касающейся миграционных процессов на Востоке России, позволяют расширить наши представления о доминирующих региональных трендах в отношении жизненных стратегий и повседневных практик иностранных мигрантов.

А. В. Винокурова

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 11–22.
Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 11–22.

Научная статья
УДК 316.444
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/11-22

Жизненные стратегии трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья: дальневосточный кейс

Константин Николаевич Сердюков
Тихоокеанский институт географии ДВО РАН;
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, me@serdjukov.ru
Анна Викторовна Винокурова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, vinokurova77@mail.ru

Аннотация. Проведённое авторами данной статьи исследование опирается на концепт "жизненные стратегии". Применительно к настоящей работе – это представления индивидов о своём будущем, а также их активные действия на пути к жизненным целям, формирующимся в рамках идеальной модели собственной жизни, отвечающей внутренним ценностным ориентирам. Внимание было сфокусировано на трудовых мигрантах из стран СНГ – выходцах из государств Центральной Азии. Работа выполнена на основе комплексного подхода с опорой на данные международной, российской и региональной статистики и количественные социологические методы (анкетирование). Предпринятое исследование позволило выявить направленность жизненных стратегий трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья в принимающем дальневосточном сообществе, их ценностные основания, темпоральную организацию, специфику групповых идентификаций. Иностранные трудовые мигранты как специфическая социальная общность, безусловно, обладают характерными особенностями, приоритетами, представлениями о будущем, потребностями и интересами. Все эти аспекты требуют дальнейшего изучения, которое позволит углубить и расширить имеющиеся в современной науке знания о явлении миграции населения.
Ключевые слова: *миграционные процессы, международная миграция, иностранные трудовые мигранты, страны ближнего зарубежья, российский Дальний Восток, жизненные стратегии, ценностные ориентации, жизненный путь*

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-01113, https://rscf.ru/project/23-28-01113/

Для цитирования: Сердюков К. Н., Винокурова А. В. Жизненные стратегии трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья: дальневосточный кейс // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 11–22. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/11-22

Original article
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/11-22

Life Strategies of Labor Migrants from CIS Countries: Far Eastern Case

Konstantin N. Serdyukov
Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences;
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, me@serdjukov.ru
Anna V. Vinokurova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, vinokurova77@mail.ru

Abstract. The study conducted by the authors of this article is based on the concept of "life strategies". In relation to this work, these are individuals' ideas about their future, as well as their active actions on the path to life goals, formed within the framework of an ideal model of their own life, corresponding to internal value guidelines. The regions of the Russian Far East are identified as the main research cases. Attention was focused on labor migrants from the CIS countries – natives from Central Asian countries. The work was carried out on the basis of an integrated approach based on data from international, Russian and regional statistics and quantitative sociological methods (questioning). The conducted research made it possible to identify the direction of life strategies of migrants from neighboring countries in the host Far Eastern community, their value bases, temporal organization, and the specifics of group identifications. Foreign labor migrants as a specific social community certainly have characteristic features, priorities, ideas about the future, needs and interests. All these aspects require further study, which will allow deepening and expanding the knowledge of the phenomenon of population migration available in modern science.
Key words: *migration processes, international migration, foreign labor migrants, CIS countries, Russian Far East, life strategies, value orientations, life course*

The reported study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-01113, https://rscf.ru/ project/23-28-01113/

For citation: Serdyukov K. N., Vinokurova A. V. Life Strategies of Labor Migrants from CIS Countries: Far Eastern Case // Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 11–22. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/11-22

Введение

В современных условиях миграция является одной из основных движущих сил социально-экономического развития. Всё это в полной мере относится и к международным миграционным процессам. Международная миграция стимулирует развитие социального и человеческого потенциала. По послед-

© Сердюков К. Н., Винокурова А. В., 2024

ним доступным оценкам, которые приводит Международная организация по миграции (МОМ), общая численность международных мигрантов составляет более 281 млн человек. За последние двадцать лет произошёл рост масштабов международной миграции практически в полтора раза, со 174 млн чел. в 2000 г. до 281 млн чел. в 2020 г. **[33]**. Значительная часть миграции имеет вполне безопасный, предсказуемый характер, обладая определённой региональной спецификой, во многом связанной с возможностями поиска более перспективных возможностей в сфере профессионально-трудовой деятельности. В подтверждение данного тезиса приведём информацию МОМ: трудовые мигранты в общей численности международных мигрантов составляют около 60% (169 млн чел.) **[33]**.

Большинство международных трудовых мигрантов сосредоточены в странах с высоким уровнем доходов и/или в странах с уровнем доходов выше среднего, и Россия входит в число этих государств, являясь одним из мировых лидеров по приёму иностранных мигрантов. Приток мигрантов может оказать положительное влияние, увеличивая предложение рабочей силы в тех сферах российской экономики и отраслях производства, где присутствует нехватка кадров. Другими словами, для нашей страны иностранная трудовая миграция при должном подходе (исполнение законодательных норм, действенная миграционная политика) – это весьма эффективный инструмент управления национальным и региональным рынками труда.

В России в последние годы произошли серьёзные трансформации, касающиеся изменения масштабов, интенсивности, направления миграционных потоков, обусловленные влиянием трендов 2020–2021 гг. (пандемия COVID-19) и 2022–2023 гг. (проведение СВО, объявление частичной мобилизации). Также отметим, что в многочисленных сообщениях российских СМИ и социальных медиа главным образом обращается внимание на проблемные аспекты миграции, основной акцент делается на "негативных" новостях, что оказывает отрицательное влияние на общественно-политический дискурс, определяющий отношение принимающего сообщества к присутствию в стране внешних мигрантов. Таким образом, объективное научное описание и анализ различных аспектов масштабного процесса иностранной трудовой миграции в РФ становится всё более и более значимым.

В целом, процессы, связанные с притоком иностранных мигрантов в Российскую Федерацию, отличаются крайней неоднородностью, существенно различаются в регионах. В то же время можно выделить некоторые общие тенденции. Во-первых, международный миграционный прирост сохраняет свои положительные значения, в частности данный показатель вырос в 2023 г. по сравнению с 2022 г. практически на 50 тыс. человек. Во-вторых, подавляющее большинство иностранных мигрантов прибывает в Россию из государств СНГ, т. е. из стран так называемого ближнего зарубежья. В последние годы доля таких приезжих составляла более 86% от общего числа прибывших в РФ международных мигрантов **[24].** В-третьих, в основном миграционный приток обеспечивается за счёт выходцев из республик Центральной Азии *(рис. 1).*

Если же говорить о нашем исследовательском кейсе, в качестве которого обозначен Дальний Восток (ДВ), то административно он обозначается как Дальневосточный федеральный округ и является наименее заселённым среди всех российских федеральных округов. На 1 января 2024 г. численность населения Дальнего Востока составила 7 866 344 человека, сократившись по сравнению с аналогичным показателем 2023 г. на 37 520 чел. **[17]**. Уменьшение обусловлено как превышением смертности над рождаемостью, так и миграционной убылью.

При этом динамика миграционных процессов в дальневосточных регионах, как и в целом по России, отличается своей неоднородностью как в долгосрочной и краткосрочной ретроспективе, так и в настоящее время. И в контексте основной тенденции, связанной с негативной динамикой миграционных процессов на российском Дальнем Востоке, можно выделить некую общую закономерность: в то время как миграционный обмен с другими регионами РФ – отрицательный, с зарубежными странами, в первую очередь, с государствами СНГ – положительный, что неоднократно отмечалось в различных исследованиях, в том числе и проведённых при нашем непосредственном участии **[см., напр.: 12; 15; 16; 23; 4]**.

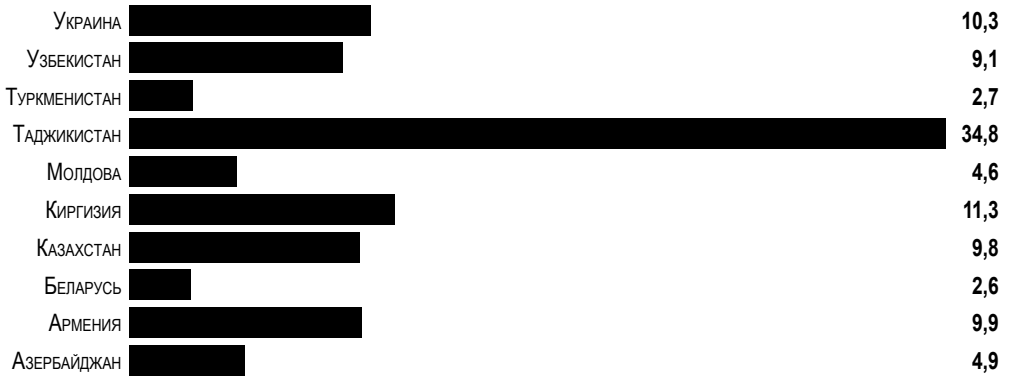


Рис. 1. Доля мигрантов, прибывших в РФ из стран СНГ, %.

Данные приводятся по состоянию на 2023 г. в % от общего числа мигрантов из стран СНГ.

Источник: составлено и рассчитано авторами на основе: **[24]**.

Fig. 1. Migrants who arrived in the Russian Federation from CIS countries, %.

Data are provided as of 2023 as a percentage of the total number of migrants from the CIS countries.

Source: compiled and calculated by the authors based on: **[24]**.

Кто же приезжает на Дальний Восток из ближнего зарубежья? Здесь опять имеет место соответствие общероссийскому тренду: подавляющее большинство иностранных мигрантов в субъектах ДФО представлено гражданами государств Центральной Азии: Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана **[24]**. Лидерами по приёму иностранных мигрантов из стран СНГ на Дальнем Востоке являются Республика Саха (Якутия), Хабаровский край и Приморье *(рис. 2)*.

Что касается исследований, направленных на изучение иностранной трудовой миграции как из стран СНГ в общем, так и из государств Центральной Азии в частности на российский Дальний Восток, то основное внимание авторов сосредоточено на проблемах "макроуровня": какую роль данный вид миграции играет в пространственном, демографическом развитии дальневосточных регионов; насколько указанная миграция значима в контексте восполнения трудовых ресурсов; каким образом она влияет на национальную и региональную безопасность **[см., напр.: 11; 14; 6; 8; 21]**.

Гораздо меньше работ "мезо"- и "микроуровня", посвящённых поведенческим стратегиям, ценностным ориентациям, повседневным практикам иностранных трудовых мигрантов в принимающем дальневосточном сообществе. Основное внимание в них уделяется вопросам адаптации и интеграции иностранных мигрантов на Дальнем Востоке, особенностям их идентичности **[см., напр.: 13; 2; 3; 27]**. Но практически нет работ, выполненных на материалах дальневосточных кейсов, характеризующих жизненные стратегии трудовых мигрантов из стран СНГ, в том числе и из государств Центральной Азии. Хотя, безусловно, эти вопросы в определённой степени описаны отечественными авторами на примере самых разнообразных мигрантских сообществ, представляющих различные страны назначения и исхода **[см., напр.: 7; 18; 20; 25; 5; 9]**. В данной статье мы попытаемся в некоторой степени восполнить имеющийся пробел, определив в качестве основной цели исследования выявление особенностей жизненных стратегий трудовых мигрантов – выходцев из государств Центрально-Азиатского региона (входящих в СНГ), проживающих в регионах Дальнего Востока.

Теоретическая рамка исследования

В качестве теоретической основы нашего исследования был взят концепт "жизненные стратегии", достаточно хорошо описанный в работах российских и зарубежных авторов через призму субъектно-деятельностного **[29; 30; 1; 32; 31]**, системно-институционального **[19]**, бихевиористского **[28]**, общностного **[10]** подходов.

Рис. 2. Субъекты ДФО – лидеры по приёму мигрантов из стран СНГ, %.

Данные приводятся по состоянию на 2023 г. в % от общего числа мигрантов, прибывших в ДФО из стран СНГ.

Источник: составлено и рассчитано авторами на основе: [24].

Fig. 2. FEFD Regions – leaders in receiving migrants from the CIS countries, %.

Data are provided as of 2023 as a percentage of the total number of migrants from the CIS countries who arrived in the FEFD.

Source: compiled and calculated by the authors based on: **[24]**.

В целом, в указанных зарубежных и отечественных подходах к исследованию жизненных стратегий на первый план выдвигается агентность – активность индивидов и социальных общностей на пути построения жизненной стратегии, подчёркивается значимость активного выбора на фронтире между степенью затрат на осуществление данного выбора и той выгодой, которую можно получить в плане дальнейшего развития.

Исходя из этого, под жизненными стратегиями мы будем понимать представления индивидов о своём будущем, а также их активные осознаваемые или неосознаваемые действия на пути к жизненным целям, не всегда чётко выстроенным, но реализующимся в поведении социального субъекта в рамках идеальной модели собственной жизни, отвечающей внутренним ценностным ориентирам. Такая "оптика" позволит нам соединить концептуальную глубину и эмпирическую детализацию. Поэтому в дополнение мы будем опираться на основные структурные компоненты жизненных стратегий, сформулированные и выделяемые нами ранее, в том числе и на основе представленных выше подходов **[22].**

Во-первых, обозначим ценностные основания жизненных стратегий с опорой на классификацию, предложенную Ю. М. Резником и Е. А. Смирновым **[19]**, включающую стратегии жизненного успеха, жизненного благополучия, жизненной самореализации.

Во-вторых, следует выделить особенности групповых идентификаций ("мы – идентификаций") **[26]**. Мы полагаем, что чувство сопричастности (принадлежности) к референтной социальной группе задаёт некий вектор, в направлении которого и реализуется жизненная стратегия.

В-третьих, акцентируем темпоральную организацию жизненных стратегий, описанную Г. Е. Зборовским и соавторами **[10]** для определения горизонта планирования жизни на будущую перспективу.

Методы исследования

Исследование выполнено с опорой на количественную методологию. Основное внимание сфокусировано на мигрантах из стран СНГ, прибывших в регионы Дальнего Востока с целью ведения трудовой деятельности. При сборе эмпирических материалов мы опиралась на метод анкетирования. Анкетный опросник включал в себя вопросы, условно разделенные на три блока: "паспортичка" (базовые социально-демографические характеристики респонден-

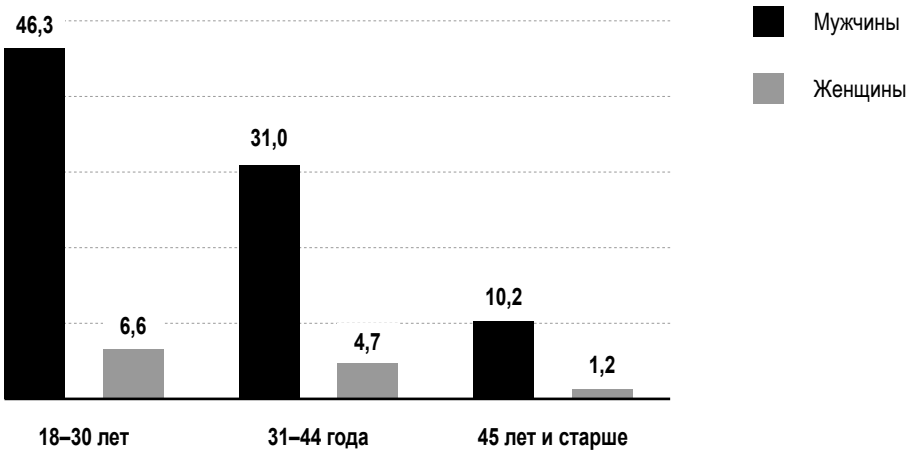


Рис. 3. Половозрастной состав мигрантов из стран ближнего зарубежья, %.
Источник: составлено авторами.
Fig. 3. Age and sex of migrants from CIS countries, %.
Source: compiled by the authors.

тов); основные стратегии в сфере труда и профессиональной занятости; основные целевые ориентации, жизненные ценности, перспективные планы.

Выборочная совокупность целевая (неслучайная). Респонденты из числа мигрантов рекрутировались разными способами: в "местах скопления" (центры тестирования иностранных граждан); на основе наших личных связей и контактов (через представителей национальных диаспор, лидеров религиозных и общественных организаций и пр.). Основными критериями отбора респондентов были обозначены: добровольность, временность, ведущая цель пребывания на Дальнем Востоке (ведение трудовой деятельности) и иноэтничное происхождение (Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан). Общий объём выборки составил 254 чел. (n=254). Сбор эмпирических материалов осуществлялся в несколько этапов в ряде дальневосточных регионов. Впервые методика была апробирована в 2019 г., был проведён анкетный опрос трудовых мигрантов из государств СНГ, временно пребывающих в Приморье. Далее, в 2023–2024 гг. по аналогичной анкете были опрошены мигранты из центральноазиатских республик, прибывшие на территорию Республики Саха (Якутия), а также Хабаровского края с целью ведения трудовой деятельности. Сравнение данных анкетирования первого и второго этапов дало сопоставимые результаты. Указанные субъекты ДФО (Якутия, Приморский и Хабаровский края) были отобраны в качестве исследовательских кейсов, поскольку являются лидерами по приёму трудовых мигрантов из стран СНГ среди регионов Дальнего Востока. Сопоставление, обобщение и анализ эмпирических данных были осуществлены с использованием ПО SPSS.

Результаты исследования

Предваряя изложение полученных результатов, считаем целесообразным остановиться на описании демографических и социально-статусных характеристик респондентов. Половозрастной состав опрошенных выглядит следующим образом *(рис. 3)*.

В общей сложности распределение респондентов по полу показало, что среди них 87,5% мужчин и 12,5% женщин. Доля лиц молодого возраста[1] (18–44 лет) составляет 88,6%.

Что касается стран происхождения, то 76,7% опрошенных имеют гражданство Узбекистана; 20,1% – выходцы из Таджикистана; 3,2% – граждане

[1] Согласно классификации возрастов, принятой Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ): молодой возраст – 18–44 лет; средний возраст – 45–59 лет; пожилой возраст – 60–74 лет; старческий возраст – 75–90 лет; долгожители – 90 лет и старше.

Рис. 4. Ценностные основания жизненных стратегий: предпочтения трудовых мигрантов, средние значения в баллах.

Источник: составлено авторами.

Fig. 4. Value bases of life strategies: preferences of labor migrants, average values in points.

Source: compiled by the authors.

Кыргызстана. В общих чертах это соответствует как общероссийской, так и дальневосточной ситуации в сфере миграции. Как мы уже указали, основной приток мигрантов, в том числе и в регионы Дальнего Востока, обеспечивается за счёт приезжих именно из указанных государств Центральной Азии.

Если говорить о семейном положении мигрантов из стран ближнего зарубежья, то доля лиц, состоящих в браке, составляет 50,1% от общего числа опрошенных. Имеет место корреляция между наличием официального брачного статуса (женат/замужем) и наличием детей: 50,0% наших респондентов указали на то, что у них есть дети.

По специфике трудовой деятельности, которой заняты мигранты, выявлены следующие особенности. Значительная часть наших респондентов определяет свою работу как сопряжённую с физическим трудом (82,7%), только 17,3% указали на то, что занимаются умственной работой. Среди опрошенных, у которых в работе преобладают элементы умственного труда, доля женщин выше, чем мужчин: 28,1% против 15,7%.

Далее охарактеризуем важнейшие составляющие жизненных стратегий трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья.

Ценностные основания жизненных стратегий трудовых мигрантов. В соответствии с обозначенной выше теоретической рамкой жизненные стратегии (мигрантов) представляют собой некую систему координат, которая позволяет человеку ориентироваться в социальном пространстве, в её основании лежат ранее сформированные (в процессе социализации) ценности, в дальнейшем проявляющиеся в различных видах деятельности и поведении через призму способностей, интересов, ресурсов, активности и представлений о нормах.

Специфика соотношения ценностной системы мигрантов с социокультурными условиями принимающей среды означает, что ценности, которых люди придерживаются, меняются, адаптируются под требования социальных норм общества, в которое они приезжают, тем самым влияя на то, как мигранты организуют и планируют свою жизнь. Всё это, в какой-то мере, может способствовать изменениям в представлениях приезжих о перспективных жизненных целях.

Для выявления ценностных оснований жизненных стратегий мигрантов из стран ближнего зарубежья мы адаптировали типологию Ю. М. Резника и Е. А. Смирнова, согласно которой выделяются стратегия жизненного успеха, стратегия жизненного благополучия, стратегия жизненной самореализации. В результате был сформирован ряд суждений, соответствующих каждой из обозначенных стратегий **[22].**

Стратегия жизненного успеха:

- активная, деятельная, насыщенная событиями жизнь;
- признание и уважение в обществе;
- статусная, престижная работа, даже если она сама по себе не так интересна;
- высокий профессиональный авторитет в избранной сфере трудовой деятельности;
- карьера, продвижение по служебной лестнице.

Стратегия жизненного благополучия:

- безбедная, полная необходимых благ и комфорта жизнь;
- спокойная жизнь без перегрузок и стрессов;
- работать поменьше, а зарплату получать побольше;

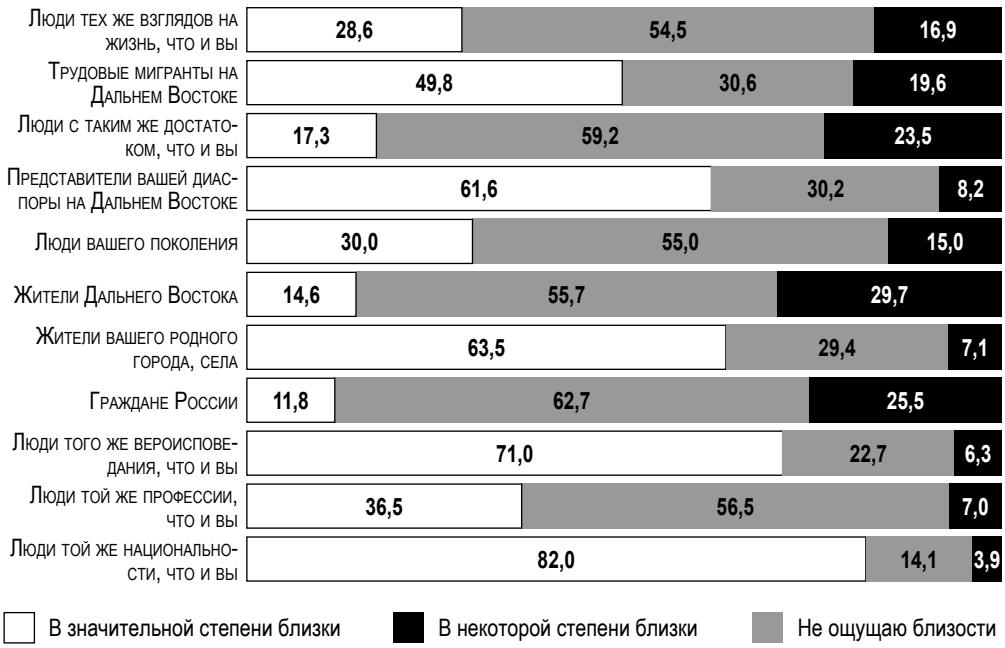


Рис. 5. "Мы – идентификации" трудовых мигрантов, %.

Источник: составлено авторами.

Fig. 5. "We – identifications" of labor migrants, %.

Source: compiled by the authors.

- покупать всё, что хочется, а не то, что можешь себе позволить;
- стабильная размеренная жизнь, позволяющая расслабиться.

Стратегия жизненной самореализации:

- гармоничная, свободная творческая жизнь;
- возможность самостоятельно распоряжаться своим временем, когда ты "сам себе хозяин";
- интересная работа, занятие "по душе";
- внутренняя гармония через самовыражение и саморазвитие;
- отсутствие рутины, однообразия, возможность максимально раскрыть свой потенциал.

Далее мы попросили респондентов оценить важность каждого из указанных параметров по пятибалльной шкале (от 0 до 4), затем на основании полученных ответов были рассчитаны средние значения и получены суммарные баллы *(рис. 4)*.

Как видим, наиболее популярной является стратегия жизненного благополучия, связанная с направленностью на ценности материального достатка, безопасности и стабильности, комфортной и размеренной жизни. Далее по степени распространённости у наших респондентов располагается стратегия жизненного успеха, где значима внешняя сторона жизни: получение одобрения, признания, уважения со стороны окружающих, т. е. "что скажут, как оценят люди", соответственно, в этом случае на первый план выступает демонстрация собственных достижений, "жизнь на показ". Отметим, что здесь прослеживаются определённые различия в оценках мужчин-мигрантов и женщин-мигранток. Указанная жизненная стратегия больше распространена среди мужчин, чем среди женщин: 15,0 и 12,7 суммарных баллов соответственно. Наименее популярной является стратегия жизненной самореализации, выражающаяся в приоритете ценностей самоактуализации и личного самосовершенствования, которые в большей степени характерны для мигрантов, занятых интеллектуальным трудом (в среднем 14,3 баллов), чем для тех, кто занят физическим трудом (12,3 баллов).

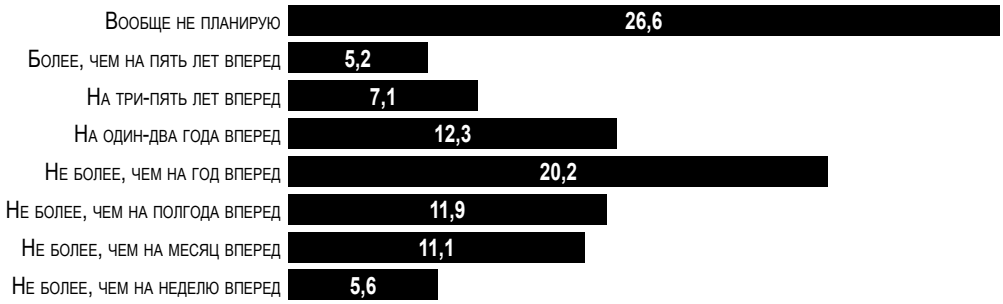


Рис. 6. Горизонт жизненного планирования в представлениях трудовых мигрантов, %.
Источник: составлено авторами.
Fig. 6. Life planning in the views of labor migrants, %.
Source: compiled by the authors.

Таким образом, ценностные основания жизненных стратегий трудовых мигрантов прежде всего представлены ориентацией на материальную обеспеченность и комфорт, стабильность и безопасность.

Особенности групповых идентификаций трудовых мигрантов. Далее обратимся к описанию "мы – идентификаций" трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья. Реализация жизненных стратегий во многом зависит от принадлежности к тому или иному сообществу, т. е. для каждого человека важно "быть своим" в какой-либо социальной группе. Чувство сопричастности, включённости в определённую социальную общность служит фундаментом для понимания и структурирования собственной идентичности.

В рамках исследования респондентам было предложено выразить свою оценку касательно дистанции/приверженности в отношении представителей различных социальных групп *(рис. 5)*.

Можно констатировать, что наиболее значимыми в структуре групповых идентичностей трудовых мигрантов являются элементы, репрезентирующие национальную, религиозную, региональную идентичность. В наименьшей степени мигранты из стран СНГ соотносят себя с россиянами и дальневосточниками, что наглядно демонстрирует существующую дистанцию между местными жителями и приезжими из государств Центральной Азии.

Отдельный интерес представляют полученные нами данные в отношении восприятия трудовыми мигрантами самого мигрантского сообщества на Дальнем Востоке, к которому они, собственно говоря, и сами принадлежат. Практически пятая часть опрошенных отметили, что не ощущают близости с другими трудовыми мигрантами, которые также, как и они пребывают на территории ДФО. Можно оценивать это как маркер некоторой напряжённости внутри самого мигрантского сообщества (которое весьма неоднородно по национальному составу, регионам происхождения внутри стран исхода и т. п.), сложившейся в результате конкуренции за ресурсы, сферы влияния и пр. **[22].**

Темпоральная организация жизненных стратегий трудовых мигрантов. Жизненные стратегии мигрантов включают в себя и представления о будущем, которые, в свою очередь, можно рассматривать в качестве инструмента, регулирующего их повседневное поведение; и демонстрируют в целом отношение к категории "время". Соответственно, некоторые характеристики темпоральной организации жизненных стратегий трудовых мигрантов можно выявить, конкретизировав временные периоды планирования будущего: краткосрочный – не более трёх лет вперед, среднесрочный – на три-пять лет вперед, долгосрочный – более, чем на пять лет вперед *(рис. 6)*.

Полученные нами результаты показывают, что нашим респондентам в большей степени присуще планирование своей жизни на краткосрочную перспективу (в совокупности 61,1% опрошенных), совсем небольшая доля тех, кто имеет среднесрочные и долгосрочные планы: 7,1% и 5,2% соответственно. Но если брать каждый индикатор в отдельности, то жизненные планы мигрантов вообще не имеют какой-либо привязки к временному интервалу: 26,6% ре-

спондентов (наибольшее количество оценок) указали на то, что планирование жизни как таковое у них попросту отсутствует.

В данном ключе отметим, что реальное жизненное пространство трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья, приехавших на заработки в субъекты Дальнего Востока, достаточно рискогенно, поскольку их пребывание в регионах назначения не в полной мере охвачено нормами права, а также знанием этих норм, общественной морали, местных традиций и др. Сама среда их проживания может быть интерпретирована в терминах неопределённости и нестабильности, временности и непостоянства.

Заключение

Процессы, связанные с формированием и реализацией жизненных стратегий мигрантов из стран ближнего зарубежья, неслучайно попадают в фокус современных научных исследований. Указанные процессы находятся на перекрёстке различных, порой противоречивых тенденций. С одной стороны, сохраняется достаточно высокий уровень миграции в российские регионы, в том числе и в дальневосточные, из стран СНГ. С другой стороны, сыграли свою роль и сдерживающие миграцию факторы, обусловленные и пандемией COVID-19 и изменением социально-политической обстановки. В целом, динамика миграционных потоков из государств СНГ в Россию, включая субъекты ДФО, напрямую связана с современными экономическими, политическими процессами, ускоряемыми глобализацией и модернизацией.

Проведённое нами исследование позволило выявить направленность жизненных стратегий трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья в принимающем сообществе регионов ДФО. Подчеркнём, что иностранные трудовые мигранты как специфическая социальная общность, безусловно, обладают характерными особенностями, приоритетами, представлениями о будущем, потребностями и интересами. Все эти аспекты требуют дальнейшего изучения, которое позволит углубить и расширить имеющиеся в современной науке знания о миграции населения.

Литература

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
2. Бляхер Л. Е., Леонтьева Э. О. Особенности миграционной ситуации на Дальнем Востоке и её влияние на формирование идентичности мигрантов // Природа. Человек. Культура: материалы Третьего Международного научно-просветительского форума (Кисловодск, 4–8 октября 2022 г.) / под общ. ред. С. Е. Туркулец, Е. В. Листопадовой. Хабаровск: Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2022. С. 45–48.
3. Ващук А. С., Волкова Е. С. Принимающее сообщество и трудовые мигранты на юге Дальнего Востока России в условиях социально-экономической трансформации: проблемы и практики коммуникации // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество (ежегодник): материалы международной научно-практической конференции (Москва, 23–24 ноября 2022 г.). Вып. 6. М.: ИНИОН РАН, 2023. С. 295–300.
4. Винокурова А. В., Ардальянова А. Ю. Иностранная миграция на Дальнем Востоке России: основные тренды // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 4 (67). С. 11–22.
5. Владимирова Д. А., Гарусова Л. Н., Журбей Е. В. Иммиграционная политика и восточноазиатские мигранты в странах Северной Америки в прошлом и настоящем. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2022. 202 с.
6. Гамерман Е. В. Миграция и безопасность в Северо-Восточной Азии: политические и экономические аспекты // Международные отношения. 2020. № 2. С. 55–69.
7. Гончарова Н. П., Омельченко Д. А. Поведенческие стратегии адаптации трансграничных мигрантов в принимающем сообществе // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2014. № 30. С. 112–117.
8. Давыборец Е. Н., Владимирова Д. А., Журбей Е. В. "Поворот России на Восток": тенденции, проблемы, перспективы. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2021. 96 с.
9. Журбей Е. В. История формирования вьетнамской диаспоры в США в 60–80-е гг. XX в.: проблемы адаптации и интеграции вьетнамских беженцев // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 2 (61). С. 107–120.
10. Зборовский Г. Е. Управление стратегиями поведения городских общностей: проблемы и возможности: [монография] / Г. Е. Зборовский, Е. А. Шуклина, П. А. Амбарова, М. В. Певная, А. А. Кузьминчук. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 200 с.

11. Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.): в 2 кн. / под общ. ред. А. С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. 360 с.

12. Красинец Е. С., Шевцова Т. В. Трудовая миграция в решении стратегических задач пространственного развития человеческого капитала на Дальнем Востоке России // Евразийское Научное Объединение. 2020. № 11–4 (69). С. 251–255.

13. Кривоносова Л. А., Ус М. А. Особенности этнической идентичности мигрантов на Дальнем Востоке России // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 3 (84). С. 119–126.

14. Мищук С. Н. Реализация современной миграционной политики на Дальнем Востоке России: федеральный и региональный аспекты // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16. № 6. С. 1028–1040.

15. Мищук С. Н. Трудовая миграция на Дальнем Востоке: до и после 2020 г. // Региональные проблемы. 2021. Т. 24. № 2–3. С. 171–174.

16. Мотрич Е. Л. Миграция в демографическом развитии Дальнего Востока России // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 1. С. 27–40.

17. Оценка численности постоянного населения на 1 января 2024 г. и в среднем за 2023 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FOkPopul_Comp2024_Site.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 14.07.2024).

18. Пешкова В. М. Жизненные планы трудовых мигрантов из Средней Азии в России: нарративы и практики // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 48–62.

19. Резник Ю. М., Смирнов Е. А. Жизненные стратегии личности (опыт комплексного анализа). Москва: Институт человека РАН, 2002. 260 с.

20. Салимгараева А. Р. Стратегии совладания с жизненными трудностями трудовых мигрантов из стран СНГ в Москве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2021. Т. 14. № 1. С. 78–94.

21. Сердюков К. Н. Демографические и миграционные процессы на Дальнем Востоке России (на примере Приморского края) // Вестник университета. 2023. № 7. С. 233–240.

22. Сердюков К. Н. Жизненные стратегии иностранных трудовых мигрантов (на материалах Приморского края): диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / специальность 5.4.4 "Социальная структура, социальные институты и процессы"; Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова. Архангельск, 2022. 207 с.

23. Храмова М. Н., Зорин Д. П. Возможности и ограничения для роста человеческого капитала в регионах российского Дальнего Востока // Сегодня и завтра российской экономики. 2022. № 107–108. С. 26–36.

24. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2023 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FBul_migr_2023.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 14.07.2024).

25. Чумак Е. В. Индивидуальные жизненные стратегии мигрантов в России // Russian Economic Bulletin. 2021. Т. 4. № 4. С. 99–106.

26. Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2006. 198 с.

27. Яковлев А. И. Мигранты из стран Центральной Азии на Дальнем Востоке России: проблемы адаптации и интеграции // Проблемы современного востоковедения: материалы III Международной научно-практической конференции (Минск, 29–30 июня 2023 г.) / отв. ред. В. Р. Боровой. Минск: Белорусский государственный университет, 2023. С. 139–144.

28. Baumeister R. F., Bargh J. A. Conscious and unconscious. Toward an integrative understanding of human mental life and action // Dual-process theories of the social mind / ed. by Sherman J. W., Gawronski B., Trope Y. New York: Guilford Press, 2014. P. 35–49. URL: https://www.guilford.com/books/Dual-Process-Theories-of-the-Social-Mind/Sherman-Gawronski-Trope/9781462514397/contents (дата обращения: 30.06.2024).

29. Clausen J. A. The life course of individuals // A sociology of age stratification / ed. by Riley M. J., Johnson M., Foner A. New York: Russell sage foundation, 1972. P. 457–514. URL: https://www.russellsage.org/sites/default/files/AgingSociety-vol3download.pdf (дата обращения: 30.06.2024).

30. Elder G. H. Age differentiation and the life course // Annual review of sociology. 1975. Vol. 1 (1). P. 165–190. URL: https://www.annualreviews.org/content/journals/10.1146/annurev.so.01.080175.001121 (дата обращения: 30.06.2024).

31. Elder G. H., Johnson M. K., Crosnoe R. The emergence and development of life course theory // Handbook of the life course / ed. by Mortimer J. T., Shanahan M. J. New York: Kluwer/Plenum, 2003. P. 3–19. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-0-306-48247-2_1 (дата обращения: 30.06.2024).

32. Elder G. H., O'Rand A. Adult lives in a changing society // Sociological perspectives in social psychology / ed. by Cook K. S., Fine G. A., House J. S. Boston: Allyn and Bacon, 1995. P. 452–475.

URL: https://www.soc.duke.edu/~aorand/pdfs/Elder&O'Rand_Adult%20Lives_1995.pdf (дата обращения: 30.06.2024).

33. World Migration Report – 2024 // IOM. Publications Platform. URL: https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2024 (дата обращения: 10.07.2024).

References

1. Abulkhanova-Slavskaya K. A. Life strategy. Moscow, 1991. 199 p. (In Russ.).

2. Blyakher L. E., Leont'eva E. O. Features of the migration situation in the Far East and its impact on the formation of migrants' identity // Nature. Human. Culture: materials of the Third International Scientific and Educational Forum (Kislovodsk, October 4–8, 2022), ed. S.E. Turkulets, E.V. Listopadova. Khabarovsk: Far Eastern State Transport University, 2022. P. 45–48. (In Russ.).

3. Vashchuk A. S., Volkova E. S. Host community and labor migrants in the south of the Russian Far East in the conditions of socio-economic transformation: problems and practices of communication // Big Eurasia: development, security, cooperation (yearbook): materials of the international scientific and practical conference (Moscow, November 23–24, 2022). Issue 6. Moscow, 2023. P. 295–300. (In Russ.).

4. Vinokurova A. V., Ardalyanova A. Yu. Foreign migration in the Russian Far East: main trends // Ojkumena. Regional Researches. 2023. No. 4 (67). P. 11–22. (In Russ.).

5. Vladimirova D. A., Garusova L. N., Zhurbey E. V. Immigration policy and East Asian migrants in North America in the past and present. Vladivostok, 2022. 202 p. (In Russ.).

6. Gamerman E. V. Migration and security in North-East Asia: political and economic aspects // International relations. 2020. No. 2. P. 55–69. (In Russ.).

7. Goncharova N. P., Omelchenko D. A. Behavioral strategies for adaptation of cross-border migrants in the host community // Diary of the Altai School of Political Researches. 2014. No. 30. P. 112–117. (In Russ.).

8. Davyborets E. N., Vladimirova D. A., Zhurbey E. V. "Russia's turn to the East": trends, problems, prospects. Vladivostok, 2021. 96 p. (In Russ.).

9. Zhurbey E. V. The history of the formation of the Vietnamese diaspora in the United States in the 60–80s XX century: problems of adaptation and integration of Vietnamese refugees // Ojkumena. Regional Researches. 2022. No. 2. P. 107–120. (In Russ.).

10. Zborovsky G. E., Shuklina E. A., Ambarova P. A. Pevnaya M. V., Kuzminchuk A. A. Behavior strategies management of city communities: problems and opportunities. Ekaterinburg, 2014. 200 p. (In Russ.).

11. Historical problems of socio-political security of the Russian Far East (second half of the XX – beginning of the XXI century): in 2 books, ed.by A. S. Vashchuk. Vladivostok, 2014. 360 p. (In Russ.).

12. Krasinets E. S., Shevtsova T. V. Labor migration in solving strategic problems of spatial development of human capital in the Russian Far East // Eurasian Scientific Association. 2020. No. 11–4 (69). P. 251–255. (In Russ.).

13. Krivonosova L. A., Us M. A. Features of the ethnic identity of migrants in the Russian Far East // Power and governance in East of Russia. 2018. No. 3 (84). P. 119–126. (In Russ.).

14. Mishchuk S. N. Implementation of modern migration policy in the Russian Far East: federal and regional aspects // Regional Economics: Theory and Practice. 2018. No. 16 (6). P. 1028–1040. (In Russ.).

15. Mishchuk S. N. Labor migration in the Far East of Russia: before and after 2020 // Regional Problems. 2021. No. 24 (2–30). P. 171–174. (In Russ.).

16. Motrich E. L. Migration in the demographic development of the Russian Far East // Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2022. No. 18 (1). P. 27–40. (In Russ.).

17. Estimation of the permanent population as of January 1, 2024 and on average for 2023 // Federal State Statistics Service. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FOkPopul_Comp2024_Site.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (Accessed 14. 07. 2024). (In Russ.).

18. Peshkova V. M. Life Plans of Central Asian Migrants in Russia: Narratives and Practices // Ethnographic Review. 2017. No. 3. P. 48–62. (In Russ.).

19. Reznik Yu. M., Smirnov E. A. Personal life strategies (experience of complex analysis). Moscow, 2002. 260 p. (In Russ.).

20. Salimgaraeva A. R. Coping strategies of labor migrants from CIS countries // Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology. 2021. Vol. 14. Issue 1. P. 78–94. (In Russ.).

21. Serdyukov K. N. Demographic and migration processes in the Far East of Russia (on the example of Primorsky Krai) // Vestnik Universiteta. 2023. No. 7. P. 233–240. (In Russ.).

22. Serdyukov K. N. Life strategies of foreign labor migrants (based on materials from Primorye Territory): dissertation for the degree of candidate of sociological sciences / specialty 5.4.4 "Social structure, social institutions and processes"; Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov. Arkhangelsk, 2022. 207 p. (In Russ.).

23. Khramova M. N., Zorin D. P. Opportunities and limitations for the growth of human capital in the regions of the Russian Far East // Today and tomorrow of the Russian economy. 2022. No. 107–108. P. 26–36. (In Russ.).

24. Chumak E. V. Individual life strategies of migrants in Russia // Russian Economic Bulletin. 2021. Vol. 4. No. 4. P. 99–106. (In Russ.).

25. Population and migration of the Russian Federation in 2023 // Federal State Statistics Service. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FBul_migr_2023.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (accessed 14.07.2024). (In Russ.).

26. Ethnic Groups and Boundaries, ed. by F. Barth; lane from English I. Pilshchikov. Moscow, 2006. 198 p. (In Russ.).

27. Yakovlev A. I. Migrants from Central Asia countries in the Far East of Russia: problems of adaptation and integration // Problems of Modern Oriental Studies: materials of the III International Scientific and Practical Conference (Minsk, June 29–30, 2023), ed. by V. R. Borovoy. Minsk: Belarusian State University, 2023. P. 139–144. (In Russ.).

28. Baumeister R. F., Bargh J. A. Conscious and unconscious. Toward an integrative understanding of human mental life and action // Dual-process theories of the social mind, ed. by Sherman J. W., Gawronski B., Trope Y. New York: Guilford Press, 2014. P. 35–49. URL: https://www.guilford.com/books/Dual-Process-Theories-of-the-Social-Mind/Sherman-Gawronski-Trope/9781462514397/contents (accessed 30.06.2024).

29. Clausen J. A. The life course of individuals. A sociology of age stratification, ed. by Riley M. J., Johnson M., Foner A. New York: Russell sage foundation, 1972. P. 457–514. URL: https://www.russellsage.org/sites/default/files/AgingSociety-vol3download.pdf (accessed 30.06.2024).

30. Elder G. H. Age differentiation and the life course // Annual review of sociology. 1975. Vol. 1 (1). P. 165–190. URL: https://www.annualreviews.org/content/journals/10.1146/annurev.so.01.080175.001121 (accessed 30.06.2024).

31. Elder G. H., Johnson M. K., Crosnoe R. The emergence and development of life course theory // Handbook of the life course, ed. by Mortimer J. T., Shanahan M. J. New York: Kluwer/Plenum, 2003. P. 3–19. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-0-306-48247-2_1 (accessed 30.06.2024).

32. Elder G. H., O'Rand A. Adult lives in a changing society // Sociological perspectives in social psychology, ed. by Cook K. S., Fine G. A., House J. S. Boston: Allyn and Bacon, 1995. P. 452–475. URL: https://www.soc.duke.edu/~aorand/pdfs/Elder&O'Rand_Adult%20Lives_1995.pdf (accessed 30.06.2024).

33. World Migration Report – 2024 // IOM. Publications Platform. URL: https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2024 (accessed 10.07.2024).

◆

Информация об авторах

Константин Николаевич Сердюков, канд. социол. наук, научный сотрудник лаборатории социальной и медицинской географии Тихоокеанского института географии ДВО РАН; научный сотрудник департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: me@serdjukov.ru

Анна Викторовна Винокурова, канд. социол. наук, доцент, научный сотрудник департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Information about the authors

Konstantin N. Serdyukov, Candidate of Sociology, Researcher, Laboratory of Social and Medical Geography, Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences; Researcher, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: me@serdjukov.ru

Anna V. Vinokurova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Researcher, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Поступила в редакцию 22.07.2024 Одобрена после рецензирования 07.08.2024 Принята к публикации 28.08.2024

Received 22.07.2024 Approved 07.08.2024 Accepted 28.08.2024

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 23–30.
Oikumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 23–30.

Научная статья
УДК 316.74
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/23-30

"Каждую пятницу в мечеть ребята ходят": религиозные практики молодых мигрантов в условиях якутской повседневности

Анна Юрьевна Ардальянова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, ardalyanova.ayu@dvfu.ru
Айтал Игоревич Яковлев
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Якутск, Россия;
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, aytalyakovlev@mail.ru

Аннотация. В настоящей работе рассматриваются особенности религиозных практик и проявлений духовности среди молодых мигрантов из Центральной Азии, проживающих в Республике Саха (Якутия). Приводятся данные о численности населения, количеству и составу прибывающих в регион мигрантов, а также данные Министерства юстиции РФ о количестве и конфессиональном распределении религиозных организаций в республике. Эмпирическую базу исследования составили результаты социологического исследования, выполненного в г. Якутске в период с февраля 2023 г. по июль 2024 г. с применением качественной методологии, включая метод полуструктурированного интервью с мигрантами и экспертами из числа работодателей мигрантов (n=15). Описываются основные религиозные практики молодых мигрантов, указывается на роль и значение этих практик в жизни молодых людей, их влияние на трудовую деятельность. Обозначено различие практик в зависимости от этнического происхождения прибывающих мигрантов. Авторы анализируют религиозные практики мигрантов как часть их повседневности, приходят к выводу о том, что приобщение к религиозной жизни помогает молодым мигрантам адаптироваться к новым социальным условиям, обеспечивая поддержание органичной связи с культурными корнями и верованиями в условиях северного региона, предоставляет возможности решать насущные проблемы.
Ключевые слова: *миграция, Республика Саха (Якутия), религиозные практики, молодые мигранты, мечеть, мусульмане в Якутии, религиозные организации*

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-01113, https:// rscf.ru/ project/23-28-01113/

Для цитирования: Ардальянова А. Ю., Яковлев А. И. "Каждую пятницу в мечеть ребята ходят": религиозные практики молодых мигрантов в условиях якутской повседневности // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 23–30. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/23-30

Original article
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/23-30

"Every Friday Guys Go to the Mosque": Religious Practices of Young Migrants in the Context of Yakutian Everyday Life

Anna Yu. Ardalyanova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, ardalyanova.ayu@dvfu.ru
Aital I. Yakovlev
M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk; Russia,
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, aytalyakovlev@mail.ru

Abstract. This paper examines the characteristics of religious practices and manifestations of spirituality among young migrants from Central Asia living in the Republic of Sakha (Yakutia). Data are provided on the population, the number and composition of migrants arriving in the country, as well as data from the Ministry of Justice of the Russian Federation on the number and denominational distribution of religious organizations in the republic. The empirical basis of the study was the results of a sociological study carried out in the city of Yakutsk during the period from 02.01.2023 to 07.10.2024 using qualitative methodology and the method of semi-structured interviews with migrants and experts from among migrant employers (n=15). The main religious practices of young migrants are described, the role and significance of these practices in the lives of young people, and their impact on work activity is indicated. The differences in practices depending on the ethnic origin of arriving migrants are indicated. The authors analyze the religious practices of migrants as part of their everyday life and come to the conclusion that involvement in religious life helps young migrants adapt to new social conditions, ensuring the maintenance of an organic connection with cultural roots and beliefs in the northern region, and provides opportunities to solve pressing problems.
Key words: *migration, Republic of Sakha (Yakutia), religious practices, young migrants, mosque, Muslims in Yakutia, religious organizations*

The reported study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-01113, https://rscf.ru/ project/23-28-01113/

For citation: Ardalyanova A. Yu., Yakovlev A. I. "Every Friday Guys Go to the Mosque": Religious Practices of Young Migrants in the Context of Yakutian Everyday Life // Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 23–30. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/23-30

Введение

Республика Саха (Якутия) (далее РС(Я)) – один из уникальнейших регионов России, в котором соединились суровый климат, богатые националь-

© Ардальянова А. Ю., Яковлев А. И., 2024

Табл. 1. Изменение общей численности населения в субъектах ДФО за период 2019–2023 гг., оценка в среднем за год; тыс. чел.

Table 1. Change in the total population in the FEFD subjects for the period 2019–2023, average estimate per year; thousand pers.

	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
ДФО	8 178,9	8 146,6	8107,6	7935,2	7885,1
Республика Бурятия (РБ)	984,6	985,7	984,0	976,3	973,3
Республика Саха (Якутия) (РС (Я))	969,5	977,0 ↑	987,0 ↑	997,7 ↑	999,6 ↑
Забайкальский край	1 062,7	1 056,6	1048,5	996,5	988,4
Камчатский край	313,9	312,3	312,2	290,7	288,8
Приморский край	1 899,2	1 886,8	1870,4	1831,0	1813,2
Хабаровский край	1 318,5	1 308,4	1300,0	1288,4	1281,1
Амурская область	791,6	785,9	777,2	759,9	753,1
Магаданская область	140,7	139,6	138,4	135,1	133,8
Сахалинская область	488,9	486,9	484,9	463,3	459,1
Еврейская автономная область (ЕАО)	159,1	157,4	155,2	148,5	146,6
Чукотский автономный округ (ЧАО)	50,0	49,9	49,84	47,9	48,0

Источник: составлено авторами на основе [10].
Source: compiled by the authors based on [10].

ные традиции и культура. Повседневность жителей региона протекает в условиях своеобразного противостояния холоду, глобализации и миграционным процессам, о чём свидетельствуют яркие "антимигрантские" выступления последних лет, коснувшиеся в том числе и религиозной сферы Якутии **[15; 14].** При этом исследователи отмечают, что именно миграционные процессы становятся основой для социально-экономического и культурно-хозяйственного развития территории, а возникающее недовольство населения в отношении мигрантов – результат неравномерного распределения производительных сил и трудовых ресурсов, дисбаланс развития города и села, ограниченность поля этнокультурного взаимодействия в регионе **[13]**.

Настоящая статья направлена на описание повседневности молодых мигрантов Якутии и включенные в неё религиозные практики, но перед тем, как перейти к описанию результатов нашего исследования, статистически охарактеризуем регион и миграционные процессы в нём.

Начнем с того, что РС (Я) – самый крупный регион в России. По данным Росреестра, площадь территории Якутии составляет 3083,5 кв. км, она занимает ключевую позиции среди субъектов Дальнего Востока России и с точки зрения демографических показателей (*табл. 1*). Несмотря на то, что по общей численности населения республика занимает третью позицию, уступая Приморскому и Хабаровскому краям, за последние пять здесь можно наблюдать уверенный прирост населения – 4099 человек в 2023 г., это происходит как за счёт естественного прироста (3346 человек), так и за счёт миграционного (753 человек).

Естественный прирост населения РС (Я) объясняется национальными и культурными особенностями республики, среди которых сохранение традиционного способа хозяйствования и образа жизни, и как следствие ориентация на многодетность. Помимо этого, можно отметить, что за последние годы в республике значительно повысился уровень медицинского обслуживания, в том числе в системе родовспоможения, о чем свидетельствуют достаточно низкие в регионе показатели младенческой и детской смертности **[4].**

В статистическом портрете региона интерес вызывают и миграционные процессы. Так, в 2023 г. в РС (Я) прибыло 54069 чел., в том числе из других регионов России 11478 и из-за рубежа 16250 чел. Б**о**льшую часть мигрантов

Табл. 2. Численность и конфессиональный состав религиозных организаций в Республике Саха (Якутия) по состоянию на 19.07.2024

Table 2. Numbers and confessional composition of religious organizations in the Republic of Sakha (Yakutia) as of July 19, 2024

Религиозные организации по конфессиям	Количество религиозных организаций в РС(Я)	% от общего числа религиозных организаций в РС(Я)
Христианство	140	87
в том числе:		
Русская православная церковь (Московский патриархат)	85	52,8
Евангельские христиане	28	17,4
Христиане веры евангельской	16	9,9
Адвентисты Седьмого Дня	5	3,1
Католицизм	4	2,5
Древлеправославная община	1	0,6
Армянская Апостольская Православная Церковь	1	0,6
Ислам	10	6,2
Религия Айыы	6	3,7
Буддизм	3	1,9
Иудаизм	1	0,6
Бахаи	1	0,6
Итого:	161	100

Источник: составлено авторами на основе [7].
Source: compiled by the authors based on [7].

составляют граждане стран СНГ – 15272 чел., при этом миграционный прирост по данной категории прибывающих составил 1465 чел.

Б**о**льшая часть регионов Дальневосточного федерального округа демонстрируют отрицательное сальдо миграции со странами СНГ, помимо Якутии исключение составляют Амурская область и Республика Бурятия (+127 и 55 чел. соответственно). Прибывают в Якутию больше всего мигрантов из Кыргызстана 60% (9247 чел.), 14% (2093 чел.) – Армении, 13% (2030 чел.) – Таджикистана, 5% (695 чел.) – Казахстана, 5% (557 чел.) – Узбекистана, 2% и менее – из Украины, Азербайджана, Беларуси, Молдовы и Туркмении **[11].**

Сравнительно недавно глава РС (Я) А. Николаев подписал запрет о работе иностранцев в отдельных отраслях на территории региона **[2]**, однако фактически этот запрет касается только граждан Таджикистана и Узбекистана и не затрагивает мигрантов из Кыргызстана и Армении, которых согласно статистическим данным большая часть.

В силу того, что мигранты в республике представлены в основном выходцами из Центральной Азии (Кыргызстан, Таджикистан, Казахстан, Узбекистан), исповедующими ислам, а религия оказывает существенное влияние на формирование адаптационных механизмов у мигрантов **[5],** возрастает роль мусульманских организаций, а именно молитвенных домов и мечетей как основного субъекта организации религиозной жизни мусульман в РС (Я).

По данным Министерства юстиции РФ на сегодняшний день в республике зарегистрировано 161 религиозная организация, конфессиональное распределение организаций представлено в таблице 2.

Безусловным лидером по численности являются христианские организации – 87% (140), а наибольшее их количество приходится на организации Русской православной церкви – 52,8 % (85) организаций от общей численно-

сти религиозных организаций. Достаточно активны в регионе протестантские церкви, их в общей сложности 30,4% (49). Мусульманские организации составляют 6,2% от общей численности, при этом важно подчеркнуть, что организации имеют достаточно обширную географическую распространённость. В отличие от других регионов, например Приморского и Хабаровского краёв, где мусульманские религиозные организации расположены в основном в региональных центрах (г. Владивосток, г. Хабаровск), в Якутии молельные дома имеют достаточно широкий географический разброс. Так, в г. Якутске зарегистрировано только 2 организации; остальные же находятся в городах Алдан (2), Нерюнгри (1), Ленск (1), Олёкминск (1), Мирный (1), Удачный (1) и пос. Айхал (1). Такое рассредоточение, на наш взгляд, связано именно с тем, что на данных территориях религиозные организации выполняют своего рода функцию легитимации мигрантов, сопровождая их религиозные практики и осуществляя своеобразный контроль над взаимодействием с местным населением.

Теоретическая рамка и методы исследования

Перейдём к описанию теоретической рамки настоящего исследования, в фокусе внимания которого лежит повседневность молодых мигрантов и реализация ими религиозных практик. Повседневность в социологии понимается как функционирование или существование в контексте регулярных и обычных действий, которые люди выполняют ежедневно. Данное описание восходит к работам А. Шюца, где повседневность рассматривается как мир индивидуального социального опыта **[12]**, который может быть сведён к типичной модели поведения мигранта в принимающем сообществе. В теоретическом плане немаловажным является аспект конструирования и поддержания социальной реальности **[1]** молодых мигрантов, идентифицирующих себя как мусульман в иной социокультурной среде.

В последнее время за счёт усиления общественной дискуссии в отношении миграционных процессов в России исследователи обращаются к анализу повседневности мигрантов и реализуемых ими религиозных практик. В частности, авторами отмечается, что для мигрантов в целом характерно сохранение традиционных повседневных практик (многообразные родственные связи, соблюдение национальных обычаев) **[3]**, с распространением религиозных практик в городских массивах создаются своеобразные "границы" исламского мира **[9]**, активно практикующие мигранты-мусульмане характеризуются большей степенью социализации и интегрированности в принимающее сообщество, в то время как мусульмане с отсутствием религиозных практик, напротив, склонны реализовывать так называемые "маргинальные стратегии аккультурации", когда мигранты не идентифицируют себя ни со своей национальной культурой, ни с культурой принимающего сообщества **[6]**.

Феноменологическая традиция, выбранная нами в качестве теоретической рамки, является основой для реализации качественной стратегии эмпирического социологического исследования **[8]**, в фокусе внимания которого лежит жизненный опыт индивидов и связанное с ним восприятие социальной реальности, смыслы и значения, вкладываемые в данном случае молодыми мигрантами в религиозные контексты.

В данной работе мы сделали акцент на рассуждениях о значении религиозных практик в жизни молодых (трудовых и образовательных) мигрантов, представленных в виде высказываний как самих молодых мигрантов в возрасте от 18 до 35 лет (далее И1; И2 и т. д.)[1], так и экспертов из числа работодателей (далее Э1; Э2 и т. д.)[2], особо следует отметить вклад в настоящую работу нашего ключевого эксперта – представителя Централизованной религиозной организации "Духовное управление мусульман" Республики Саха (Якутия)

[1] И1 – жен., 34 года, Кыргызстан; И2 – жен., 29 лет, Кыргызстан; И3 – муж., 27 лет, Кыргызстан; И4 – муж., 21 год, Кыргызстан; И5 – жен., 20 лет, Таджикистан; И6 – муж., 28 лет, Таджикистан; И7 – муж., 20 лет, Таджикистан; И8 – жен., 35 лет, Кыргызстан; И9 – муж., 28 лет, Кыргызстан; И10 – муж., 22 года, Таджикистан.

[2] Э1 – руководитель строительной компании, муж., 38 лет; Э2 – руководитель строительной компании, муж., 35 лет; Э3 – руководитель строительной компании, муж., 25 лет; Э4 – управляющая предприятием общепита, жен., 39 лет.

(далее – КЭ).[3] Возрастные рамки информантов определялись условиями проекта, в котором авторы принимали участие как исполнители.

Результаты исследования

Описывая собственную включённость в религиозные практики, молодые люди часто отмечают свою некомпетентность в данном вопросе, особенно это касается молодых кыргызов, как мужчин, так и женщин:

"Мы мусульмане, но при этом ничего не соблюдаем. У нас все так делают" (И3);

"Женщины в мечеть ходят только в тех случаях, если нету мужчин. Я не хожу, но я стараюсь соблюдать… Ну как соблюдать, не говорить плохо о человеке, не делать зло, элементарные простые вещи" (И2).

Молодые мигранты из Таджикистана более религиозны и придают религиозным практикам большое значение. На первый план выходят семейные традиции, которые закладывают в молодых людях определённые практики:

"В семье у нас все религиозны" (И5)*;*

"Я с детства ходил в мечеть, уроки получал и для меня это было полезно. Узнал, что можно, а что нельзя из религии" (И10);

"Мы так привыкли в Таджикистане жить. Там живешь, и ты не думаешь, что с религиозной точки зрения это правильно, или нет, потому что там культура почти полностью соответствует религии" (И6).

Религиозные практики молодых мигрантов сводятся в основном к соблюдению поста в священный месяц Рамадан и посещению мечети в пятницу. Читать намаз пять раз в день не у каждого бывает возможность, если данная практика не распространена в близком и семейном окружении, молодые люди просто не знают, как правильно нужно осуществлять молитву. Есть некоторый запрос на информационное сопровождение религиозных практик, при этом просвещаются молодые люди в религиозной сфере в основном за счёт интернет-ресурсов и социальных сетей:

"Мусульманская у нас религия, мусульмане мы и читаем намаз, как позволяет наша работа. Днём, конечно, мы на работе и не можем, а вот вечером и утром молимся. Пост держим во время Рамадана. А так в мечеть не ходим, потому что далеко" (И8);

"*Ну, я не читаю, но мы смотрим и слушаем, через телефон изучаем. Я не умею, там написано по-арабски, просто берём по телефону, слушаем исламских богословов*" (И10);

"Каждую пятницу в мечеть ребята ходят" (И5).

Эксперты в лице работодателей молодых мигрантов также подчеркивают, что молодые люди редко открыто демонстрируют религиозность, однако если подобные практики имеют место, работодатели стараются проявлять сдержанность, иногда разъясняют местные правила и обычаи:

"Молодым ребятам приходится местные обычаи объяснять. Это я не просто говорю, это нельзя, а я именно это объясняю, почему нельзя" (Э1).

Также работодатели подтверждают тезис о большей религиозности уроженцев Таджикистана:

"Уже сколько лет работаю, ни разу не видел, чтобы киргизы вот так сидели и читали (Коран – прим. авторов). *Таджики есть, они такие люди в этом плане очень… Соблюдают правила Корана. Этого придерживаются таджики, нежели киргизы"* (Э1).

В беседах с работодателями также можно обнаружить ответ на волнующий многих исследователей и обывателей вопрос: почему, несмотря на ужесточение законодательства в отношении трудовых мигрантов, работодатели предпочитают брать на работу именно их, пренебрегая "местной" рабочей силой. Ответ как раз, на наш взгляд, лежит в плоскости повседневности трудового мигранта, а именно в его отношении к трудовой задаче:

"Потому что человек, который приезжает из другой страны, он приезжает с одной целью – заработать. То есть у него номер один – это работа. А если сравнить его с местным гражданином, который здесь, то у него семья. У него есть каникулы, допустим, там, не знаю, сенокос или ещё что-то, охота. То есть это, ну, как? Работодателю оно мешает" (Э4).

---

[3] КЭ – заместитель муфтия "Духовного управления мусульман Якутии".

Религиозные же практики, по мнению работодателей, часто являются своеобразным регулятором процесса работы, они прогнозируемы, предсказуемы и позволяют работодателю планировать рабочий процесс, работодатели относятся с пониманием к религиозным потребностям своих подопечных и часто говорят о дисциплинированности молодых мигрантов, исповедующих ислам. Пятикратная молитва, пост и ограничения в употреблении алкоголя формируют и определённое отношение к труду:

"В праздничные дни они не работают, отпрашиваются, идут в мечеть. Ну и, если пятница, днем не кушают, как солнце садится, только ночью кушают, ага пост, просят, чтобы ну чтобы работы поменьше было, так как не успевают восстановиться, ходят чуть-чуть вялые такие. Но отношусь к этому нормально" (Э2).

Особой религиозной практикой, которая для мусульманина является очень важной, является посещение мечети. И в этом плане молодые мигранты, воспитанные в духе исламских традиций, не являются исключением. Молодёжь, по мнению представителя Духовного управления мусульман РС(Я), достаточно активно посещает соборную мечеть города Якутска:

"Молодых бывает больше, в основном молодёжь. С исламом всегда практически большинство это всегда были молодёжь, молодые ребята, молодые люди, ровесники, мужчины, девушки, женщины" (КЭ).

Одной из характерных черт республики является увеличение числа прихожан мечети в летнее время, что обусловлено как особыми климатическими условиями, так и увеличением количества мигрантов с апреля по октябрь:

"Каждый год ощущается, начиная уже где-то с конца марта, где-то с апреля месяца, в мечети начинаешь видеть очень много разных людей. Элементарно возьмем пятничную молитву, зимой бывает такое, что мечеть даже не полностью заполняется. То есть бывают свободные места и всё такое. Немного, но бывает. В летнее время можно наблюдать картину, что люди даже во дворе, к примеру, большое количество людей уже во дворе. Это говорит о том, что людей стало больше. Это вновь прибывшие люди, которые работают в Якутске и просто так приходят" (КЭ).

Посещают чаще всего мечеть мигранты небольшими разновозрастными группами ("бригадами"). Подобные группы связываются с национальными диаспорами, а через диаспоры они держат связь с мечетью или молельным домом. В этом плане наш ключевой эксперт также подтверждает озвученный ранее тезис о том, что представители Таджикистана более религиозны, нежели другие мигранты, они активнее посещают мечеть. Помимо этого, в Якутске ведёт работу Общественная организация "Союз Таджикистанцев Республики Саха (Якутия)":

"Ну, на сегодняшний день, из стран Центральной Азии, если мы будем говорить… Это у нас в основном мусульмане: Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан, из этих трёх больше всего это таджики (посещают мечеть – прим. авт.). *И в плане религиозной приверженности таджики, они более привержены к религии, соблюдают религиозные обряды, вообще к изучению религии склонны. То есть издревле так повелось"* (КЭ).

При этом мечеть в данном случае может выполнять функцию административного центра, который помогает в адаптации мигрантов и решении их актуальных проблем:

"Здесь есть такой некий определённый костяк людей, которые всё время посещают мечеть, которые стабильно общаются между собой. И очень часто бывает даже до нас вопрос не доходит, а на уровне прихожан уже решается" (КЭ).

Таким образом, осуществление религиозных практик играет значимую роль в жизни молодых мигрантов. Местные социокультурные условия, а также усилия религиозных общин оказывают заметное влияние на характер и интенсивность религиозных практик, с одной стороны способствуя интеграции в принимающее сообщество, а с другой – сохранению собственной идентичности.

Заключение

В самом общем плане религиозные практики молодых мигрантов можно охарактеризовать следующим образом. Во-первых, они часто связаны с этническим происхождением мигрантов. Так, в бо́льшей степени религиозность проявляют граждане Таджикистана, хотя в численном выражении они не составляют большинство прибывающих мигрантов в Якутию. Во-вторых, так как цель молодых людей, прибывающих регион, тесно связана либо с образованием, либо с работой, то религиозные практики встраиваются в повседневность, не перекрывая основной цели. Они дисциплинируют молодёжь, способствуют формированию ответственности за свои поступки, усвоению социальных норм.

На наш взгляд, очень важно, чтобы в процессе осуществления религиозной практики или попытке её освоения молодые мигранты не были предоставлены сами себе и "интернет-пророкам", тем самым подвергаясь риску быть втянутыми в деструктивную, противоправную и криминальную деятельность. В этом плане актуализируется работа зарегистрированных в республике общественных и религиозных организаций, которые могут отвечать на подобный запрос молодёжи специализированными образовательными программами и курсами, мероприятиями, официальными медиаплатформами, направленными не только на религиозное просвещение, но и на разъяснение правовых норм, обсуждение национальных, культурных, семейных ценностей и этических проблем, а также развитие личностных качеств.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 325 с.

2. В Якутии мигрантам запретили работать. Но не всем // Якутск вечерний. URL: https://vecherniy.com/news/v_jakutii_migrantam_zapretili_rabotat_no_ne_vsem/2024-04-05-1713 (дата обращения: 16.07.2024).

3. Винокурова А. В. Повседневность и "домашние" практики семей трудовых мигрантов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 2 (45). С. 40–45.

4. Естественное движение населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269 (дата обращения: 16.07.2024).

5. Леденева В. Ю. Социологическое измерение социальной адаптации трудовых мигрантов: региональный аспект // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15. № 4. С. 106–119.

6. Могильчак Е. Л. Религиозность мигрантов из Центральной Азии в условиях крупного города // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. № 4. С. 620–631.

7. Реестр некоммерческих организаций // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-nekommercheskih-organizacij (дата обращения: 16.07.2024).

8. Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998. 292 с.

9. Сметанин Ф. Производство "исламского" как маркер границ "чужого" пространства в городских нарративах (на примере Иркутска) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2023. Т. 41. № 3–4. С. 420–448.

10. Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283 (дата обращения: 16.07.2024).

11. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2023 году (дата публикации: 12.07.2024) // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283 (дата обращения: 16.07.2024).

12. Шюц А. Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. 1056 с.

13. Этносоциальные процессы в Якутии: современный ракурс и перспективы развития / В. Б. Игнатьева, Е. Г. Маклашова, А. Г. Томаска и др. Новосибирск: Наука, 2022. 296 с.

14. Это ущемление по религиозному признаку: муфтий Якутска об идее переноса мечети за пределы города // Якутия. Инфо. URL: https://yakutia.info/article/187802 (дата обращения: 16.07.2024).

15. Якутия "антимигрантская": вспоминаем события разных лет // Якутия. Инфо. URL: https://yakutia.info/article/211300 (дата обращения: 16.07.2024).

References

1. Berger P., Lukman T. Social construction of reality: a treatise on the sociology of knowledge. Moscow, 1995. 325 p. (In Russ.).
2. In Yakutia, migrants were prohibited from working. But not for everyone. Evening Yakutsk: [website]. URL: https://vecherniy.com/news/v_jakutii_migrantam_zapretili_rabotat_no_ne_vsem/2024-04-05-1713 (accessed 16.07.2024). (In Russ.).
3. Vinokurova A. V. Everyday life and "home" practices of families of labor migrants // Ojkumena. Regional Researches. 2018. No. 2 (45). P. 40–45. (In Russ.).
4. Natural movement of the population of the Russian Federation. Federal State Statistics Service: [website]. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269 (accessed 16.07.2024). (In Russ.).
5. Ledeneva V. Yu. Sociological dimension of social adaptation of labor migrants: regional aspect // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-Economic Sciences. 2022. Vol. 15. No. 4. P. 106–119. (In Russ.).
6. Mogilchak E. L. Religiosity of migrants from Central Asia in a large city // Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2019. No. 4. P. 620–631. (In Russ.).
7. Register of non-profit organizations. Ministry of Justice of the Russian Federation: [website]. URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-nekommercheskih-organizacij (accessed 16.07.2024). (In Russ.).
8. Semenova V.V. Qualitative methods: an introduction to humanistic sociology. Moscow, 1998. 292 p. (In Russ.).
9. Smetanin F. Production of "Islamic" as a marker of the boundaries of "alien" space in urban narratives (the example of Irkutsk) // State, religion, Church in Russia and abroad. 2023. Vol. 41. No. 3–4. P. 420–448. (In Russ.).
10. Number and migration of the population of the Russian Federation. Federal State Statistics Service: [website]. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283 (accessed 16.07.2024). (In Russ.).
11. Number and migration of the population of the Russian Federation in 2023 (date of publication: 12.07.2024). Federal State Statistics Service: [website]. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283 (accessed 16.07.2024).
12. Schutz A. A world glowing with meaning. Moscow, 2004. 1056 P. (In Russ.).
13. Ethnosocial processes in Yakutia: modern perspective and development prospects / V. B. Ignatieva, E. G. Maklashova, A. G. Tomaskaet al. Novosibirsk, 2022. 296 p. (In Russ.).
14. This is an infringement on religious grounds: the Mufti of Yakutsk about the idea of moving the mosque outside the city // Yakutia. Info: [website]. URL: https://yakutia.info/article/187802 (accessed 16.07.2024). (In Russ.).
15. Yakutia "anti-migrant": We remember the events of different years // Yakutia. Info: [website]. URL: https://yakutia.info/article/211300 (accessed 16.07.2024). (In Russ.).

◆

Информация об авторах

Анна Юрьевна Ардальянова, канд. социол. наук, научный сотрудник департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: ardalyanova.ayu@dvfu.ru

Айтал Игоревич Яковлев, канд. ист. наук, доцент Исторического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова, Якутск, Россия; научный сотрудник департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: aytalyakovlev@mail.ru

Information about the authors

Anna Yu. Ardalyanova, Candidate of Sociology, Researcher, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: ardy2004@mail.ru

Aital I. Yakovlev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia; Researcher, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: aytalyakovlev@mail.ru

Поступила в редакцию 26.07.2024 Одобрена после рецензирования 15.08.2024 Принята к публикации 28.08.2024

Received 26.07.2024 Approved 15.08.2024 Accepted 28.08.2024

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 31–41.
Oikumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 31–41.

Научная статья
УДК 316.334.56
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/31-41

"Виртуальная "Шанхайка" в общежитии": WeChat в конструировании инфраструктуры образовательных мигрантов

Константин Вадимович Григоричев
Иркутский государственный университет;
Федеральный исследовательский центр "Иркутский институт химии" СО РАН,
Иркутск, Россия, grigoritchev@yandex.ru
Юлия Валерьевна Елохина
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, julflower@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается использование китайского мессенджера WeChat как механизма конструирования мигрантской инфраструктуры студентами из КНР. Показывается, что мессенджер становится не только инструментом коммуникации для китайских студентов российского вуза, но и базой для разветвлённой инфраструктуры: организации питания, торговли, развлечений, в том числе и нелегальных. Через сопоставление с результатами предшествующих исследований "китайских" рынков делается вывод о типологическом сходстве создаваемой инфраструктуры на основе WeChat и экосистем "этнических" рынков, существовавших на протяжении 1990–2010-х гг. Однако, если "китайские" рынки представляли собой конвенциональные локальности контакта с Другим в физическом пространстве города, где преимущественно и концентрировалась соответствующая инфраструктура, то использование интернет-мессенджера принципиально меняет конструкцию. Последняя формируется по распределённой модели, а точкой её сборки становится не место в физическом пространстве, а виртуальная площадка мессенджера WeChat.
Ключевые слова: *мигрантская инфраструктура, китайские студенты, мессенджер WeChat, "китайский" рынок, место, цифровизация*
Для цитирования: Григоричев К. В., Елохина Ю. В. "Виртуальная "Шанхайка" в общежитии": WeChat в конструировании инфраструктуры образовательных мигрантов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 31–41. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/31-41

Original article
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/31-41

"Virtual 'Shanghaika' in the dormitory": WeChat in the construction of educational migrants' infrastructure

Konstantin V. Grigorichev
Irkutsk State University;
Federal Research Center "Irkutsk Institute of Chemistry", Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Irkutsk, Russia, grigoritchev@yandex.ru
Yulia V. Elokhina
Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, julflower@yandex.ru

Abstract. The article examines the use of the Chinese messenger WeChat as a mechanism of constructing migrant infrastructure by students from the PRC. Authors argue that the messenger becomes not only a communication tool for Chinese students of Russian universities, but also a base for an extensive infrastructure: organization of delivery food service, trade, entertainment, including illegal ones. By comparison with the results of previous studies of "Chinese" markets, we conclude that the infrastructure based on WeChat is typologically similar to the ecosystems of "ethnic" markets that existed during the 1990–2010s. However, if the "Chinese" markets represented conventional locales of contact with the "Other" in the physical space of the city, where the corresponding infrastructure was mainly concentrated, the use of Internet messenger fundamentally changes the construction. New digital way assumes a distributed model of infrastructure, and the point of its assembly is not a place in physical space, but the virtual site of the WeChat messenger.
Key words: *migrant infrastructure, Chinese students, WeChat, "Chinese" market, place, digitalization*
For citation: Grigorichev K. V., Elokhina Yu. V. "Virtual 'Shanghaika' in the dormitory": WeChat in the construction of educational migrants' infrastructure // Oikumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 31–41. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/31-41

Введение

Поворот к изучению мобильности, связанный с идеями М. Шеллера и Дж. Урри **[18; 36]**, обусловил всё возрастающий интерес к исследованию миграционной и мигрантской инфраструктуры **[25]**. Отечественными исследователями наиболее пристально рассматривались вопросы создания мигрантской инфраструктуры для адаптации в местах пребывания и работы – расселения **[1; 5]**, здравоохранения **[24; 27]**, образования **[2]** и ряд других. Для сибирских городов наиболее разработанными объектами исследования мигрантской инфраструктуры можно, без сомнения, определить "этнические рынки" **[22]**. В более широком смысле, в фокусе исследователей оказывается сложный многофакторный процесс, который Н. Глик-Шиллер с соавторами определили как "производство города" **[23]**. Однако в последние годы эти примечательные

© Григоричев К. В., Елохина Ю. В., 2024

объекты мигрантской инфраструктуры всё более уходят из городского пространства, частью абсорбируясь как элемент культуры переселенческого общества **[14]**, частью утрачивая специфические пространственные формы **[6]**.

Говоря о миграционной и мигрантской инфраструктуре, мы понимаем её вслед за Б. Сянь и Дж. Лингвистом как систематически взаимосвязанные технологии, институты и акторов **[38]**. Такой подход предполагает, что помимо материальных объектов, институтов и акторов, инфраструктура формируется и цифровыми технологиями **[25]**, неотъемлемой частью которых являются средства коммуникации (мессенджеры, цифровые платформы и т. п.). Наиболее очевидными сферами миграции, где цифровые технологии стали значимыми элементами инфраструктуры, являются вынужденные перемещения, трудовая и образовательная миграция **[34]**. Наконец, цифровые социальные медиа выступают одним из важнейших современных механизмов адаптации мигрантов в местах прибытия **[15]**, обеспечивая значимое снижение издержек на легализацию **[17]**.

Выбор конкретных цифровых инструментов в качестве элементов мигрантской инфраструктуры определяется их релевантностью по отношению к миграционным стратегиям, но в большинстве случаев определяется языком и привычностью того или иного приложения или сети **[17]**. Для мигрантов из КНР, численно преобладающих в структуре образовательной миграции в Восточной Сибири, одним из таких инструментов является мессенджер WeChat, давно ставший неотъемлемой частью повседневности китайцев, в том числе и временно или постоянно проживающих за границей **[30]**.

Как показали Н. Рыжова и Ю. Корешкова, WeChat прочно вошёл в ряд важнейших инструментов конструирования мигрантской и миграционной инфраструктуры в условиях прекарной занятости и динамично меняющегося рынка труда **[35]**. Мессенджер активно используется как механизм организации коммерческих сетей, включающих китайских туристов, студентов и других мигрантов из Китая, долгое время проживающих за границей **[31]**. При этом важнейшим компонентом этого механизма является собственная платежная система сервиса – WeChat Pay **[37]**, обеспечивающая возможность взаиморасчётов пользователей мессенджера без использования платежной системы страны пребывания. Этот китайский мессенджер становится важнейшим инструментом адаптации и для образовательных мигрантов из КНР, представляющим, однако, скорее возможности для групповой изоляционистской стратегии **[29]**, замещающим использование физического пространства города (его проживания в категориях Лефевра **[12]**) использованием социального пространства через цифровые инструменты.

Это наблюдение подводит к формулировке центрального исследовательского вопроса нашей статьи: связано ли исчезновение или как минимум снижение роли мигрантских локальностей в городе со стремительной диджитализацией миграции **[34]**. Анализируя роль WeChat как элемента цифровой инфраструктуры миграции, мы не фокусируемся на проблеме, представляющейся центральной для этой сферы – "Как цифровые технологии поддерживают и способствуют миграционным процессам?" **[34, p. 100]**. Напротив, нас интересует, каким образом мессенджер взаимодействует с другими элементами мигрантской инфраструктуры, прежде всего, вещественными и, в более широком смысле, с городским пространством. Становится ли он неким дополнением, облегчающим доступ к городу и/или мигрантской инфраструктуре, или, напротив, замещает городские локальности, которые выполняли ранее функции "точек доступа" и "точек сборки"?

В последнем вопросе мы отталкиваемся от идеи о том, что маркирование тех или иных локальностей в городе как мигрантских или этнических **[4]** (в сибирских городах этнические категории, как правило, становятся языком описания Другого вообще и мигранта в особенности **[9]**) является способом определения пространственных маргиналий, что в свою очередь переопределяет и их социальные функции. Таким образом, мигрантские локальности становятся конвенциальным пространством взаимодействия Другого и городских сообществ, в пределах которого допустимы и одобряемы социальные практики таких интеракций, стигматизируемые в иных частях города. Выход взаимодействий за пределы таких локальностей порождает ситуации оспаривания городского пространства **[7]**.

Следствием такого взгляда является ключевое положение места как части физического пространства города в системе мигрантской инфраструктуры: оно выступает не только объектом оспаривания, борьбы за право на город **[20]**, но и своего рода краеугольным камнем, вокруг которого собирается система материальных и нематериальных элементов инфраструктуры – в 1990-е гг. это наиболее отчетливо проявлялось в роли "этнических" рынков, формировавших вокруг себя развитую экосистему обслуживания миграции и мигрантов **[10].** Анализируя данные об использовании китайскими студентами возможностей WeChat как важнейшего элемента мигрантской инфраструктуры, мы попытаемся на примере нескольких кейсов сопоставить их с "экологией китайского рынка" **[10]** и проследить изменение роли *места* как элемента физического пространства города в построении инфраструктуры, обеспечивающей взаимодействие мигрантов с городом.

Данные и методы

Наша статья основана на длительном (более 8 лет) наблюдении за китайскими студентами иркутского вуза, имеющего одну из самых больших групп обучающихся из КНР в регионе. Среднее число китайских студентов в университете составляет около 600 человек в год, включая все специальности и курсы, а также группы довузовской подготовки ("подфак", "подготовительный факультет"), что определяет массив элементов для анализа около 1,5 тысяч единиц. Большая часть студентов являются приезжими из северо-восточных провинций КНР, что определяется, с одной стороны, географической близостью к Байкальскому региону, а с другой – относительно менее высоким уровнем жизни, детерминирующим выбор относительно недорого варианта российского высшего образования **[29]**. Основную часть составляют молодые люди в возрасте 17–25 лет, однако встречаются и более возрастные студенты, последовательно обучающиеся на "подфаке", в бакалавриате и далее в магистратуре и иногда осваивающие две или три магистерские программы. В последнем случае, образование становится механизмом легального пребывания в России для ведения бизнеса или решения личных проблем **[26]**. Таким образом, в поле наблюдателя попадают как недавние мигранты из КНР, находящиеся в Иркутске менее одного года, так и пребывающие в регионе 4–5 лет и более, что позволяет с долей условности предполагать возможность одновременного наблюдения за обеими категориями трансграничных мигрантов, стратегии которых Юн Ким определяет как краткосрочные и долгосрочные **[28]**.

Мессенджер WeChat является де-факто основным цифровым механизмом коммуникации студентов с преподавателями и администрацией вуза. Уже в процессе подачи документов для поступления в университет происходит обмен контактами в WeChat с сотрудниками международной службы. Это обусловливает, с одной стороны, значительный массив доступной информации и позволяет отказаться от выборочного наблюдения, а с другой – даёт возможность ретроспективного онлайн-наблюдения **[32]**, обеспечивающего лонгитюдное получение информации без прямого взаимодействия с наблюдаемым.

Принятие в число контактов автоматически открывает доступ к личной информации, размещаемой пользователем (китайским абитуриентом, студентом) в открытом доступе. В частности, мессенджер, являясь вариантом социальной сети, предоставляет возможность для публикации личной текстовой, фото- и видеоинформации – "моментов" (аналог "статуса" в WhatsApp, "стены" в ВКонтакте и подобных), которые выступали основными элементами эмпирической базы для нашего анализа. Данная информация открыта для всех контактов пользователя мессенджера и даёт массу сведений о местах посещения, видах деятельности, и нередко открывает чуть больше информации, чем предполагалось самим автором. Если до 2020 г. WeChat пользовались, преимущественно, сотрудники международной службы университета (прежде всего, в целях набора абитуриентов, взаимодействия с партнерами в КНР и обучающимися), то с началом пандемии WeChat стал основным способом взаимодействия с китайскими студентами и для преподавателей. Это обусловило появление достаточно большого числа "групп", в которых размещается и обсуждается информация, недоступная стороннему наблюдателю, даже нахо-

дящемуся в числе контактов пользователя (обсуждение причин непосещения занятий, неформальное "решение" дисциплинарных вопросов и т. п.).

Дополнительным эмпирическим материалом для анализа стали неформальные беседы с китайскими студентами в связи с возникающими у них проблемами проживания в общежитии, контакта с преподавателями и кураторами групп. Такие беседы не формализовывались и записывались постфактум по памяти, поэтому служат для нас лишь вспомогательными данными.

Наконец, позиции авторов обусловливают доступ к внутриуниверситетскому документообороту, в том числе служебным и докладным запискам преподавателей и сотрудников, работающих с китайскими студентами. Зачастую, такие документы позволяют взглянуть на материал (особенно в спорных ситуациях) с позиции второго участника конфликта. В ряде случаев (например, кейс 3) именно такие источники позволили более полно описать специфическую практику, лишь косвенно отражённую в данных из WeChat.

Практики построения инфраструктуры для образовательных мигрантов в WeChat

Наиболее очевидным и, как правило, первым сюжетом для публикации в "моментах" WeChat становятся точки входа в город, которые П. Штомпка определил как интерфейсы взаимодействия с ним **[21]**. Центральное место здесь занимают учреждения миграционного учёта и медицинского освидетельствования мигрантов, элементы транспортной инфраструктуры и, безусловно, достопримечательности, символизирующие конкретный город. При всей фактурности таких публикаций, мы не будем останавливаться на их анализе специально, поскольку, с одной стороны, такие публикации не отражают специфических способов доступа к таким интерфейсам (как правило, он организуется принимающим университетом), а с другой – в силу значительно большей изученности этого аспекта **[см., напр.: 33]**. Мы остановимся на тех кейсах, которые показывают, как использование WeChat обеспечивает построение тех или иных элементов мигрантской инфраструктуры либо доступ к ним.

Кейс 1. WeChat как магазин "шаговой доступности": служба доставки. Одной из проблем адаптации для китайских студентов становится отсутствие привычных продуктов питания и кухни. Несмотря на наличие в сибирских и дальневосточных городах довольно большого числа кафе и ресторанов китайской кухни **[11]**, полностью решить эту проблему за счёт общественного питания затруднительно. С одной стороны, это достаточно дорого, а с другой – график их работы просто не предполагает возможности регулярно в них питаться.

Отчасти, ответом на эту ситуацию стал быстрый рост в Иркутске числа торговых площадок (сначала на "китайских" рынках, позже в формате магазинов и ларьков), где можно приобрести китайские продукты. Даже в региональной сети супермаркетов появился стенд с товарами из Китая – лапша быстрого приготовления, соусы и снеки. Однако столь специфичных магазинов шаговой доступности, обеспечивающий повседневные потребности приезжих из Китая, практически нет. Выходом стала служба (возможно – несколько) доставки, организованная через WeChat.

Если подъехать в вечернее время к общежитию университета, в котором проживают студенты из КНР, то можно наблюдать интересную мизансцену. Несколько раз в неделю вечером к общежитию подъезжает машина с водителем-китайцем. Через несколько минут к машине выходит вереница китайских студентов – кто в пижаме и шлепках, кто в верхней одежде, накинутой наспех на футболку и штаны. Студенты выстраиваются в очередь к водителю и забирают у него большие пакеты с продуктами. В пакетах разные продукты – большие емкости масла, пачки лапши или риса, снеки и т. д. Хорошо заметно, что продукты заранее расфасованы, пакеты подписаны, чтобы сэкономить время при передаче "из рук в руки".

Как правило, заказчиков несколько и водитель дожидается опаздывающих, что позволяет с достаточной уверенностью предполагать наличие предварительных заказов и оплаты. Поскольку расчётов наличными деньгами при этом не происходит, то можем предположить, что расчёты осуществляется вместе с заказом с помощью приложения WeChat Pay. Никакой сдачи, кас-

совых чеков и прочей атрибутики точек продаж, как и самой торговой точки. Собственно, торговой площадкой оказывается сам мессенджер, выполняющий функции торговой точки "шаговой доступности", во множестве существовавших когда-то на "шанхайках", "китайках" **[10]** и в иных местах концентрации мигрантов, однако без её создания в городском пространстве. Важнейший элемент мигрантской инфраструктуры, традиционно прочно укоренный в физическом пространстве города, создается *ad hoc* и столь же стремительно исчезает. При этом использование WeChat гарантирует как формирование клиентской базы, так и добросовестность клиентов – никаких иных форм оплаты просто не предусматривается.

Кейс 2. WeChat как "торговля на дому". Альтернативой такой "службе доставки", которая всё же не может обеспечить круглосуточное выполнение заказов, стало неожиданное для администрации вуза, но, вероятно, закономерное в этой ситуации появление торговой точки прямо в общежитии. При случайной проверке исправности электропроводки и пожарной сигнализации в комнатах, обнаружилось, что одна из комнат, в которой должны проживать иностранные студенты из Китая, больше похожа на небольшой магазинчик. Вдоль одной из стен были размещены высокие стеллажи с коробками и товарами, включая всё самое необходимое, чтобы быстро перекусить или приготовить полноценный ужин – от лапши быстрого приготовления и легких снеков до упаковок риса, специй и соусов.

Оказалось, что студенты, проживающие в комнате, решили не просто использовать помещение для проживания (в комнате осталась одна кровать), но и для ведения бизнеса. В общежитии преимущественно проживают китайские студенты, и, соответственно, спрос на "китайские" товары первой необходимости достаточно высокий. Ни кассовых аппаратов, ни наличных средств при осмотре комнаты обнаружено не было. Это даёт основания полагать, что оплата за товар, как и его реклама, осуществлялась через WeChat.

В отличии от первого кейса, здесь WeChat выполняет не столько конструирующую роль, сколько функцию "тени" для экстралегальной экономической практики. Обеспечивая "невидимость" рекламы и финансовых расчётов, использование мессенджера позволяло этому студенческому "стартапу" оставаться успешным "магазином для своих". Обеспечивая функцию фильтра (не включённый в круг контактов продавца человек просто не мог узнать о существовании "бизнеса") и неконтролируемых расчётов (транзакции через WeChat Pay, фактически, происходят за пределами России), мессенджер обеспечивал режим, близкий к условиям работы торговых точек для работников китайских рынков, которые могли быть обнаружены только в результате внезапных рейдов правоохранительных структур.

Кейс 3. Этническая кухня "по запросу". Следующий кейс стал известен не через наблюдение в мессенджере, но роль WeChat для построения следующей бизнес-практики также остаётся ключевой. В международную службу университета поступила жалоба на иностранного студента от одного из преподавателей, курирующего одну из групп подготовительного факультета. Студент приехал на обучение на подготовительный факультет университета, чтобы изучать русский язык и готовиться к поступлению в бакалавриат. В жалобе преподавателя указывалось: *"довожу до Вашего сведения, что студент <…> открыл свой бизнес по приготовлению и доставке китайских блюд среди студентов, которые проживают в этом же общежитии. Приготовлением еды для доставки он занимается непосредственно на кухне общего пользования в указанном общежитии регулярно с 11 часов дня до позднего вечера, а иногда и по ночам"*. Из жалобы становится очевидно, что такой бизнес оказался востребованным среди китайских студентов, либо не умеющих готовить, либо имеющих достаточные средства для покупки уже готовой еды. Очень быстро появился спрос на готовые китайские блюда, что *"мешает студенту исправно посещать занятия по русскому языку в университете. Пары он пропускает, потому что постоянно готовит еду"*.

При разбирательстве выяснилось, что студент, обладающий неплохими навыками в приготовлении пищи, очень быстро стал получать заказы через WeChat, сформировался даже некий набор наиболее заказываемых блюд. Формально же не существовало ни самого бизнеса, ни обязательной для такой деятельности вещественной инфраструктуры – кухня общежития оставалась

лишь элементом обеспечения жизни студентов. В отличие от разветвлённой системы общественного питания, существовавшей вокруг "китайских" рынков, и воспринимавшейся городской властью и сообществами как серьезная проблема и даже угроза, вещественные объекты и "площади" общежития частью мигрантского бизнеса становились лишь при наличии заказов и системы оплаты через WeChat. Иными словами, как и в кейсе 1, мигрантская инфраструктура здесь возникала *ad hoc*, не существуя как отдельный элемент городского пространства, жёстко связанный с той или иной его локальностью.

Кейс 4. Банковское обслуживание или "сдача будет". Как уже отмечалось выше, важной отличительной чертой WeChat является наличие платёжных инструментов, обеспечивающих не только электронную торговлю, но и прямые расчёты между физическими лицами. В ситуации, когда расплатиться можно при помощи платёжной системы, которая всегда под руками, наличные деньги, а особенно разменные купюры небольшого достоинства представляются чем-то устаревшим.

Для поездки группы российских студентов в Китай на летнюю школу возникла потребность в разменных деньгах – купюрах по 10, 20, 50 юаней. В иркутских отделениях российских банков, осуществляющих продажу юаней, основной купюрой является 100 юаней, и приобрести купюры более мелкого достоинства практически невозможно. При сборе оплаты со студентов для заказа транспорта обнаружилось, что координатор не может вернуть им сдачу – разменных денег нет, а расчёт в рублях вызвал серьезные затруднения (различия курса покупки и продажи валюты, изменение курса на момент покупки валюты в банке и оплаты транспорта и т. д.). Обращения к китайским студентам, которые бы могли разменять хотя бы часть крупных купюр, также результат не дали.

Один из китайских студентов-магистрантов университета, поживающий в Иркутске и ведущий активную предпринимательскую деятельность, объяснил, что мелких купюр "на руках" нет, но он попросил своего знакомого перед вылетом в Россию зайти в китайский банк и разменять деньги. Спустя несколько дней нужная сумма разменных купюр была доставлена в Иркутск авиарейсом Пекин – Иркутск, а взаиморасчёты между студентом и его партнёром были проведены через WeChat.

На этом кейсе хорошо видна функция мессенджера как инструмента обеспечения экстралегальных финансовых транзакций. В период расцвета "китайских" рынков в 1990-е – 2000-е гг., сложная система нелегальных финансовых операций складывалась именно вокруг "шанхаек". По наблюдениям В. И. Дятлова, в условиях отсутствия доступной системы трансграничных платежей именно "китайские" рынки стали местом деятельности подпольных банков, принимавших рубли и обеспечивавших выдачу юаней в Китае взамен **[8]**. Очевидно, что эти практики являлись высокорисковыми, однако альтернативы им в мигрантской инфраструктуре, фактически, не существовало. Современные расчёты в WeChat, не нарушая прямо финансовое законодательство страны (формальных транзакций на территории России не происходит), обеспечивают трансграничные платежи и заменяют сложные схемы взаиморасчётов владельцев и пользователей мигрантской инфраструктуры. Можно с высокой уверенностью предполагать, что именно WeChat Pay сейчас является базовым финансовым инструментом для мелкого предпринимательства мигрантов из Китая, ориентированного на обслуживание соотечественников.

Кейс 5. Не хлебом единым или "Если чего-то нельзя, то через WeChat можно". Большое место в "моментах" китайских студентов в WeChat занимают сюжеты, связанные с отдыхом и развлечениями. Помимо путешествий, других активных видов отдыха (трекинг, рыбалка) и спортивных игр (например, пейнтбола), открытые публикации пользователей позволяют обнаружить формы досуга, связанные с городскими локальностями, "не существующими" для горожан и власти.

Из зафиксированных в "моментах" фотоизображений становится очевидным наличие в Иркутске действующих казино, работа которых запрещена в России с 2009 г. **[19]**. На снимках отчётливо видны карточные столы и фишки для покера, китайские студенты, участвующие в игре, зоны с алкоголем и прохладительными напитками. Короткие пояснительные надписи к публикуемым фотографиям свидетельствуют о "счастливом отдыхе".

Параллель с иркутской "Шанхайкой", являвшейся практически всю историю своего существования средоточием нелегальных азартных игр **[10]**, кажется вполне очевидной. Однако, на наш взгляд, здесь важнее функции в организации такой формы досуга, которые выполняет WeChat. Важнейшей из них, как нам представляется, является функция фильтра, ограничение доступа к месту проведения досуга. В условиях "китайского" рынка эту функцию выполняли как специальные "работники", так и само сложно организованное пространство, обеспечивавшие как входной контроль, так и безопасность. В новых условиях эту функцию места, как базового элемента этой части мигрантской инфраструктуры, взял на себя мессенджер. Ограниченный круг пользователей, ещё более узкий круг участников закрытых групп выполняет роль своего рода "face control", ограничивая доступ к "казино". Не пройдя этот виртуальный фильтр, получить информацию о месте проведения игры и доступ к нему практически невозможно, как в прошлом невозможным было рядовому горожанину попасть за пределы собственно торгового пространства "шанхайки" и принять участие в азартных играх. Иными словами, цифровое пространство мессенджера здесь взяло на себя функции, выполнявшиеся ранее физическим пространством городской локальности, маркированным как важнейшая часть мигрантской инфраструктуры.

Обсуждение и выводы

Показанные выше кейсы, безусловно, не охватывают весь спектр практик использования WeChat китайскими студентами для создания или доступа к инфраструктуре адаптации мигрантов в Иркутске. Однако они позволяют сделать несколько наблюдений и предложить ряд выводов на этой основе.

Прежде всего, напрашивается параллель мигрантской инфраструктуры, возникающей на базе и/или с использованием WeChat, с существовавшей ранее на основе "этнических" рынков как устойчивых мигрантских локальностей города. Торговля, питание, финансовые операции, досуг – все эти элементы инфраструктуры создавались для китайских мигрантов преимущественно в пространстве "шанхаек" и "китаек". Выявленные нами практики, безусловно, не охватывают весь спектр деятельности по адаптации мигрантов, которую в своё время выполняли "китайские" рынки. Среди "моментов" китайских студентов не встретились публикации, отражающие практики доступа к здравоохранению. Однако, это не означает, что их нет – например, в виде заказа через WeChat специфических средств китайской медицины (косвенные свидетельства о существовании таких практик имеются, однако в силу отсутствия какой-либо фиксации, мы их не приводим). Как бы то ни было, можно с высокой долей уверенности предполагать типологическое сходство мигрантской инфраструктуры, конструируемой как на базе городских локальностей, так и на основе мессенджера.

Следующим наблюдением является представление о том, что во всех описанных кейсах WeChat является ключевым механизмом коммуникации и контейнеризации **[29]**. Важна не просто сама техническая возможность движения информации. Более существенной оказывается функция многоступенчатого фильтра, обеспечивающая в той или иной степени закрытость коммуникационного пространства от внешних участников. На первой (наименее строгой) ступени фильтром выступает "национальный характер" мессенджера и, как следствие, малой распространённостью в принимающих сообществах. Важным элементом на этом уровне является и необходимость "приглашения" от человека, уже имеющего аккаунт в WeChat.

Второй ступенью выступает базовый язык мессенджера – львиная доля пользователей WeChat общается на китайском, что, несмотря на наличие встроенного переводчика, отсекает большую часть иноязычных пользователей – либо заставляя отказываться от использования мессенджера в принципе, либо отделяя от китаеязычных пользователей. Следующим уровнем становится традиционный для социальных сетей инструмент – закрытые группы. И, наконец, доступ к наиболее чувствительным – финансовым – механизмам доступа к мигрантской инфраструктуре ограничивается включённостью во встроенную систему платежей. Для активации функции WeChat Pay необходима платежная карта, выпущенная банком на территории континентального Китая. В результате, многоступенчатая система фильтров WeChat берёт

на себя часть тех функций, которые ранее выполняло сложно организованное физическое пространство мигрантских локальностей.

Такая конструирующая и селективная функции WeChat в отношении мигрантской инфраструктуры позволяет рассматривать его как механизм доступа к городу для китайских образовательных мигрантов, который Д. Тимошкин, развивая идеи П. Штомпки, определил как "неформальный интерфейс доступа к городу" **[16]**. Замещая или дополняя формальные механизмы, WeChat для студентов-китайцев не только снижает издержки "входа" в чужой город, но и открывает с нём места и возможности, недоступные иным способом.

Однако, едва ли не более важна другая сторона медали. Использование WeChat в конструировании мигрантской инфраструктуры приводит к изменению роли *места* как конвенционального пространства взаимодействия Другого с городом. Как мы показали выше, инфраструктура в этом случае создаётся *ad hoc* и не фиксируется в городском пространстве, оставаясь лабильной как в пространственном, так и в темпоральном смысле. Мигрантская инфраструктура оказывается широко распределённой, а точка доступа к ней становится детерриторизированой, находящейся буквально везде, где бы не оказался пользователь WeChat. В результате, под сомнением оказывается сама необходимость конвенции городских сообществ и мигрантов о какой-либо части физического пространства города, как легитимного пространства взаимодействия горожан с Другим и Другого с городом. Как следствие, *место*, как ключевой элемент антропологического взгляда **[3]**, пространственное воплощение культуры и взаимодействия культур **[13]**, неожиданно оказывается далеко не краеугольным камнем мигрантской инфраструктуры, замещаясь неосязаемым, не считываемым горожанами пространством "цифры".

Литература

1. Авдашкин А. А. Мигрантские кластеры в российском городе (на примере Челябинска) // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 76–83.

2. Александров Д., Баранова В., Иванюшина В. Дети и родители-мигранты во взаимодействии с российской школой // Вопросы образования. 2012. № 1. С. 176–199.

3. Аппадураи А. Теория в антропологии: центр и периферия. Комментарии, вдохновленные статьей Шерри Б. Ортнер // Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств. 2024. № 3. С. 8–13.

4. Бляхер Л. Е., Устиненко М. А. "Чужие" пространства дальневосточных городов: от маргинальности к "этничности" (на примере города Хабаровска) // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2024. № 10. В печати.

5. Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Иванова Н. С. Факторы и механизмы складывания мест резидентной концентрации мигрантов вокруг рынков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5 (165). С. 425–449.

6. Григоричев К. В., Дятлов В. И., Тимошкин Д. О., Брязгина Д. Е. Базар и город: люди, пространства, образы. Иркутск: Оттиск, 2019. 288 с.

7. Григоричев К. В. "Неправильные" китайцы и "захваченный" город: оспаривание городского пространства как выработка практик взаимодействия с Другим // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18. № 4. С. 593–608.

8. Дятлов В. Торговые меньшинства как источник этнополитической напряжённости в российской провинции (на примере Иркутска) // В движении добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии / под ред. А. Р. Вяткина, Н. П. Космарской, С. А. Панарина. М.: Наталис, 1999. С. 240–265.

9. Дятлов В. И., Григоричев К. В. Сибирь: динамика этнизации городского пространства переселенческого общества // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 8–19.

10. Дятлов В. И., Кузнецов Р. Э. "Шанхай" в центре Иркутска. Экология китайского рынка // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 4. С. 56–71.

11. Дятлова Е. Китайский общепит в Иркутске // Проект Байкал. 2017. Т. 14. № 54. С. 82–85.

12. Лефевр А. Производство пространства. Москва: Strelka Press, 2017. 430 с.

13. Лоу С. Пространственное воплощение культуры: Этнография пространства и места. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 400 с.

14. Переселенческое общество азиатской России: миграции, пространства, сообщества. рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / отв. ред. В. И. Дятлов, К. В. Григоричев. Иркутск: Оттиск, 2013. 624 с.

15. Сметанин Ф. А., Тимошкин Д. О., Иванов К. А., Брязгина Д. Е. Ищу квартиру, работу, шамана: социальные медиа как механизм структурной адаптации внутренних мигрантов в Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 157–166.

16. Тимошкин Д. О. Механизмы интеграции маргинализированных сообществ в постсоветский город: диссертация на соискание учёной степени доктора социологических наук / специальность 5.4.4 "Социальная структура, социальные институты и процессы"; Тихоокеанский государственный университет. Хабаровск, 2023.

17. Тимошкин Д. О. Тема снижения издержек на легализацию в принимающей стране: обсуждение в русскоязычных мигрантских интернет-сообществах // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 4. С. 56–71.

18. Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012. 576 с.

19. Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ (ред. от 25.12.2018) "О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации". URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102111150 (дата обращения: 31.07.2024).

20. Харви Д. Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 440 с.

21. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.

22. Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи / отв. ред. В. И. Дятлов, К. В. Григоричев. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2015.

23. Çağlar A., Glick Schiller N. Migrants & City-Making. Dispossession, Displacement, and Urban Regeneration. Durham and London: Duke University Press, 2018.

24. Demintseva E., Kashnitsky D. Contextualizing Migrants' Strategies of Seeking Medical Care in Russia // International Migration. 2016. Vol. 54. No 5. P. 29–42.

25. Düvell F., C. Preiss C. Migration Infrastructures: How Do People Migrate? // Scholten P. (ed.) Introduction to Migration Studies. An Interactive Guide to the Literatures on Migration and Diversity. Springer, 2022. P. 83–98.

26. Elokhina Yu. V. International Students in Siberian Universities: Informal Practices of Status Commodification // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2018. Vol. 11. No 11. P. 1794–1804.

27. Kashnitsky D., Demintseva E. "Kyrgyz Clinics" In Moscow: Medical Centers for Central Asian Migrants // Medical Anthropology: Cross Cultural Studies in Health and Illness. 2018. Vol. 37. No. 5. P. 401–411.

28. Kim Y. Y. Becoming intercultural: An integrative theory of communication and cross-cultural adaptation. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. 336 p.

29. Koreshkova Iu., Ivanov K. Possibility or Barrier? The Influence of Digitalization on the Adaptation of Student-Migrants (The Case of Siberia) // Italian Sociological Review. 2024. No 14 (10S). P. 603–624.

30. Koreshkova Y. Wechat as a Lifestyle: Social Network Tool of the Chinese Migrants in Russia. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. No. 11. P. 1816–1823.

31. Li X., Xiao L. Network and International WeChat Agent Purchasing Business // SHS Web of Conferences. 2024. Vol. 181.

32. Paechter S. Researching Sensitive Issues Online: Implications of a Hybrid Insider/Outsider Position in a Retrospective Ethnographic Study // Qualitative Research. 2015. No. 13. P. 71–86.

33. Pchelkina D.S., Timoshkin D.O. Russian-Speaking "Migrant Youtube" as a Focus of Urban and Social Studies // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2020. Vol. 13. No 5. P. 676–687.

34. Preiss C. Digital Migration Infrastructures // Scholten P. (eds) Introduction to Migration Studies. An Interactive Guide to the Literatures on Migration and Diversity. IMISCOE Research Series. Springer, 2022. P. 99–109.

35. Ryzhova N., Koreshkova Iu. WeChat as migration infrastructure: The case of Chinese-Russian precarious labour markets // Sun W., Yu H. (ed.) WeChat and the Chinese Diaspora. Digital Transnationalism in the Era of China's Rise. London. Routledge, 2022. P. 38–56.

36. Sheller M., Urry J. The new mobilities paradigm // Environment and Planning A. 2006. Vol. 38. No 2. P. 207–226.

37. Tinmaz H. User perceptions of WeChat and WeChat pay in China // Global Knowledge, Memory and Communication. 2023. Vol. 72. No. 8/9. P. 797–812.

38. Xiang B., Lindquist J. 'Migration infrastructure' // International Migration Review. 2014. Vol. 48, No. 1. P. 122–148.

39. Zhan X. Review and Improvement of Consumer Rights Protection under the WeChat Business Model // Frontiers in Humanities and Social Sciences. 2022. Vol. 2. No. 5. P. 124–132.

References

1. Avdashkin A. Migrants' Clusters in Russian City (The Case of Chelyabinsk City) // Sotsiologicheskie issledovaniia. 2022. No 1. P. 76–83. (In Russ.).
2. Alexandrov D., Baranova V., Ivanyushina V. Children and Their Migrant Parents in Cooperation with a Russian School // Voprosy Obrazovaniya / Educational Studies. 2012. No. 1. P. 176–199. (In Russ.).
3. Appadurai A. Theory in Anthropology: Center and Periphery // Periphery. Journal of the Peripheries Studies. 2024. No 3. P.8–13. (In Russ.).
4. Blyakher L., Ustinenko M. "Other" spaces of Russian Far Eastern cities: from marginality to "ethnicity" (case of Khabarovsk city) // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2024. No 10. In Press. (In Russ.).
5. Varshaver E. A., Rocheva A. I., Ivanova N. S. Factors and Mechanisms of the Formation of Migrant Residential Concentration Areas around Markets // Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny. 2021. No 5 (165). P. 425–449. (In Russ.).
6. Grigorichev K. V., Dyatlov V. I., Timoshkin D. O., Bryazgina D. E. Bazaar and the city: people, spaces, images. Irkutsk: Ottisk, 2019. (In Russ.).
7. Grigorichev K. The 'Wrong' Type of Chinese and the 'Captured' City: Contesting of Urban Spaces and Constructing Practices of Interacting with the 'Other' // Zhurnal Issledovanii Sotsial'noi Politiki. 2020. Vol. 18. No 4. P. 593–608. (In Russ.).
8. Dyatlov V. Trading minorities as a source of ethnopolitical tension in the Russian provinces (using Irkutsk as an example) // In voluntary and forced movement. Post-Soviet migrations in Eurasia / Ed. A. R. Vyatkin, N. P. Kosmarskaya, S. A. Panarin. Moscow: Natalis, 1999. P. 240–265. (In Russ.).
9. Dyatlov V. I., Grigorichev K. V. Siberia: the dynamics of urban space ethnicization in the resettlement society // The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies. 2014. Vol. 10. P. 8–19. (In Russ.).
10. Dyatlov V. I., Kuznetsov R. E. "Shanghai" in the center of Irkutsk. Ecology of the Chinese market // Ekonomicheskaya Sotsiologiya. 2004. Vol. 5. No. 4. P. 56–71. (In Russ.).
11. Dyatlova E. Chinese Catering in Irkutsk // Project Baikal. 2017. Vol. 14. No 54. P. 82–85. (In Russ.).
12. Lefebvre A. Production of Space. Moscow: Strelka Press, 2017. 430 p.
13. Low S. Spatializing Culture. The Ethnography of Space and Place. Moscow: Novoe Literaturnoe obozrenie, 2024. 400 p. (In Russ.).
14. Resettlement Society of Asian Russia: Migrations, Spaces, Communities. Boundaries of the XIX–XX and XX–XXI Centuries / V. I. Dyatlov, K. V. Grigorichev (eds.). Irkutsk: Ottisk, 2013. 624 p. (In Russ.).
15. Smetanin F. A., Timoshkin D. O., Ivanov K. A., Bryazgina D. E. Looking for an Apartment, a Job, a Shaman: Social Media as the Structural Adaptation of the Internal Migrants in Siberia // Tomsk State University Journal of History. 2023. No 83. P. 157–166. (In Russ.).
16. Timoshkin D. O. Mechanisms of integration of marginalized communities in a post-Soviet city: dissertation for the degree of doctor of sociological sciences / specialty 5.4.4 "Social structure, social institutions and processes"; Pacific State University, 2023. (In Russ.).
17. Timoshkin D. O. Reducing Legalization Expenses as a Topic in Russian-Speaking Migrant Online Communities // Sotsiologicheskiy Zhurnal. 2019. Vol. 25. No 4. P. 56–71. (In Russ.).
18. Urry J. Mobility. Moscow: Praxis, 2012. 576 p. (In Russ.).
19. Federal Law of 29.12.2006 No 244-FZ (as amended on 25.12.2018) "On state regulation of activities related to the organization and conduct of gambling and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation". URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102111150 (accessed 31.07.2024). (In Russ.).
20. Harvey D. Social Justice and the City. Moscow: New Literary Review, 2019. 440 p. (In Russ.).
21. Sztompka P. Sociology of social changes. Moscow: Aspect Press, 1996. 416 p.
22. Ethnic Markets in Russia: Space of Bargaining and Place of Meeting / V. I. Dyatlov, K. V. Grigorichev (eds.). Irkutsk: Publishing House of ISU, 2015. 349 p. (In Russ.).
23. Çağlar A., Glick Schiller N. Migrants & City-Making. Dispossession, Displacement, and Urban Regeneration. Durham and London: Duke University Press, 2018.
24. Demintseva E., Kashnitsky D. Contextualizing Migrants' Strategies of Seeking Medical Care in Russia // International Migration. 2016. Vol. 54. No 5. P. 29–42.
25. Düvell F., C. Preiss C. Migration Infrastructures: How Do People Migrate? // Scholten P. (ed.) Introduction to Migration Studies. An Interactive Guide to the Literatures on Migration and Diversity. Springer, 2022. P. 83–98.
26. Elokhina Yu. V. International Students in Siberian Universities: Informal Practices of Status Commodification // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2018. Vol. 11. No 11. P. 1794–1804.
27. Kashnitsky D., Demintseva E. "Kyrgyz Clinics" In Moscow: Medical Centers for Central Asian Migrants // Medical Anthropology: Cross Cultural Studies in Health and Illness. 2018. Vol. 37. No. 5. P. 401–411.

28. Kim Y. Y. Becoming intercultural: An integrative theory of communication and cross-cultural adaptation. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. 336 p.
29. Koreshkova Iu., Ivanov K. Possibility or Barrier? The Influence of Digitalization on the Adaptation of Student-Migrants (The Case of Siberia) // Italian Sociological Review. 2024. No 14 (10S). P. 603–624.
30. Koreshkova, Y. Wechat as a Lifestyle: Social Network Tool of the Chinese Migrants in Russia. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. No. 11. P. 1816–1823.
31. Li X., Xiao L. Network and International WeChat Agent Purchasing Business // SHS Web of Conferences. 2024. Vol. 181.
32. Zhan X. Review and Improvement of Consumer Rights Protection under the WeChat Business Model // Frontiers in Humanities and Social Sciences. 2022. Vol. 2, No. 5. P. 124–132.
33. Paechter S. Researching Sensitive Issues Online: Implications of a Hybrid Insider/Outsider Position in a Retrospective Ethnographic Study // Qualitative Research. 2015. No. 13. P. 71–86.
34. Pchelkina D.S., Timoshkin D.O. Russian-Speaking "Migrant Youtube" as a Focus of Urban and Social Studies // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2020. Vol.13, No. 5. P. 676–687.
35. Preiss C. Digital Migration Infrastructures // Scholten P. (eds) Introduction to Migration Studies. An Interactive Guide to the Literatures on Migration and Diversity. IMISCOE Research Series. Springer, 2022 P. 99–109.
36. Ryzhova N., Koreshkova Iu. WeChat as migration infrastructure: The case of Chinese-Russian precarious labour markets // Sun W., Yu H. (ed.) WeChat and the Chinese Diaspora. Digital Transnationalism in the Era of China's Rise. London. Routledge, 2022. P. 38–56.
37. Sheller M., Urry J. The new mobilities paradigm // Environment and Planning A. 2006. Vol. 38, No. 2. P. 207–226.
38. Tinmaz H. User perceptions of WeChat and WeChat pay in China // Global Knowledge, Memory and Communication. 2023. Vol. 72. No. 8/9. P. 797–812.
39. Xiang B., Lindquist J. 'Migration infrastructure' // International Migration Review. 2014. Vol. 48, No. 1. P. 122–148.

◆

Информация об авторах

Константин Вадимович Григоричев, д-р социол. наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета; ведущий научный сотрудник Федерального исследовательского центра "Иркутский институт химии" СО РАН, Иркутск, Россия, e-mail: grigoritchev@yandex.ru

Юлия Валерьевна Елохина, канд. ист. наук, начальник управления международных связей Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: julflower@yandex.ru

Information about the authors

Konstantin V. Grigorichev, Doctor of Sociology, Vice-Rector for Research and International Cooperation, Irkutsk State University; Leading Researcher, Federal Research Center "Irkutsk Institute of Chemistry", Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russia, e-mail: grigoritchev@yandex.ru

Yulia V. Elokhina, Candidate of Historical Sciences, Head of the International Office, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, e-mail: julflower@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.08.2024 Одобрена после рецензирования 18.08.2024 Принята к публикации 28.08.2024

Received 01.08.2024 Approved 18.08.2024 Accepted 28.08.2024

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 42–53.
Oikumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 42–53.

Научная статья
УДК 303
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/42-53

Гуманитарная наука перед вызовом трансформаций современного мира (материалы научного семинара)

Татьяна Александровна Алексеева
Московский государственный институт международных отношений (университета),
Москва, Россия, e-mail: ataleks@mail.ru
Михаил Васильевич Ильин
Высшая школа экономики, Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Московский государственный институт международных отношений (университета),
Москва, Россия, mikhaililyin48@gmail.com
Анатолий Михайлович Кузнецов
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, kuznetsov.2012@ mail.ru
Андрей Владимирович Поповкин
ДВО РАН, Владивосток, Россия, andrey.popovkin@gmail.com

Ключевые слова: *гуманитаристика, философия, неклассическая наука, неопределенность, политический реализм, политология, международные отношения, многополярность, униполярность, индуктивность*
Для цитирования: Алексеева Т. А., Ильин М. В., Кузнецов А. М., Поповкин А. В. Гуманитарная наука перед вызовом трансформаций современного мира (материалы научного семинара) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 42–53. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/42-53

Original article
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/42-53

Humanities facing the challenge of transformations of the modern world (materials of a scientific seminar)

Tatyana A. Alekseeva
Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia, ataleks@mail.ru
Mikhail V. Ilyin
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, mikhaililyin48@gmail.com
Anatoly M. Kuznetsov
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, kuznetsov.2012@ mail.ru
Andrey V. Popovkin
Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, andrey.popovkin@gmail.com

Key words: *humanities, philosophy, non-classical science, uncertainty, political realism, political science, international relations, unipolarity, multipolarity, inductance*
For citation: Alekseeva T. A., Ilyin M. V., Kuznetsov A. M., Popovkin A. V. Humanities facing the challenge of transformations of the modern world (materials of a scientific seminar) // Oikumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 42–53. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/42-53

Кризисные симптомы в развитии социально-гуманитарных наук в контексте значимых событий последнего времени проявляются всё более отчетливым образом. Одной из основных причин сложившегося положения представляется неудовлетворительное состояние существующих теоретико-методологических оснований этих наук. По этой причине в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН было решено провести на базе кафедры философии ДВО РАН серию семинаров по обсуждению возможных перспектив развития данной области исследований. Значимым этапом в реализации намеченных планов стал теоретический семинар "Гуманитарная наука перед вызовом трансформаций современного мира. Как найти идеи, которые помогут дать адекватный ответ на происходящее?", прошедший 16 мая 2023 г. Открыл семинар директор Института истории ДВО РАН, академик РАН Н.Н. Крадин. В своём выступлении он отметил актуальность и значимость задач, поставленных организаторами семинара. Отметил он также существенный вклад Института в разработку теории и ме-

© Алексеева Т. А., Ильин М. В., Кузнецов А. М., Поповкин А. В., 2024

тодологии исторической науки, заключающийся в том числе в издании соответствующего учебного пособия **[7].**

Некоторые общие проблемы современной гуманитаристики в своём выступлении на семинаре осветил А.М. Кузнецов. Он актуализировал вопросы последствий пандемии COVID-19, обострения конфронтации между Россией, Китаем и коллективным Западом, небывалого всплеска русофобии, а также новой роли мирового большинства, которые кардинально преобразовали современный мир. В результате стало очевидно, что многие наши прежние взгляды, представления, идеи и концепции потеряли свою актуальность, так как они не в состоянии дать ответы на вновь возникшие вызовы. Очевидно, что эти новые реалии стали серьезной проблемой для социально-гуманитарного знания и, прежде всего, его теоретико-методологических оснований. Не случайно появляются призывы к отказу от теории, "больших нарративов" ради анализа конкретных ситуаций, следования фактам и т.д. Однако, можно утверждать, что эти кризисные проявления сегодня создают и благоприятные условия для *переосмысления* прежних достижений в области *теоретизирования* и *создания* новых базовых оснований наших отраслей знаний. Сама изменившаяся реальность настоятельно требует внедрения новых подходов и идей для её осмысления. Как представляется, для реализации поставленной цели нам необходимо решить несколько сложнейших проблем.

Во-первых, нужно внести определенность в отношения естественных и гуманитарных наук. Постмодернистский вызов, как известно, категорично отказал нашей отрасли в научности, критерии которой формировались в предыдущую эпоху, отмеченную духом рациональности и позитивизма. Однако XX в. стал не только началом радикальной научно-технической революции и порожденного ею информационного взрыва, подготовивших почву для освоения космоса, современного развития информационных технологий, робототехники и разработок в области искусственного интеллекта. Эти новые реалии вызвали переосмысление представлений о месте и роли человека, возобновили дискуссии о сознании, провоцируемые также призывами к трансгуманизму и сингулярности.

Важно отметить, что подобные антигуманитарные настроения развивались в контексте переосмысления прежних наших устремлений к приданию социально-гуманитарному знанию "подлинной научности" в *позитивистском* духе. Отсюда стремление к внедрению *формализации* как противодействия свойственному нам *субъективизму* и открытию неких *универсальных законов* развития общества. Однако к середине XX в. стало появляться все больше данных, показывающих, что прежние претензии на "универсальность" наработанного теоретико-методологического арсенала себя не оправдали. Новые настроения получили выражение в критике западоцентризма, появлении теорий постколониализма, понятия "методологический национализм" и т.д. Представление о многообразии современной социально-политической реальности, не укладывающейся в прежние схемы её описания заставили заниматься *конкретным* в противовес *универсальному*, *субъективным* вместо *объективного*. Так создавались условия для *антропологического поворота* в современной гуманитаристике.

Осознание того факта, что за всей этой разнообразной социальной, политической, культурной и т.д. реальностью стоит **человек**, актуализировало несколько проблем. Во-первых, насколько люди одинаковы? Этническая парадигма, представление о многообразии форм политической и других видов организации сообществ людей утвердили, скорее, представление о наших различиях, чем о сходстве. Во-вторых, признание нашего многообразия в социальной, политической, культурной и других сферах, формирующих среду, в которой существуют люди, заставило задуматься над другим вопросом: *различия внешних условий жизни человека оказывают ли воздействие на восприятие и осмысление действительности*? Развитие такого направления как **энактивизм** и социальной/культурной нейронауки дало определенный ответ: да, оказывает!

Следовательно, человек и его *качества* как *создателя* нашего *культурного мира* и его *исследователя* определяет *специфику наших наук* в отличие от естественников. Последние сталкиваются с подобными проблемами, в луч-

шем случае, через концепт *наблюдатель*, т.к. они занимаются *природными явлениями*. В нашем случае мы имеем дело не только с проблемами наблюдателя (*субъективизмом*), но нам приходится изучать *искусственный* мир, созданный *людьми*, в соответствии со своими представлениями, на которые влияет конкуренция различного понимания своих задач. *Поэтому в силу отмеченной специфики задач социально-гуманитарной науки нельзя полагаться целиком на опыт естественнонаучного знания,* а необходимо создавать *собственное понимание научности и её критерии*. В своей основе такое понимание должно быть трансдисциплинарным, включающим *антропологическую составляющую и* учитывающим специфику *отдельных индивидов* и разных их *объединений*.

Во-вторых, призыв к разработке собственных критериев научности не означает отказ от достижений естественных наук в теоретико-методологической сфере. Их ведь тоже создавали люди. В частности, речь здесь идет о принципах *комплиментарности* и *сложности*, позволяющих выйти из наших неэффективных дискуссий о междисциплинарности. Раскрыть потенциал рассматриваемых принципов и дополнений к ним может обеспечить методология анализа *сложных систем*, успешно реализуемая в нейробиологии и некоторых других областях. Важное значение в современных условиях приобретает также *процессуальный подход* к рассматриваемым проблемам, анализ динамики их развития, реализуемый, в частности в концепции трендов/мегатрендов и идее зависимости от траектории предыдущего развития. Каким образом можно соединить сложность, комплиментарность и процессуализм позволяет понять методология хронополитики, предложенная Р. Уолиссом, а в нашей стране доработанная М.В. Ильиным и В.Л. Цымбурским.

Наконец, с учетом значимости принципа многообразия, позволяющего преодолеть издержки *методологического национализма*, нам следует критически пересмотреть достижения зарубежных коллег, чтобы отделить реально значимое их содержание от псевдоуниверсального. Понятно также, что в нашей российской научной традиции есть свои серьезные достижения, связанные с развитием системных идей (А.А. Богданов, С.М. Широкогоров), структурными исследованиями (В.Я. Пропп), анализом цикличных процессов (Н.Д. Кондратьев), и другие, от которых не стоит огульно отрекаться.

Т.А. Алексеева в своем докладе "Политология и новый мировой порядок: что дальше?" отметила, что изменение мирового порядка, на фоне хаоса, непредсказуемости и экспоненциального роста технических инноваций, ставит под вопрос многие устоявшиеся концепты и мировоззренческие установки. Сегодняшний тренд – турбулентность и нелинейность, случайность и относительность пространства и времени, коэволюционность изменений, условность закономерностей в развитии природы и общества. Иными словами, мы стали свидетелями прихода и утверждения постнеклассической картины миры, предсказанной еще в 1970-е гг. бельгийским физиком российского происхождения Ильей Пригожиным и его последователями.

Между тем, с упорством, достойным лучшего применения, коллеги продолжают рассуждать о Модерне и Постмодерне, капитализме и его новых проявлениях в цифровую эпоху, культурных инновациях "Запада" и мультиполярности, а также о других вопросах и проблемах, которые при всей своей кажущейся новизне, в сущности, принуждают нас оставаться приверженными все той же колее. И это в то время, когда мир меняется с такой скоростью и инновационностью, что в пору задуматься: а понимаем ли мы в принципе, что же все-таки происходит, и куда мы идем?

Традиции международных исследований сохранились на протяжении двух тысячелетий, развиваясь, видоизменяясь, взаимно перекликаясь, сливаясь и дистанцируясь, и подвергая друг друга нередко весьма нелицеприятной критике. Но здесь возникает еще один немаловажный вопрос: увлекшись новизной, не остановимся ли мы на полпути в осмыслении прошлого, так и не сделав ни нужных выводов, ни усвоив столь необходимых уроков? Похоже, что все именно так, поэтому вопрос о соотношении материальной и идейно-ценностной составляющей государственных интересов и внешней политики периодически всплывал в дискуссиях теоретиков и практиков международных отношений. И будет всплывать и впредь.

Отечественный исследователь В.О. Беклямишев, отталкиваясь от рассмотрения причин, побуждающих политических акторов обращаться к образам прошлого, выделяет четыре формы актуализации коллективной памяти в политическом дискурсе: 1) коммеморация, то есть переозначивание исторического события в современном контексте; 2) помещение современной проблемы в исторический контекст; 3) экстраполяция исторических тенденций в будущее и 4) проведение исторической аналогии **[1, с. 92–107].**

Целый ряд, в том числе, российских, ученых полагает, что мировой порядок установился после окончания Второй мировой войны и с незначительными изменениями продолжает существовать по сей день. Даже распад СССР в 1991 году не стал для этих ученых знаком глубочайшей перестройки мирового порядка.

Однако же проблема заключаются в том, что политические науки сегодня, несмотря на подъем в последние десятилетия, оказались не в лучшем положении. Т.А. Алексеева принимала непосредственное участие в разных фазах этого подъёма, начиная ещё с тех времен, когда политологическая проблематика рассматривалась как часть других общественных наук, по крайней мере, в нашей стране. Только в 1970-е гг. такие крупные ученые и политические деятели как Шахназаров, Бурлацкий, Мшвениерадзе, Галкин, Пантин и некоторые другие начали работать над созданием политологии как новой дисциплины в советских общественных науках. Освоение зарубежной политологии шло довольно медленно и не носило массового характера. При этом с самого начала политическая наука в России пошла по двум магистральным, дистанцированным друг от друга направлениям – как собственно политология, так и как международные исследования. В первом случае она начиналась как политическая философия и история политических учений, а потом, в силу известных обстоятельств, перешла в фазу более прагматичной дисциплины. Международные исследования шли по пути аналитики, главным образом, на базе господствовавшего в то время политического реализма. Впрочем, уже тогда предпринимались некоторые, весьма успешные попытки внедрить политическую теорию (достаточно вспомнить знаменитую книгу В.И. Гантмана "Буржуазные теории международных отношений"), а также количественные методы (в Проблемной лаборатории МГИМО, Институте системных исследований и ряде других центров). Между тем, всё еще сохраняющаяся "стена" между двумя направлениями отнюдь не способствует научному продвижению.

После 1991 г. заниматься политологией стало модно и престижно, она открывала немалые карьерные и даже финансовые перспективы. Такого рода подъёмов в её российской истории было несколько, хотя, возможно, они были менее заметны. Главное, что отечественную политологию все-таки удалось создать, и здесь, безусловно, есть чем гордиться. Но жизнь не стоит на месте, и не секрет, что в последние два-три года мы испытываем некоторое разочарование.

Разочарование связано, прежде всего, с тем, что для очень многих, особенно тех, которые не имеют к этому непосредственного отношения, политология стала восприниматься как вульгарная болтовня с телеэкрана. Политических мыслителей мало, особенно на фоне т.н. "политологов", которыми начали называть себя все, кто угодно. Происходит дискредитация политической науки и политического знания, в том числе, международно-политического.

Сегодня мы наблюдаем перестройку мирового порядка. Профессионалы совершенно правильно фиксируют рост военной эскалации, новый виток борьбы за передел рынков и "центры силы", противоречия морально-нравственного и социального характера и т.д. Но в какую сторону мы движемся? Вперед или назад? Или по кругу? Это, наверное, главный вопрос, на который политологи пока еще не ответили, поскольку простое перечисление признаков изменений мирового порядка, с которым мы часто встречаемся в литературе, мало что объясняет. И наш долг – искать ответы на эти вопросы.

Совершенно неслучайно, что львиная доля наших международников (что подтверждается статистически) – это люди, которые по-прежнему привержены политическому реализму. Казалось бы, это уже почти ушедшая в прошлое теория. Но не продолжаем ли мы по-прежнему мыслить в механистическом ключе, в то время как смена научных картин мира (сначала на

неклассическую – эйнштейновскую, а затем и постнеклассическую (пригожинскую)) не затрагивает способ политологического мышления? Или делает это в минимальной степени. Между тем, вступление в ситуацию хаоса, нелинейности развития, сингулярности, т.е. превосходства случайности над необходимостью, искривление пространства и времени и т.д., радикально видоизменяют способ, в том числе, и политического мышления. Во всяком случае, должны. Это имеет непосредственное отношение к политологии. Известный теоретик конструктивизма А. Вендт неоднократно указывал, что онтология – не та проблема, на которую большинство теоретиков-международников обратит внимание. В конце концов, для них исследование должно помочь понять смысл происходящего в мировой политике, поэтому онтологические вопросы обычно отдаются философам. Однако, продолжает Вендт, даже в наибольшей степени ориентированные на эмпирические проблемы исследователи должны прежде всего "сделать онтологию" **[11]**.

Это необходимость, а реагируем мы на неё сплошь и рядом почти "случайно" – лишь изредка всплывающие сюжеты, иногда постановочные, маленькие сборники. Конечно, политическая теория (философия), в силу наших собственных интересов, представляется особенно важной, но дело здесь не в личных симпатиях и антипатиях. Дело не в том, что теоретическое направление важнее эмпирического, или стремление к абстрактным идеям более значимо, чем более "практичные" варианты исследования. Причина в том, что теоретические предположения, а также дебаты вокруг них помогают очертить контуры предмета и предопределяют даже самые эмпирические по своему характеру исследования. Исследование международных отношений и политических процессов – это, прежде всего, исследование тех идей, которые определяют практические шаги, будь то наших противников или друзей, или даже наши собственные. Следует вспомнить слова одного из основателей "политического реализма" Э. Карра, который ещё в своей книге "Двадцатилетний кризис" подчёркивал, что для понимания мировых процессов необходимо соединить "есть" (т.е. прикладную политологию) и "должно быть", (т.е. политическую философию): "Утопия и реальность, таким образом, это два лица политической науки. Надежная политическая мысль и надежная политическая жизнь обнаруживается только там, когда для них обеих находится место" **[9, p. 10]**. Этот тезис Карра "потерялся" при многочисленном цитировании его книги. Может быть, пора к нему вернуться?

Мы попробовали сделать ряд работ, посвященных, в частности, такой проблеме, как квантовый подход к международным исследованиям. По мнению ряда зарубежных ученых, он станет приоритетным в политических науках в обозримом будущем. Пока это довольно робкие шаги в направлении нового воссоединения методологии естественных и социальных наук, нового, поскольку такого рода попытки предпринимались в истории политической науки неоднократно, но теперь пора выходить на новый уровень. В конце концов, политология всегда заимствовала методы и идеи из других сфер науки.

Статьи и сборник получили резонанс, потому что идею признали физики. Но не политологи. Они не заметили, не заинтересовались. И, тем не менее, надо идти дальше. По убеждению Т.А. Алексеевой, вся проблема заключается в том, что и политическая наука, и теория международных отношений – не просто междисциплинарные направления деятельности, они *принципиально междисциплинарные*. Смысл междисциплинарности – в разрушении предметных барьеров ради лучшего понимания поведения государств и других акторов на международной сцене. Более того, Вавилонская башня была, есть и будет, и момент, когда не станет Вавилонской башни, наверное, будет самый трагический для политической науки. Почему? Именно потому, что это политическая наука – живая, подвижная, изменяющаяся, отвергающая всякий догматизм. Разумеется, если это именно наука, а не заученная идеология.

Как отметила Т.А. Алексеева, на её глазах происходили "повороты" в политическом мышлении. Идеологию марксистско-ленинскую поменяли на идеологию либеральную. И на фоне идеологии либеральной начали изучать, а какие, собственно, есть понятия, какие есть концепты. Всякая наука, политическая наука и наука о международных отношениях, начинается с того, что формулирует свои концепты. Для ранней стадии образования науки это нормально, но нельзя на ней слишком долго оставаться. Эти трудности роста

особенно остро сказываются на преподавании наших дисциплин. Прежде чем говорить о преподавании, следует представить более ясно, что именно преподавать, и не просто как, но и почему. Ведь, в конечном счете, мы должны получить знающего, думающего творческого специалиста, а отнюдь не ремесленника, заучившего базовые определения, но не умеющего мыслить политически. У нас появилось множество учебников, которые требуют простого заучивания. На первом курсе это важно. Но мир меняется и сегодня просто знания концептов уже недостаточно. Тем более, что пришла пора некоторым из них дать трактовку, отвечающую новым задачам страны.

В этой связи Т.А. Алексеева обратила внимание на очень важный момент. Еще в 1950-е гг. появилась знаменитая работа В. Гэлли "Сущностно оспариваемые концепты", о чем довольно много писал М.В. Ильин. Речь в ней идёт о самом важном для развития политической мысли: почти каждый её концепт допускает множество толкований. Более того, эти толкования меняются исторически, в зависимости от момента, от страны, от наблюдателя, от картины мира, которая признана в этот момент и т.д. Но у концепта всегда есть так называемый "нервный узел" ("sore"). Это понятие неправильно переводят как "ядро", то есть нечто стабильное, неизменное. А это именно *нерв*, т.к. он находится в постоянном *движении* внутри зачастую нечетко ограниченного концепта. Но он позволяет увидеть концепт с точки зрения конкретного исследования, интерпретировать содержание, а это приобретает важнейшее значение, особенно в постнеклассической картине мира. Случайность, сингулярность предполагает возможность постоянных изменений. Это надо фиксировать и надо ловить. А это означает, что в процессе обучения студентов на первый план должны выходить навыки анализа, сопоставления, развитие креативности, *умения думать*.

В тот момент, когда политическая наука становится шаблоном, она превращается в идеологию. И примеров тому на протяжении истории политической науки было великое множество. А потому – необходимо искать. И наша основная задача на сегодняшний день как политологов – *понять,* а что, собственно, *происходит в мире* и, главное, *почему* и что из этого *следует*. Как мы можем и должны реагировать на происходящее? Не конъюнктурно, потому что любая наука по определению консервативна. Речь идет о другом: политическая наука должна обрести *собственный голос*, а не просто *комментировать* текущие события.

Еще один вопрос – это "западоцентризм", от которого многие готовы тотчас отказаться и со всех ног, по Маяковскому, – "задрав штаны", побежать искать что-то на Востоке, в лучшем случае, у самих себя. Было хорошо сказано, что мы "донашиваем шляпки Европы". И да, и нет. Если политология – наука, то не суть важно, где именно она появилась. В конце концов, взаимовлияние разных традиций никогда не уходило. Может быть французская, английская, российская, китайская и др. точка зрения. Другое дело, что всякая социальная наука нуждается в *деидеологизации*, в очищении от элементарного вранья, фантазий, мифов, которые искусственно создавались и искусственно внедрялись, и, разумеется, догм.

В этой связи возникает немалая опасность. Сегодня публикация статей на политологические темы начала сталкиваться с трудно разрешимой проблемой. Любая статья подвергается предварительному рецензированию. С одной стороны, это очень хорошо, так как предполагает требования к качеству, отсутствию плагиата и т.д. Это означает, что специалисты читают новые статьи, и выносят свой вердикт: "Годится – не годится, уровень не дотягивает, неверная интерпретация" и т.д. С другой стороны, здесь возникает серьезная опасность. А что, если такого рода рецензирование становится препятствием на пути новых идей, оценок и трактовок? А что, если мысль исследователя не соответствует учебнику, потому что там этого просто нет? Но есть жесткие формулировки, сродни словарным. Возможны ли вообще такие жесткие определения в политической науке? Это вопрос, на который у Т.А. Алексеевой нет однозначного ответа. Поэтому она является сторонником того, что методов, трактовок онтологий и эпистемологий у каждого направления должно быть много. Потому что мы ищем. У нас нет и, хочется надеяться, никогда не будет завершенного проекта. А будет политическая наука, адекватная своему вре-

мени и вечно меняющемуся миру, в котором живём мы и будут жить сегодняшние студенты.

В свою очередь, М.В. Ильин в представленном докладе рассмотрел логику изменений в мировой политике с середины прошлого века до наших дней и сопоставил важнейшие вызовы с предложенными политической наукой ответами. Он отметил, что за счёт создания ООН и формирования биполярной системы мощный кризис модернизации, ввергший мировое развитие в череду войн и революций первой половины XX столетия, удалось вывести его из острой фазы и купировать. Спонтанные процессы послевоенных и постреволюционных реконструкций в режиме вызова-и-ответа создали в 1970-х – 1980-х гг. предпосылки для перехода к глобализации и формированию многостороннего мирового порядка с помощью политических практик и институтов полицентричной управляемости (governance) и устойчивого регулирования развития (sustainable development).

Политическая наука ответила на эти процессы рядом открытий преимущественно в виде интуиций, грубых операциональных схем и частных открытий. Они включали концепции от волн демократизации и государственного строительства до институциональных схем распределения власти и взаимной (рефлексивной) подотчетности участников политических процессов. Ряд открытий и важных результатов оказались невостребованными или незамеченными. Это изучение центр-периферийной полярности и глобализации как естественно-исторического процесса, а также разработка стэнфордской модели кризиса **[6; 8]**.

Накануне перехода к новому тысячелетию процессы непроизвольного складывания многополярного и многослойного глобального порядка были разрушены путем навязывания униполярности и усиления директивного регулирования на региональных, национальных и локальных уровнях, что вело к ослаблению, а то и разрушению практик и режимов рефлексивной подотчетности, т.е. к дефициту демократии (democratic deficit). Спровоцированные или вызванные некомпетентностью кризисные процессы приобрели спонтанную динамику во втором десятилетии XXI в. и не получили адекватного анализа и осмысления в политической науке.

В докладе М.В. Ильина были предложены вытекающие из опыта политической науки направления интеллектуальных поисков. Сделан вывод, что нынешний глобальный кризис является "гроздевым" со множественными встроенными (nested) кризисами. В усложнившихся условиях выход из него не мыслим уже без разработки и системного использования научно обоснованной модели глобального кризиса со встроенными "гроздями" локальных и секторальных кризисов.

Поворотным моментом преодоления кризисов может стать опора на модифицированный принцип паритета в сравнении с вестфальским *itio in partes* и с блокирующим паритетом сверхдержав. Вполне возможно, что такой паритет мог бы быть двух или даже трехслойным. Целесообразно формально закрепить его с одной стороны в реформированной модели СБ ООН, а с другой суверенного участия в новых организациях, типа обновленных ЕС и ОБСЕ на глобальном и региональных уровнях.

Весьма вероятно, что поворотному моменту будут предшествовать формирования победных коалиций хотя бы в ряде частных (региональных, локальных, секторальных и др.) кризисов и начало процессов ресинхронизации. Столь же вероятно, что победным коалициям, перешедшим к синхронизации в своих сферах, придется или формировать межкоалиционные коалиции, или договариваться о консолидации устойчивых многополярных порядков на основе децентрализованной управляемости и рефлексивной подотчетности. Достигнутый в рамках поворотного момента компромисс не может не быть многоярусным и многоаспектным. Он также потребует урегулирования остававшихся неурегулированными частных кризисов, в том числе, за счет их синхронизации с возобладавшим мировым порядком.

Общие проблемы науки, актуальные на современном этапе, в философском контексте вынес на обсуждение А.В. Поповкин в своём выступлении "Критерии научности и природа науки". Новоевропейская наука рождается, по выражению историка науки Д. Вуттона, как "бунт математиков" против философов, находящихся в услужении богословию **[2, с. 30].** Пафосом новоев-

ропейского естествознания становится создание принципиально новой Философии Природы. Эта новая натурфилософия должна была быть, по замыслу создателей, не улучшением или исправлением старой философии, опирающейся на авторитеты, но именно созданием с чистого листа. Новым учителем был избран не один из авторитетов, но опыт (ср. Леонардо да Винчи любил подписываться "ученик опыта"). При этом новая философия природы опиралась на опыт особого рода. Во-первых, речь в ней идёт об опыте, оснащенном приборами, позволяющими превратить наблюдение в *измерение*. Во-вторых, для нового опыта начинают создаваться *особые условия*, а сам он – проводиться на основе *идеальных моделей*. Иными словами, появляется научный эксперимент. И, конечно, новое метризированное наблюдение открывает возможность с одной стороны применения математики к познанию "подлунного" мира, а с другой – преодоления субъективности конкретного акта наблюдения. По крайней мере, именно такую мысль относительно применения геометрии в физике вкладывает Галилею Э. Гуссерль: "Галилей, стало быть, сказал себе: где бы ни сформировалась такая методика, благодаря ей мы всюду преодолеваем и относительность субъективных воззрений…" **[3, с. 48]**. При этом математика становится не просто языком новой науки. Поскольку математическое знание имеет силу логической достоверности, возникает соблазн приписать научному знанию силу математической достоверности.

Революционность новой галилеевской науки станет яснее, если вспомнить, что начиная с Платона физика (наука об изменчивой природе, в отличие от метафизики – науки о неизменных первоначалах) считалась наукой недостоверной. Было неоднократно доказано, что относительно предметов опыта невозможно делать логически достоверные высказывания. Дополняя аргументы Платона и Аристотеля последующими достижениями философии и науки, можно отметить следующие аргументы против математизации физики: изменчивость материальных объектов; проблема индукции, обнаруженная Юмом (любые индуктивные умозаключения относительно свойств мира основаны на неявном и индуктивно недоказуемом предположении об однородности мира); нечеткость типов (например, подчас сложно установить границы биологического вида) и т.п. **[10, с. 20–23].**

С помощью применения математики к результатам наблюдения и эксперимента создатели галилеевской науки хотели как бы "перепрыгнуть" через Платона. *Казалось, что применение математики делает физику настолько же достоверной, как геометрия*. Как отметил Э. Гуссерль: "Физика сразу стала для него столь же достоверной, что и прежняя чистая и прикладная математика" **[3, с. 61].** Но это не так. Математизация физики сделала наблюдения более объективными, но не сделала выводы на их основе более достоверными, сохранив их индуктивный характер, а значит и оставив под действием "проблемы Юма". Коротко говоря, любые прогнозы на основе математизированных законов естественных наук или распространение их действия на весь мир по-прежнему зиждется на индуктивно недоказуемой уверенности в однородности мира. В истоках формирования современного математизированного экспериментального естествознания стояло фундаментальное заблуждение Галилея о том, что физику можно редуцировать к математике. Это заблуждение разделяли и многие философы. Например, Кант полагал, что "в любом частном учении о природе можно найти науки в собственном смысле лишь столько, сколько имеется в ней математики" **[4, с. 251].** Однако, во-первых, оказалось, что физику и естествознание в целом, невозможно свести к чистой математике. Во-вторых, математическое описание физического факта не гарантирует нам его *достоверной интерпретации*. И даже о точности описания можно говорить лишь в пределах погрешности измерений. Ситуацию очень хорошо иллюстрируют выведенные физиком и историком науки П. Дюгемом два главных требования, которым должна подчиняться физическая теория: 1) иметь математическую форму, что позволяет работать с ней как с аксиоматической математической теорией; 2) иметь экспериментальное подтверждение, в смысле совпадения её выводов с результатами экспериментов или наблюдений в пределах погрешности измерений **[цит. по: 5, с. 195]**. При этом, с точки зрения такой математизированной физики, две различные теории, одинаково удовлетворительно описывающие некоторую сферу эмпирии, для нас неразличимы в плане истинности – у нас нет оснований отдавать какой-либо из них

предпочтение. Отметим, что подобная ситуация немыслима в физике Аристотеля, ставившей во главу угла вопрос о сущности физических процессов, а не их формально-математическое описание.

Современное естествознание, или, точнее, сознание большинства ученых-естественников также несвободно от заблуждения о том, что математизация физики придала физическому знанию достоверность математического. В этой связи многие представители естествознания продолжают претендовать на то, что их описания Природы есть описания "того, что есть на самом деле", т.е. имеют статус достоверных высказываний о реальности (в метафизическом смысле). Кроме того, поскольку положения возникшей в XVII в. новой философии Природы должны были подлежать проверке измерением в наблюдении или эксперименте и выводится из результатов измерений, рождающееся естествознание обрело еще один "врожденный порок" в виде редукционизма. Многие представители естествознания со времен Галилея и до наших дней склонны утверждать, что *в реальности существует* лишь то, что в той или иной степени доступно измерительному эксперименту или наблюдению. Отсюда проистекает стремление физиков делать метафизические утверждения на основе своих физических теорий, а также великое множество несуразных попыток "вторжения" естествознания в гуманитарные и общественные науки. Примечательно, что среди современных гуманитариев лишь некоторые школы претендовали на абсолютную, метафизическую, достоверность своего научного знания. Например, главные претенденты на постижение "объективных законов истории" – марксисты. В этой связи можно указать на попытки свести любовь к гормональным процессам, деятельность сознания – к информационным или биохимическим процессам и т.п.

Многочисленные и несомненные успехи естествознания (особенно физики) в объяснении явлений природы, его влияние на промышленное развитие поставили его в положение образца научности. Продолжая мысль Д. Вуттона, можно сказать, что бунт математиков против философов удался. Мы видим, на первый взгляд, успешное наступление естествознания по всем фронтам: клиометрия в союзе с некоторыми математическими теориями, вроде теории игр, обещает сменить историю, а нейронауки вместе с теорией машинного обучения вот-вот сделают ненужными психологию, философию и педагогику. Но дело в том, что большинство этих побед – лишь видимость. Но чтобы понять это, нужно вернуться к истокам науки и философии.

Дело в том, что ещё Аристотель пришел к выводу о том, что можно выделить четыре независимых и несводимых друг к другу причины бытия любого сущего, а именно: 1) формальная или сущность вещи; 2) субстратная или то, из чего; 3) целевая или то, ради чего; 4) каузальная или то, откуда начало движения. (Например, в "Метафизике" кн. III гл. II Аристотель иллюстрирует случай наличия всех 4-х причин на примере строительства дома: "то, откуда движение, – строительное искусство и строитель; "то, ради чего" – сооружение; материя – земля и камни; форма – замысел дома (logos)"). Из этих четырех причин Галилей вполне сознательно оставил в новом естествознании всего две: субстратную и каузальную. Только эти две причины фигурируют в классической и современной физике. Вопрос, например, о *цели* движения электрона или существовании мира – одинаково бессмыслен с точки зрения естествознания. В то же время жизнь индивидуального человеческого сознания, равно как и общественные процессы не могут быть адекватно описаны без указания целевой причины. Так, эти строки были написаны не только потому, что нервные импульсы шли по нервным окончаниям и пальцы были достаточно тверды, чтобы нажимать на клавиши, но потому, что автор имел *намерение* сказать то, что написал.

Как известно со слов классика, "кирпич ни с того ни с сего никому и никогда на голову не свалится": для этого нужна внешняя причина. Но можно ли объяснить *только* внешними причинами, игнорируя внутренние намерения, все человеческие поступки? Иными словами, исследование предмета гуманитарного знания требует помимо каузальной указания *интенциональной причинности*. Но все предметы такого рода ещё на заре становления нового естествознания были выделены в область *наук о духе*. В этом смысле попытки создать сознание человеческого типа с помощью физики и компьютерных наук напоминает попытки получить с помощью геометрических построений

аромат розы. Эти соображения кладут границу распространения естествознания как образца научности на область гуманитарного знания.

Другую границу выявила современная ситуация в науке. Дело в том, что после второй мировой войны естествознание приобретает "промышленный" характер. Основной чертой науки второй половины XX в. становится максимальная реализация декартовского принципа деления "сложных" задач на "простые" и, как следствие, нарастающая специализация ученых и их низведение до "решателей сложных задач". Соответственно, в естественных науках растёт число ученых, лишенных общего видения науки как "новой философии природы", и более того – не стремящихся к такому видению. Новый принцип "промышленной" науки был сформулирован в шутливой и несколько грубоватой форме: *shut up and calculate*. Отсюда остается рукой подать до современного постмодернистского критерия научности: *наука – это то, что публикуют рейтинговые журналы*. Важно отметить, что такой критерий гораздо более губителен для социо-гуманитарных наук нежели для естественных. Основная причина уязвимости гуманитарного знания для публикационного критерия научности состоит в том, что в большинстве социо-гуманитарных наук сложно выделить то, что Т. Кун назвал парадигмой науки.

Возьмём два крайних случая. Так, физики, даже принадлежащие к разным научным школам, тем не менее, говорят на одном языке, им понятны задачи и способы решения общих проблем. Вопрос чаще всего стоит в выборе оптимальной математической модели или метода решения. Всё это потому, что разные физико-математические школы объединяет общая парадигма современной физики. Но если мы рассмотрим в этом ключе философию, то обнаружим, что философы разных школ буквально говорят на разных языках. Они не просто по-разному решают проблемы – они буквально могут не считать представителей другой школы за философов вообще, а в лучшем случае считать их проблематику ложной. Иными словами, в философии отсутствует единая парадигма. Поэтому, например, вопрос о том, что по некоему поводу думает философия – не имеет смысла. И, напротив, вполне можно спросить, что думает современная физика, например, о строении вещества. Конечно, в других социо-гуманитарных науках положение дел не столь радикально. В той же истории можно говорить об общеисторических методах и подходах. Тем не менее, различие научных школ в них намного более радикально, чем в естественных науках. Положение дел у гуманитариев усугубляется ещё и гораздо большим влиянием мировоззренческих и ценностных установок ученого на выдвигаемые им теории, выводы и обобщения. Так, например, физик-коммунист и физик-неолибертарианец вполне могут быть в согласии относительно важных вопросов квантовой теории. Но коммунист-историк с историком-либертарианцем или, паче того, историком-нацистом вряд ли вообще найдут общий язык. В результате нейтральная и объективная оценка научными журналами работ историков, философов, антропологов и т.п. возможна далеко не всегда. Это порой превращает публикационный критерий, относительно объективный для естественных наук, в инструмент идеологического диктата и цензуры в науках социо-гуманитарного профиля.

***

Подводя итоги, нельзя не отметить, что все участники семинара едины в том, что современные гуманитарные науки проходят критическую фазу своего развития, обусловленную как трансформациями мира в целом, так и развитием естественнонаучного знания. Такой вывод логически вытекает из оценки сложившейся ситуации в разных отраслях политической науки, включая и международные отношения, а также общего состояния теоретико-методологических оснований современной гуманитаристики. Существующие проблемы с критериями и общим состоянием научности в данной сфере обусловлены, с точки зрения представителей естественнонаучных отраслей, засильем "субъективизма", который не позволяет получать собственно *знания*, а продуцирует только плюрализм взаимоисключающих *мнений*. Между тем, непредвзятый взгляд на текущее положение дел в естественных ("правильных") науках позволяет обнаружить здесь свои издержки, обусловленные переходом на "промышленную" стадию, а также переоценкой значения математики для придания достоверности выводам, например, физики (метафизики).

Участники семинара в основном продемонстрировали оптимизм по поводу перспектив применения некоторых естественнонаучных подходов, (особенно тех, что определили лицо постнеклассической науки) для выхода гуманитарного знания из кризиса. Однако, как сказал классик: "Прежде чем объединяться, нам надо решительно размежеваться". Принципиальные различия в естественнонаучном и гуманитарном познании заключаются в том, что в нашем случае приходится иметь дело не с природными, а социокультурными явлениями, которые обусловлены возникновением такого явления, как разум, и его носителем – человечеством. Однако, к такому кардинально *антропологическому повороту*, который предусматривает внедрение трансдисциплинарности на основе принципа сложности, мы пока еще не готовы. Возможно, в будущем реализация таких представлений приведет не только к трансформации гуманитарного знания, но и к смене парадигмы естественных наук. На современном же этапе нам предстоит пересмотреть наши взаимоотношения с естественными науками, разработать адекватные особенностям социогуманитарной сфере критерии научности, а затем осуществить реальный трансдисциплинарный синтез, который позволит более достоверно понимать реалии нашего мира.

Литература

1. Беклямишев В.О. К вопросу об изучении исторических аналогий в политическом дискурсе: описание проблемного поля // Вестник Московского университета, Серия 12. Политические науки. 2021. № 6. С. 92–107.

2. Вуттон Д. Изобретение науки: Новая история научной революции / Дэвид Вуттон; пер. с англ. Ю. Гольдберга. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. 656 с.

3. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию / пер. с нем. Д.В. Скляднева. СПб.: Фонд Университет: Владимир Даль, 2004. 398 с.

4. Кант И. Метафизические начала естествознания. 1786 / Иммануил Кант; пер. с нем. В.П. Зубова. // Сочинения. В 8 тт. Т. 4. М.: Чоро, 1994. 630 с.

5. Катасонов В.Н. О границах науки: научное издание. М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Издательский дом "Познание", 2017. 296 с.

6. Окунев И. Ю. Стэнфордская модель кризиса развития // Полис. Политические исследования. 2009. № 3. С. 136–144.

7. Теория и методология истории: учебник для вузов / Отв. ред. В.В. Алексеев, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин. Волгоград: Издательство "Учитель", 2014. 504 с.

8. Almond et al. Crisis, Choice, and Change: Historical Studies of Political. Boston: Little, Brown and Company, 1973. 717 p.

9. Carr E. H. The Twenty Years Crises, 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations. London: Macmillan, 1946. 243 p.

10. Okasha S. Philosophy of Science: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2016. 140 p.

11. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 447 p.

References

1. Beklyamishev V.O. On the issue of studying historical analogies in political discourse: description of the problem field // Bulletin of Moscow University, Series 12. Political sciences. 2021. No. 6. P. 92–107. (In Russ.).

2. Wootton D. The invention of science: A new history of the scientific revolution / David Wootton; trans. from English Yu. Goldberg. M.: KoLibri, Azbuka-Atticus, 2018. 656 p. (In Russ.).

3. Husserl E. The crisis of European sciences and transcendental phenomenology: Introduction to phenomenological philosophy / trans. D.V. Sklyadnev. St. Petersburg: University Foundation: Vladimir Dal, 2004. 398 p. (In Russ.).

4. Kant I. Metaphysical principles of natural science. 1786 / Immanuel Kant; trans. V.P. Zubov. // Essays. In 8 vol. Vol. 4. M.: Choro, 1994. 630 p. (In Russ.).

5. Katasonov V.N. On the boundaries of science: scientific publication. M.: Church postgraduate and doctoral studies named after Saints Equal-to-the-Apostles Cyril and Methodius, Publishing House "Poznanie", 2017. 296 p. (In Russ.).

6. Okunev I. Yu. Stanford model of the development crisis // Polis. Political studies. 2009. No. 3. P. 136–144. (In Russ.).
7. Theory and methodology of history: a textbook for universities / Ed. by V.V. Alekseev, N.N. Kradin, A.V. Korotaev, L.E. Grinin. Volgograd: Uchitel Publishing House, 2014. 504 p. (In Russ.).
8. Almond et al. Crisis, Choice, and Change: Historical Studies of Political. Boston: Little, Brown and Company, 1973. 717 p.
9. Carr E. H. The Twenty Years Crises, 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations. London: Macmillan, 1946. 243 p.
10. Okasha S. Philosophy of Science: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2016. 140 p.
11. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 447 p.

◆

Информация об авторах

Татьяна Александровна Алексеева, д-р полит. наук, зав. кафедрой политической теории Московского государственного института международных отношений (университета), Москва, Россия, e-mail: ataleks@mail.ru

Михаил Васильевич Ильин, д-р полит. наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета (Высшая школа экономики), руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований Института научной информации по общественным наукам РАН, профессор Московского государственного института международных отношений (университета), Москва, Россия, e-mail: mikhaililyin48@gmail.com

Анатолий Михайлович Кузнецов, д-р ист. наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: kuznetsov.2012@ mail.ru

Андрей Владимирович Поповкин, канд. филос. наук, зав. кафедрой философии ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: andrey.popovkin@gmail.com

Information about the authors

Tatyana A. Alekseeva, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of Political Theory, Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia, e-mail: ataleks@mail.ru

Mikhail V. Ilyin, Doctor of Political Sciences, Professor, National Research University Higher School of Economics; Head of the Center for Advanced Methodologies for Social and Humanitarian Research, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; Professor, Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia, e-mail: mikhaililyin48@gmail.com

Anatoly M. Kuznetsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kuznetsov.2012@ mail.ru

Andrey V. Popovkin, Candidate of Philosophy, Head of the Department of Philosophy, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok. Russia, e-mail: andrey.popovkin@gmail.com

Поступила в редакцию 06.05.2023 Одобрена после рецензирования 07.08.2024 Принята к публикации 28.08.2024

Received 06.05.2023 Approved 07.08.2024 Accepted 28.08.2024

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 54–62.
Oikumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 54–62.

Научная статья
УДК 93/94
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/54-62

В руках иностранных подданных: формы нерусского землевладения в Амурской области в 1861–1917 гг. Часть 2

Стефани Цихаус
Венский университет, Вена, Австрия, ziehausstephanie@gmail.com

Аннотация. В статье представлен исторический анализ иностранного землевладения на Дальнем Востоке Российской империи, а именно корейцев села Благословенное, Зазейских маньчжуров, а также эвенков и орочонов в Амурской области в период с 1861 по 1917 год. Опираясь на документы местной администрации, а также на официальные законодательные постановления, в данной работе дается представление о пересечении суверенитета и подданства, исследует процессы наделения землей, запреты на иностранное землевладение и межевание. В статье показано, как российская администрация формировала институты землевладения и землепользования в зависимости от подданства пользователей земли. Корейцы могли легализовать свое пользование землей путем принятия имперского подданства. Для маньчжуров легализация земли представляла неразрешимую проблему, ведь их земельные владения были связаны с поддержанием суверенитета Цинского государства. Из-за доктрины terra nulius и отсутствия институтов инородного управления, империя не признавала землевладения коренного дальневосточного населения, хотя их самих рассматривала как действительных подданных империи.
Ключевые слова: *Российская империя, Амурская область, землевладение, имперское подданство, корейцы, маньчжуры, тунгусы*
Для цитирования: Цихаус С. В руках иностранных подданных: формы нерусского землевладения в Амурской области в 1861–1917 гг. Часть 2 // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 54–62. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/54-62

Original article
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/54-62

In the hands of foreign subjects: forms of non-Russian land tenure in the Amur region in 1861–1917. Part 2

Stephanie Ziehaus
University of Vienna, Vienna, Austria, ziehausstephanie@gmail.com

Abstract. The article presents a historical analysis of foreign land ownership in the Far East of the Russian Empire, namely the Koreans of the village of Blessed, the Zazeya Manchus, as well as the Evenks and Orochons in the Amur region in the period from 1861 to 1917. Drawing on documents from local administrations, as well as official legislative decrees, this work provides insight into the intersection of sovereignty and citizenship, and explores the processes of land allotment, bans on foreign land ownership and land surveying. The article shows how the Russian administration formed the institutions of land ownership and land use depending on the citizenship of land users. Koreans could legalize their use of land by accepting imperial citizenship. For the Manchus, the legalization of land presented an insoluble problem, because their land holdings were associated with maintaining the sovereignty of the Qing state. Due to the doctrine of terra nulius and the absence of institutions of foreign governance, the empire did not recognize land ownership of the indigenous Far Eastern population, although they themselves were considered as valid subjects of the empire.
Key words: *Russian Empire, Amur region, land ownership, imperial citizenship, Koreans, Manchus, Tungus*
For citation: Ziehaus S. In the hands of foreign subjects: forms of non-Russian land tenure in the Amur region in 1861–1917. Part 2 // Oikumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 54–62. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/54-62

Введение

В первой части настоящей статьи рассмотрено два типа "нерусского" (инородческого) землевладения в Амурской области: 1) корейское землевладение – с. Благословенное и 2) землевладение маньчжуров поселения в Зазейском районе. В настоящей части статьи рассматривается третий тип инородческого землевладения – коренное население (тунгусы, а именно эвенки и орочоны, также упоминаемые в документах под правовой категорией для групп этнических меньшинств в Российской империи – так называемые "инородцы" **[19, с. 173–190]**.

Окончание – начало см.: Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 1. С. 69–80.

© Цихаус С., 2024

Акцент на землепользовании коренного населения сделан для того, чтобы дать более подробное представление о неформальном характере землевладения, который преобладал на российском Дальнем Востоке. Помимо институциональных особенностей маньчжурского и корейского землевладения, в статье рассмотрено землепользование коренного населения, которое, хотя и было преимущественно кочевым, тем не менее, использовало рыболовные и охотничьи угодья и, следовательно, включалось в правовые отношения на этих территориях.

В первой части статьи показано, что землевладения маньчжуров – цинских знаменщиков – напрямую подрывали суверенитет России в Маньчжурском клине. Они не могли быть ассимилированы или включены в состав российского подданства, и поэтому их земельные владения представляли серьезную проблему для Российской империи. Нерешённым оставался и вопрос о других китайских подданных (особенно манзах и манеграх) на российском Дальнем Востоке, которые после присоединения данной территории к России, продолжали занимать и обрабатывать земли, не платя поземельного налога **(РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 248. Л. 20)**[1].

Когда закончился двадцатилетний льготный период свободного землепользования в соответствии с нормой 1861 г., необходимо было провести границы существующих земельных участков. В 1881 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин приказал провести военно-статистическое обследование всех районов региона. По его распоряжению амурским казакам было поручено провести межевание пограничных земель по Амуру и Уссури и наделить крестьян землей. Основной целью землеустройства было окончательное оформление земельных владений, разрешение земельных конфликтов и перераспределение пахотных земель от иностранцев российским подданным **(РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 146. Л. 1–90)**.

Огромное количество государственных земель – в понимании российской администрации было занято инородцами китайского подданства. Ожидалось, что эти инородцы переберутся через Амур, освободив тем самым земли для прибывающих русских поселенцев **(РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 146. Л. 2)**.

Атаман Приамурских казачьих войск генерал-лейтенант С.М. Духовской считал важным, что пограничные полосы по р. Амур отданы казакам именно с правом собственности **(РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 146. Л. 2)**, потому что их собственность одновременно подтверждала суверенитет русского государства на этих территориях. Но в то же время Духовской признавал, что в районе Амурского казачьего войска продолжают проживать и кочевать "разного рода инородцы, промышляющие охотою и рыбною ловлею" **(РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 525. Л. 21)**.

С.М. Духовской не обращал особого внимания на инородцев, заявляя, что необходимо сохранить за ними впредь до изменения или упорядочения их быта, полную беспрепятственность продолжать прежний образ жизни и промыслы безо всяких притеснений **(РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 525. Л. 21)**. Очевидно, что он не учитывал, что инородцы не имели какого-либо постоянного права на землю, на которой они ловили рыбу и охотились.

Несмотря на всю сложность и неопределенность своего положения, маньчжуры и корейцы оставались такими землевладельцами Амурской области, чьи права на владение землей, по крайней мере, рассматривались российской администрацией. Напротив, она воспринимала амурские кочевые группы как не привязанные к конкретному месту, бесцельно бродящие по тайге, способные установить постоянное право собственности. Посетив Ангару в 1845 г., А.П. Орлов в отношении баунтовских и ангарских тунгусов писал: "тунгус же не имеет родины, потому что вся жизнь его проходит в беспрерывном передвижении с одного места на другое. […], а потому не помнит настоящего места своего рождения, не заботится о нем, даже не спрашивает об этом у своих родных, – одним словом, он не имеет родины и не привязан ни к какой местности, а подобно зверю скитается по необитаемым пустыням или тайгам: это его стихия" **[8, с. 180]**.

[1] РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

Доктрина "*terra nullius*" была основополагающей для процесса заселения Дальнего Востока. Земля воспринималась как "незанятая", "невозделанная". Н.А. Крюков, в статье, посвященной сельскому хозяйству Приморья писал: "Когда русские люди появились в Приморской области, большая часть её была пустынной, как и теперь, и только изредка попадались бродячие инородцы" **(РГИА ДВ. Ф. 702. Оп 1. Д. 174. Л. 190)**.

Отношение первого военного губернатора Амурской области Н.В. Буссе к инородцам, находившимся в его владениях, было пренебрежительным и подозрительным. По его заявлению, сделанному им в 1865 г., кочевые инородцы в частях Амурской области были помехой, вызывали пожары, занимались незаконным пушным промыслом и охотой **(РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 515. Л. 6)**. Он не пытался ввести систему самоуправления коренного населения, как это было сделано в соседнем Забайкалье. Там буряты, якуты и эвенки были организованы в трехзвенную систему самоуправления коренного населения, предусмотренную "Уставом об управлении инородцев" от 22 июля 1822 года **(ПСЗ. I. Т. 38, № 29126, с. 394–417)**[2].

Устав стал основополагающим для управления коренными народами Сибири в XIX в., его развитие отражает одновременные указы о поселении и землевладении, введённые в XIX в. В то время как в законах о землевладении происходил сдвиг в сторону государственного переселения и введения частного землевладения для лучшего укрепления границы, указы об управлении туземцами Сибири постоянно упраздняли их автономные институты самоуправления.

Согласно Положению 1822 г., туземцы Сибири делились на три стадии экономического и культурного развития – оседлую, кочевую и бродячую. Коренное население Иркутской губернии и Забайкальской области классифицировалось как "оседлые" или "кочевые" инородцы. Кочевые инородцы были наделены обширными земельными угодьями (кочевьями) для продолжения привычного им образа жизни и обеспечения российской администрации ценной пушной данью. Детальный раздел этих земельных наделов зависел от самих кочевников в соответствии с их обычным правом. Русским или представителям другого рода запрещалось селиться на этих землях без разрешения землевладельцев. Однако эта земля всегда считалась государственной и являлась собственностью Казенной палаты.

Коренное население Амурской области и Приморья относилось исключительно к категории "бродячих", что означало, что они "кочуют с места на место", не имея постоянного поселения. В результате такой классификации они не получали в свое пользование участки земли, где русским поселенцам запрещалось жить, но могли свободно перемещаться за пределы уездов и даже губерний. Не имея определенной территории, бродячие инородцы имели только один уровень управления – родовой, под руководством старосты. Единственным исключением были удские эвенки на севере, которые в 1858 г. создали инородную управу. В него вошли эвенки Бутальского, Лалагирского, Анкагирского, 3-го Эжанского и других родов **(12, с. 98)**.

Инородцами Амурской области были этнические группы тунгусо-маньчжурской языковой группы, расселенные по Нижнему Амуру и Приморью, а также такие группы, как нивхи, удэгейцы и нанайцы. Потомки тунгусов, фигурирующие в документах XIX в., сегодня признаются в качестве отдельных этнических национальностей в РФ и КНР. Эти национальности пересекаются с историческими административными категориями, определенными этнографами и администраторами, но отражают собой трудный процесс категоризации изменчивых этнических идентичностей в рамках крупных проектов по проведению переписей населения **[19, с. 5–6]**.

Эвенки и орочоны занимались кочевым сезонным землепользованием, пушным промыслом и рыболовством. Значительно большая численность эвенков и орочонов была отмечена в северо-западной части Амурской области, в районе казачьих постов Игнашенского **(РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 90. Л. 13)** и Черняева **(РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 565. Л. 4, 4 об.)**.

Этноним орочон означает "оленные люди", и их также называют олене-тунгусами (оленные тунгусы) из-за их занятия оленеводством. Другая часть

[2] ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи

тунгусов вела полуоседлый образ жизни, связанный с разведением лошадей. Эта группа "конных тунгусов" принадлежала в основном к роду Манегир. Это родовое название "манегры" впоследствии применялось ко всем конным эвенкам **[3, с. 54]** и, кроме того, являлось термином, под который были подведены эвенки цинского подданства. Манегры жили по обоим берегам Амура. На правом берегу они обитали в долине р. Кумара, где было достаточно пастбищ для выпаса лошадей.

Манегры в документах российской администрации иногда упоминались как тунгусы китайского подданства. Орочоны, а также манегры и гольды (исторический термин, используемый этнографами для нанайцев) бродили в районе казачьей станицы Черняево. Эти группы считались подданными Китая, и они не платили ясак русским.

Другая кочующая тунгусская группа – бирары – обитала в Амурской области, в основном в бассейне р. Буреи, где некоторые из них занимались земледелием вдоль рек Бурея и Амур. На Амуре, где они нашли плодородную почву некоторые из них превратились в оседлых земледельцев. Но большинство их жило охотой и потому вело бродячий образ жизни **[14, с. 37–41]**.

По оценкам российской администрации, всего в Амурской области проживало 3 тыс. инородцев, приписанных к эвенкийским родам Никаганский, Никагирский, Киндигирский и Орочонский род Баягирский. Среди этого числа было также около 1 тыс. манегров, проживавших вдоль Амура от казачьей станицы Пермикана до станции Кумара и до 1890-х гг., плативших дань Цинской империи **(РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 565, Л. 4, 4 об.)**. Из ведомости 1876 г. о числе инородцев видно, что в Амурскую область зачислены из Забайкальской тунгусы Никаганского и Никагирского родов 268 душ, а из Якутской области оленные тунгусы первого Бесыдского рода, 1689 души, Кандагирского рода 100 душ и Шалаганского рода 25 душ. Эти инородцы по ведомости бродили в верховьях р. Амура и вносят ясак в станицу Албазинскую. Временно заходят орочоны, бродящие в верховьях Амура до станицы Черняево. "Временно" в этом контексте значит, что они платят ясак в другое ведомство и они не зарегистрированы в Амурской области. Манегры бродят от станции Черняево до Бурье и гольды в районе Амурского пешего казачьего батальона, а также в Буреинском округе в Тырмино-Чекундинском районе, особенно вокруг села Чекунда, основанного на более древнем эвенкийском поселении **(РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 565. Л. 4, 4 об.)**.

По словам этнографов, манегры находились под сильным китайским влиянием **[16, с. 524]**, что создало серьезную проблему для чиновников в Приамурье. Данные отношения между цинским двором и населением бассейна Амура продолжались, согласно документам об уплате дани, до конца 1890-х гг., когда династия Цин окончательно отказалась от дани в Саньсине (пров. Ляонин, Китай) **[18, с. 178]**.

Дань, и особенно дань соболем (маньчж. *sekei alban*, кит. 貂贡), определяла отношение манегров к цинскому правительству. Под данью подразумевалось вручение императору драгоценных предметов людьми с низким статусом в знак уважения и подчинения подданным Цин. Дань соболем демонстрирует институциональные отношения между маньчжурским императорским двором и охотничьим населением в Северной Маньчжурии. Мех был не просто ценным товаром, для маньчжурских императоров он был важным маркером идентичности, олицетворяющим их традиционную связь с охотой и родиной Маньчжурии. **(15, с. 36)**. Это показывает, что охотничьи угодья на соболя были важными земельными владениями для коренного населения. Соболь не только формировал дань цинской власти, но и выступал основным промысловым животным, то есть определял экономическую жизнь туземного населения **[1, с. 9]**.

В 1895 г. цинское правительство призывало гольдов и манегров, живущих на левой стороне Амура в армию. Генерал-губернатор С.М. Духовской потребовал от командира Амурского казачьего полубатальона "озаботиться недопущением китайских чиновников, следующих с исключительной целью сбора кочующих на нашей территории инородцев; предложить подлежащим властям внушить кочующим на нашей территории инородцам, что они как русские подданные никого не должны слушать, кроме русских начальников". Он также предупредил китайских властей, что "китайские чиновники

для сбора инородцев в войско на русскую территорию допускаться не будут" **(РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 804. Л. 177–177 об.)**.

В январе 1895 г. Кумарский станичный атаман в своем рапорте доносил, что китайскими властями производился сбор манегров в 5 верстах ниже поста Буссе. Манегров было собрано до 150 человек. По сведениям от манегров в феврале 1895 г. в 2-х верстах выше станицы Кумарской должен собраться весь наличный состав мужского пола **(РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 804. Л. 183–183 об.)**.

В 1876 г. Акцизное управление Амурской и Приморской областей запросило сведения о численности населения Амурской области, в том числе и о количестве кочующих инородцев **(РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 90. Л. 1)**. Только Игнашинский станичный округ сообщил о наличии кочевых инородцев вблизи казачьей станции и предоставил список населения, насчитывающий 790 мужчин и женщин. Как и положено в российских бюрократических документах, "инородцы" были причислены по "роду" (административная единица на основе кровного родства). Их кочевья определялись в терминах "по реке..." и "расстоянии" от с. Игнашинское. Термин "кочевье" использовано в этом документе амурской казачьей бригады для обозначения местности, где жили инородцы. Он не используется для обозначения юридически определенного региона под управлением Степной думы или инородческой управы. В документе перечислены следующие роды: Болодацкий, Боягирский, Кындылгырский в Якутской области), Нанаганский, Никагирский (Шологонский) и Киндигирский в Амурской **(РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 90. Л. 17)**.

Перечисленные роды занимались сезонной массовой заготовкой рыбы во время её пути к месту нереста. Рыболовные, а зимой и охотничьи угодья играли важнейшую роль в натуральном хозяйстве. Нормы обычного права регулировали все аспекты социально-экономических отношений между эвенкийскими и орочонскими общинами, включая распределение земельных, рыболовных и охотничьих участков между родами. Коренное население сообща владело рыболовными участками, которые закреплялись за определенным родом. Земли, принадлежащие той или иной родовой группе, определялись по легко различимым естественным границам, таким как каналы, горные хребты, озера. Согласно нормам обычного права, охотничьи и рыболовные угодья принадлежали всему роду. Первый род, установивший ловушки на охотничьих угодьях, устанавливал право собственности по общему праву. Если члены другого клана хотели воспользоваться охотничьими угодьями, они должны были получить согласие первого клана. Когда эти нормы нарушались, возникали конфликты **[1, с. 7–8]**. Этнолог Э. Линдгрен приводит ситуацию, произошедшую в нач. XX в. о том, как манегры в долине реки Кумары не позволили другим эвенкам вторгнуться на территорию, которую они считали своей, периодически сжигая олений мох, опасаясь, что их конкурирующие охотники истощат дичь **[16, с. 525]**.

Эти обычаи, согласно которым туземные общины распределяли доступ к земле, были включены в свод степных законов Российской империи **[10]**. Кодификация степных законов была длительным процессом, начатым ещё Сибирским комитетом, а затем переданным в Министерство государственных имуществ Российской империи. Проект кодификации так и не был завершен. Кодекс был издан в количестве менее ста экземпляров в 1841 г. К тому же нет никаких указаний на то, что экземпляры когда-либо поступали в обращение в Иркутске, Забайкалье или Приамурье. Кодекс представлял собой попытку ввести единые правила для управления сибирскими туземцами. В связи с этим в кодексе часто устанавливались единые правила для различных племен. Так, например, родство у разных племен определялось по-разному, но понятие "род" как административная категория ассоциировалось с нетвердыми обязанностями и правилами. Что касается земельной собственности, то кодекс охватывал различия между движимым и недвижимым имуществом, родовым и приобретенным, а также ответственность за потери пахотной земли **[10, с. 134–137]**. Эта кодификация представляет собой начало внедрения правовой системы коренных народов в рамках Российской империи **[13, с. 168]**, но в конце концов сборники степных законов никогда были ратифицированы **[7, с. 509]**.

Второе положение об инородцах после положения 1822 г. было принято в 1892 г. с целью приведения управления коренными народами в соответствии с управлением государственными крестьянами **[11, с. 187–210]**. Поселенные инородцы должны были пользоваться теми же правами и обязанностями, что и русские, управляться одной администрацией и руководствоваться общими законами и учреждениями. Управление кочевыми и бродячими инородцами Приморской и Амурской областей было организовано в соответствии с местными условиями, которые контролировал амурский военный губернатор. Распределение прав на землю закреплялось в Положении: согласно параграфу 36, инородческому роду запрещалось без согласия заниматься каким-либо земледелием (промыслом) на землях другого рода **[11, с. 191]**. Параграф 62 устанавливал, что генерал-губернатор Приамурья нёс ответственность за разделение коренных родов. Если члены рода стремились переселиться из одного рода в другой или на территорию другого рода, они должны были получить разрешение генерал-губернатора **[11, с. 194]**.

В Российской империи существовали критерии определения инородческого землевладения в форме кочевий, которые в течение второй половины XIX в. в других ведомствах империи местные власти стремились определить межеванием. Бродячие инородцы Амурской области не владели определенными территориями в виде кочевий и по этой причине потребности в землеустройстве не было. В Забайкалье российская администрация уважала права на земли инородцев, из-за того, что существовали степные думы как органы самоуправления и представительства интересов коренного населения, бурят и эвенков. На Дальнем Востоке отсутствовали инородные управления. Причины этого, вероятно, заключалась в малочисленности коренного населения, а также в сложности администрирования рассеянного кочевого населения, занимающегося оленеводством, охотой и рыболовством.

Согласно Положению от 3 мая 1896 г., в 1897 г. должна была быть проведена перепись среди бродячих инородцев Приамурского и Иркутского генерал-губернаторств **(ПСЗ. III. Т. 16, № 12878, с. 357)**. Перепись насчитала 1600 бродячих инородцев. К моменту переписи все эвенкийское население Амурской области – 1264 человека считалось русскими подданными. Оставшиеся манегры (всего 160 чел.) были записаны в Кумарском станичном округе **[9, с. 106]**. Большинство манегров и бираров переселилось на правый берег Амура в связи с интенсивной сельскохозяйственной колонизацией в 1890-х гг. Согласно мнению Г.Н. Гассовского, последние также были вытеснены эвенками-орочонами **[2, с. 543]**. Исчезновение к концу XIX в. бираров и манегров свидетельствует о том, что эвенки-орочоны из различных районов Якутии и Забайкалья переселились в верхнее и среднее Приамурье.

На севере Амурской области, где в начале XX в. еще оставалось инородное население, эвенки и орочоны постепенно теряли средства к существованию по причине вымирания зверя и сельскохозяйственной колонизации. В 1914 году горный исправник Буреинского горно-полицейского округа сообщал статистическому комитету что "тайга в северной части Буреинского округа (т.е. по верховьям рек Буреи и Селемджи) почти мертвая. Крупного зверя нет, а на медведей охотятся здесь очень редко. На соболиную охоту введён запрет. Поэтому большинство инородцев сильно обеднели и нуждаются в правительственной помощи (в порохе, свинце, муке, масле, соли и рыбе)" **(РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 454. Л. 230–230 об.)**.

Заключение

Подведем итог различным формам землевладения, признанным российской администрацией. Корейцы составляли класс мелких землевладельцев, а также крестьян-арендаторов **[17, с. 181]**. Маньчжурские знаменщики составляли класс землевладельцев, чье право собственности на русские земли основывалось на первой статье Айгунского договора. Эвенки и орочоны не были наделены исконными формами землевладения – кочевьями и, соответственно, не были зарегистрированы как землевладельцы. Эвенки и орочоны вели неоседлый образ жизни и не занимались сельским хозяйством, что было основным критерием для признания российской администрацией права собственности на землю. Тем не менее, они были включены в данную статью,

поскольку их присутствие выявляет сложные уровни категории "иностранец" и "инородный".

В течение второй половины XIX в. русская администрация начала уточнять определения "подданных" и "иностранцев" и соответствующим образом стандартизировали их права и привилегии. Наиболее активно такая политика проводилась на приграничных территориях, где беспокойство по поводу амбиций соседних государств сочеталось с беспокойством по поводу иностранной обработки земли и земельных владений **[17, с.111]**.

А.Ю. Назаров корректно определил базовую проблему с землевладением иностранных подданных. О землевладении маньчжуров он писал: "… в области, принадлежащей одному государству, не может быть двух правительств" **[6, с. 9]**. Также не может быть, что манегры охотятся в лесах российского Дальнего Востока, чтобы относить дань и служить Цинской империи. Очевидно, корейцы, у которых не было прямых отношений с цинской властью, не воспринимались как опасные иностранные элементы. Но при этом их постоянное пользование землей – в отличие от временных работ китайцев – представляло собой препятствие для русской колонизации. Поэтому русское подданство им предоставлялось очень неохотно.

Расовое отношение играло не менее важную роль в иностранной идентификации, несмотря на получение российского подданства. Нарратив "желтой опасности" вокруг "азиатских рас" на российском Дальнем Востоке является хорошо известной темой исследований и показывает, как глобальные колониальные установки в отношении расы и гражданства были адаптированы в многонациональной, сословной Российской империи.

В данной статье показано, как российская администрация относилась к различным земельным владениям в зависимости от подданства землевладельцев.

Корейцы были иностранными поселенцами, обрабатывавшими земли, официально принадлежавшие казакам. Путем принятия имперского подданства и в итоге крестьянского сословия, корейцы могли легализовать свои земельные владения. Из-за расовых предрассудков они по-прежнему сталкивались с дискриминацией, например, им выделялось только 15 десятин на семью вместо 100, которые им должны были предоставляться в соответствии с их крестьянским сословием.

Маньчжуры были цинскими знаменщиками и их земельные владения напрямую подрывали суверенитет России в Маньчжурском клине. Их земельные владения были официально признаны в Айгунском договоре. Они не могли быть ассимилированы или включены в состав российского подданства, и поэтому их земельные владения представляли серьезную проблему для империи.

Невозможно сказать, как комитет К.Н. Грибского собирался решить эту безвыходную ситуацию. Из документов видно, что планировались существенные межевания земель **(РГИА ДВ. Ф.704. Оп. 1. Д. 885. Л. 13)**.

Наконец, манегры не являлись подданными империи (поскольку они поддерживали отношения с империей Цин) и не принадлежали к какой-либо имперской категории. Российское правительство даже не интегрировало эвенков и ороченов российского подданства, которые официально принадлежали к категории инородцев в состав империи. На российском Дальнем Востоке отсутствовала система инородного управления и поэтому не было юридической основы для защиты своих земельных прав, не существовало правительственных организаций, которые могли предлагать, например, услуги межевания инородцам. Они были исключены из доступа к имперскому подданству с вытекающими из этого правами и привилегиями, и поэтому их земельные владения существовали за пределами институциональных рамок Российской империи. Кроме того, истощение пушных ресурсов также выдавливало инородцев с родных земель. В различии от корейцев и маньчжуров, манегры были иностранными землевладельцами, которых российское правительство даже ни признавало землевладельцами.

Неодинаковые права корейцев, маньчжуров и инородцев демонстрируют, как Российская империя управляла землевладением, используя (или рассматривая) имперские категории, прежде всего, статусы подданства.

Литература

1. Воронцова Н.А. Землевладение и землепользование по обычному праву у коренных народов Нижнего Амура и Приморья во второй половине XIX – начале XX веков // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2007. № 3 (4). С. 6–12.

2. Гассовский Г.Н. Гилюй-Ольдойский охотничье-промысловый район. Результаты зимней экспедиции 1925–1926 г. // Производительные силы Дальнего Востока. Вып. 4. Хабаровск; Владивосток: Кн. дело, 1927. С. 471–570.

3. Забияко А.П., Чирков Н.В. Народы и религии Приамурья. Благовещенск: Изд-во Амурского гос. ун-та, 2017. 421 с.

4. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей с включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран / Сост. А. Кириллов. Благовещенск: Типография т-ва "Д. О. Мокин и Ко.", 1894. Т. IV. 541 с.

5. Марченко В. Г., Зибарев, В. А. К вопросу об административном устройстве малых народностей Севера в дореволюционной России // Вопросы археологии н этнографии Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 104–112.

6. Назаров А.Ю. Записка о китайских подданных Амурской области Генерального Штаба Подполковника Назаров // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью: Изд. по распоряжению ген.-губ. Вост. Сибири Д.Г. Анучина. Т. 4. Вып.1. Иркутск: Тип. Штаба Вост. Сиб. воен. окр., 1883. С. 17–48.

7. Нольде А.Э. К истории составления проекта "Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири". СПб: Тип. Гл. упр. уделов, 1911. 22 с.

8. Орлов А.П. Баунтовские и ангарские бродячие тунгусы // Вестник ИРГО. Ч. 21. № 6. Вып. 2. СПб: Тип. Мор. Мин-ва, 1857. С.180–192.

9. Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. 3: Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин. / Зап. ИРГО по отд. Статистки. Т. 11. СПб., 1912. С. 434–999.

10. Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири. СПб.: Тип. 2-го Отд. С.К.Е.И.В., 1841. 14 с.

11. Сборник законов об устройстве крестьян и инородцев Сибири и Степного края. Сост. Г.Г. Савич. СПб., 1903. Отд. 1. 336 с.

12. Тураев, В.А. Этническая история дальневосточных эвенков (XVII–XIX вв.) // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2009. № 5. С. 90–102.

13. Шангин А.М. Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири как начальная попытка кодификации обычного права сибирских народов // Тр. Ин-та государства и права РАН. 2009. № 4. С. 158–168.

14. Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. Т. 3. Этнографическая част. Спб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1903. Т. XVII. 145 с.

15. Chia N. The Solon Sable Tribute. Hunters of Inner Asia and Dynatic elites at the imperial Centre // Inner Asia. 2018. №. 20. P. 26-63.

16. Lindgren E.J. North-Western Manchuria and the Reindeer-Tungus // The Geographical Journal. 1930. Vol. 75, N. 6. P. 518–534.

17. Park A. M. Sovereignty Experiments: Korean Migrants and the Building of Borders in Northeast Asia, 1860–1945. Cornell University Press, 2019. 284 c.

18. Shiro S. A History of the Far East Indigenous Peoples' Transborder Activities between the Russian and Chinese Empires // Senri Ethnological Studies. 2016. Vol. 92. P. 161–193.

19. Slocum J. W. Who, and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of 'Aliens' in Imperial Russia // The Russian Review. 1998. № 2. P. 173–190.

References

1. Vorontsova N.A. Land tenure and land use according to customary law among the indigenous peoples of the Lower Amur and. Primorye in the second half of the 19th – early 20th centuries. // Ojkumena. Regional Researches. 2007. No. 3 (4). P.6–12. (In Russ.).

2. Gassovsky G.N. Gilyuy-Oldoisky hunting and fishing area. Results of the winter expedition of 1925–1926 // Productive forces of the Far East. Vol. 4. Khabarovsk; Vladivostok: Book. business, 1927. P. 471–570. (In Russ.).

3. Zabiyako A.P., Chirkov N.V. Peoples and religions of the Amur region. Blagoveshchensk: Amur State Publishing House. Univ., 2017. 421 p. (In Russ.).

4. Geographical and statistical dictionary of the Amur and Primorsky regions with the inclusion of some points of neighboring countries / Comp. A. Kirillov. Blagoveshchensk: Printing house D. O. Mokin and Co., 1894. IV, 541. p. (In Russ.).

5. Marchenko V.G., Zibarev, V.A., On the issue of the administrative structure of small nationalities of the North in pre-revolutionary Russia // Questions of archeology and ethnography of Siberia. Tomsk: Publishing house Tom. Univ., 1978. P. 104–112. (In Russ.).

6. Nazarov A.Yu. Note on Chinese subjects of the Amur Region of the General Staff of Lieutenant Colonel Nazarov // Collection of the most important official documents on the management of Eastern Siberia: Ed. by order of the Governor General of the East. Siberia D.G. Anuchina. T. 4 issue 1. – Irkutsk: type. Headquarters East Sib. military okr., 1883. P. 17–48. (In Russ.).

7. Nolde, A.E., On the history of the drafting of the "Code of Steppe Laws of Nomadic Foreigners of Eastern Siberia." SPb: Type. Main Directorate Udelov, 1911. 22 p. (In Russ.).

8. Orlov, A.P., Bauntovsky and Angara wandering Tungus // Bulletin of IRGO Part 21, No. 6, no. 2. St. Petersburg: Type. Mor. Min-va, 1857. P.180–192. (In Russ.).

9. Patkanov, S.K., Statistical data showing the tribal composition of the population of Siberia, language and clans of foreigners (based on data from special development of the 1897 census material) T. 3: Irkutsk province, Transbaikal, Amur, Yakut, Primorsky regions and about Sakhalin. / Notes of IRGO on the department. statistics, vol. 11. St. Petersburg: 1912. S. [3], 434–999. (In Russ.).

10. Code of steppe laws of nomadic foreigners of Eastern Siberia. St. Petersburg. 1841. 14 p. (In Russ.).

11. Collection of laws on the organization of peasants and foreigners of Siberia and the Steppe Territory: comp. G.G. Savich. St. Petersburg, 1903. Dept. 1. 336 p. (In Russ.).

12. Turaev V.A. Ethnic history of the Far Eastern Evenks (XVII–XIX centuries) // Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 2009. No. 5. P. 90–102. (In Russ.).

13. Shangin A.M. Code of steppe laws of nomadic foreigners of Eastern Siberia as an initial attempt to codify the customary law of the Siberian peoples // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. M.: From the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2009. No. 4. P. 158–168. (In Russ.).

14. Shrenk, L. I. About foreigners of the Amur region. T. 3. Ethnographic part. St. Petersburg: Type. Imp. Academician Sciences, 1903. XVII, [1], 145 p. (In Russ.).

15. Chia N. The Solon Sable Tribute. Hunters of Inner Asia and Dynatic elites at the imperial Center // Inner Asia. 2018. Vol. 20. P. 26–63.

16. Lindgren E.J. North-Western Manchuria and the Reindeer-Tungus // The Geographical Journal. 1930. Vol. 75, Vol. 6. P. 518–534.

17. Park A. M. Sovereignty Experiments: Korean Migrants and the Building of Borders in Northeast Asia, 1860–1945. Cornell University Press, 2019. 284 p.

18. Shiro S. A History of the Far East Indigenous Peoples' Transborder Activities between the Russian and Chinese Empires // Senri Ethnological Studies. 2016. Vol. 92. P. 161–193.

19. Slocum J. W. Who, and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of 'Aliens' in Imperial Russia // The Russian Review. 1998. No. 2. P. 173–190.

◆

Информация об авторе

Стефани Цихаус, аспирант Венского университета, Вена, Австрия, e-mail: ziehausstephanie@gmail.com

Information about the author

Stephanie Ziehaus, Postgraduate Student, University of Vienna, Vienna, Austria, e-mail: ziehausstephanie@gmail.com

Поступила в редакцию 16.01.2024 Одобрена после рецензирования 03.02.2024 Принята к публикации 28.08.2024

Received 16.01.2024 Approved 03.02.2024 Accepted 28.08.2024

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 63–73.
Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 63–73.

Научная статья
УДК 947:070(73)=82"1948/1991"
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/63-73

Образ советской молодёжи в русской эмигрантской прессе в США (конец 1940-х – 1991 гг.)

Татьяна Сергеевна Кулепанова (Шугайло)
АНО "Приморский культурно-исторический центр" (Исторический парк "Россия – Моя история"),
Владивосток, Россия, randy-t@rambler.ru
Елена Николаевна Чернолуцкая
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, chvalery@mail.ru

Аннотация. Авторы статьи проанализировали, как менялось восприятие в среде русской диаспоры в США советской молодёжи в контексте представлений о Советском Союзе в период конца 1940-х – 1991 гг. Источниковую базу исследования составили публикации крупных русскоязычных изданий в США разной политической окраски. В целом журналисты эмиграции воспринимали советскую молодёжь искаженно, не отражая многие внутренние процессы, переживаемые социумом СССР. Антикоммунистические издания отводили молодому поколению важную роль в деле свержения режима большевиков. Иных взглядов придерживались в период "холодной войны" авторы просоветской газеты "Русский голос".
Ключевые слова: *русская эмиграция, русская эмигрантская пресса, США, СССР, советское общество, молодёжь, холодная война, имагология, оппозиция "свой – чужой"*
Для цитирования: Кулепанова (Шугайло) Т. С., Чернолуцкая Е. Н. Образ советской молодёжи в русской эмигрантской прессе в США (конец 1940-х – 1991 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 63–73. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/63-73

Original article
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/63-73

The image of Soviet youth in the Russian emigrant press in the USA (late 1940s – 1991)

Tatyana S. Kulepanova (Shugaylo)
Autonomous non-commercial organization "Primorsky Cultural and Historical Center"
(Historical Park "Russia – My History"), Vladivostok, Russia, randy-t@rambler.ru
Elena N. Chernolutskaia
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East,
Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, chvalery@mail.ru

Abstract. The authors of the article analyzed how changed the perception of Soviet youth in the Russian diaspora in the United States in the context of perceptions of the Soviet Union in the late 1940s –1991. The source base of the study was made up of publications of major Russian-language press in the United States of different political colors. In general, emigration journalists perceived the Soviet youth in a distorted way, not reflecting many internal processes experienced by the USSR society. Anti-Communist press assigned the young generation an important role in overthrowing the Bolshevik regime. The authors of the pro-Soviet newspaper "Russian Voice" held different views during the Cold War.
Key words: *Russian emigration, the Russian emigrant press, the United States, the USSR, Soviet society, the youth, Cold War, imagology, opposition "own – strange"*
For citation: Kulepanova (Shugaylo) T. S., Chernolutskaia E. N. The image of Soviet youth in the Russian emigrant press in the USA (late 1940s – 1991) // Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 63–73. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/63-73

В настоящее время в условиях сложной геополитической обстановки и острого противостояния России и Запада высокую актуальность приобретают проблемы внешнего восприятия нашей страны в историческом и глобальном контекстах. Одним из факторов влияния на этот процесс выступает Русское зарубежье. Его представители конструировали свой образ России, во многом отличавшийся от нарративов западной пропаганды, и транслировали его на страницах периодических изданий. Наиболее насыщенным периодом в плане осмысления покинутого Отечества являлась вторая половина XX в., когда советское государство прошло через послевоенное восстановление, подъём, кризис и, наконец, крах. Размышляя о судьбе России, эмигранты немало внимания уделяли роли молодого поколения. Категория "молодёжь" в науке и публицистике имеет множественные подходы. Один из них рассматривает её как мобилизационный ресурс общества, который определяет будущее государства **[17]**. В эмигрантских изданиях прослеживается именно такая направленность осмысления советской молодёжи.

Данная область не получила широкого внимания исследователей. Д.С. Козлов и А.В. Антошин раскрывают восприятие в Русском зарубежье советского юношества в середине 1940-х – 1960-е гг. на примере публицисти-

© Кулепанова (Шугайло) Т. С., Чернолуцкая Е. Н., 2024

ки в ФРГ **[23]** и позиций разных политических сил эмиграции **[4]**. Однако в историографии не представлено специальных трудов по данной проблематике применительно к крупной русской диаспоре, которая сложилась в США во второй половине XX в.

Тема развития эмигрантской прессы в США в XX в., её значения для консолидации творческих и политических сил соотечественников за рубежом, влияния на формирование общественного мнения проходит красной нитью в большинстве исследований, посвящённых истории русской диаспоры в целом **[4; 19; 30; 40 и др.]**, но как самостоятельный предмет анализа редко затрагивается в историографии. Основные особенности и тенденции становления русскоязычной журналистики в США в 1920-е – 1970-е гг. раскрыты в работе одного из авторов представленной статьи **[43]**. Но проблема нуждается в дальнейшем изучении, как в плане расширения хронологии, так и тематического поля, характерного для изданий в разные периоды их деятельности.

Цель статьи – показать формирование публицистического дискурса о советской молодёжи в русскоязычной прессе в США в контексте общих представлений о Советском Союзе в конце 1940-х – 1991 гг.

Авторы исследования обращались к крупным русским эмигрантским изданиям из собраний Государственного архива Российской Федерации, Российской государственной библиотеки, Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына (г. Москва), Государственного объединенного музея-заповедника истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева (г. Владивосток), частных коллекций. Был рассмотрен максимально возможный массив эмигрантской печати. Однако она представлена в фондохранилищах далеко не полными комплектами, с различным числом лакун и разной степенью сохранности. Тем не менее, в итоге удалось выявить и проанализировать обширный пласт публикаций (выборка составила более 40 материалов) разных жанров, в которых значительное внимание уделялось советской молодежи. Наиболее характерные и яркие из них процитированы в данной статье.

Исследование опирается на материалы СМИ разной политической окраски. Идеи консервативного лагеря диаспоры отражали монархические газеты "Россия" (начало издания – 1933 г., Нью-Йорк) и "Вестник правды" (1964 г., Сан-Франциско), журналы "Согласие" (1951 г., Лос-Анджелес) и "Кадетская перекличка" (1971 г., Нью-Йорк). Известные либеральные публицисты сотрудничали с "Новым журналом" (1942 г., Нью-Йорк) и газетой "Новое русское слово" (1910 г., Нью-Йорк). Газета "Русская жизнь" (1921 г., Сан-Франциско) тяготела к консервативной идеологии. Журнал "Социалистический вестник" (1921 г., Берлин, Париж, Нью-Йорк) объединял меньшевиков, а коммунистическая газета "Русский голос" (1907 г., Нью-Йорк) – просоветски настроенных эмигрантов. Газеты "Новый американец" (1980 г., Нью-Йорк) и "Панорама" (1980 г., Лос-Анджелес) были созданы журналистами и писателями, покинувшими СССР в 1970-е – 1980-е гг.

Формирование образа советской страны и её молодого поколения в обширной среде Русского зарубежья не могло быть однозначным. Эмигрантское сообщество в США формировалось из разных групп и волн прибытия, имело широкий спектр политических взглядов и мировоззренческих оснований. Диаспора, первоначально включавшая выходцев из России имперского и послереволюционного периодов, во второй половине XX в. пополнилась соотечественниками, проживавшими после 1917 г. в Европе и Азии, а также новыми потоками – военнопленными, "остарбайтерами", участниками антисоветских формирований времен Второй мировой войны **[38]**. В конце 1960-х – середине 1980-х гг. вместе со следующей волной эмиграции из СССР прибыли многие представители творческой интеллигенции и диссидентского движения **[30, с. 178, 256]**. Общая численность русских в США к концу 1980-х гг. составляла не менее 1 млн чел. **[22, с. 31]**.

Со своей стороны, объект их восприятия также представлял собой многочисленную, многослойную и трансформирующуюся группу общества. Согласно переписям 1959 и 1989 гг., в Советском Союзе возрастные когорты от 15 до 29 лет насчитывали соответственно 55 млн и 66 млн чел., что составляло 26,3 и 23,1% от общей численности населения. За прошедшие после войны четыре с половиной десятилетия менялись модели поведения и умонастроения молодёжи, уровень образованности и профессиональной подготовки. В

эти годы в СССР было введено всеобщее среднее образование, значительно расширилась сеть вузов, техникумов, ПТУ. Если в 1959 г. высшее образование имели только 2,7% населения в возрасте 20–29 лет, общее среднее – 9,6%, не имели даже начального образования 8,5%, то в 1989 г. эти группы составляли соответственно 10,5%, 50,2% и 0,4% (подсчитано по: Всесоюзная перепись… 1959; 1989) **[10]**. Это были поколения, неоднородные по своим убеждениям, трудовой и общественной активности, где, как и во всем советском обществе, соседствовали патриотизм, энтузиазм и общественная апатия, недовольство условиями жизни, асоциальные явления. Реалиями жизни юношества были массовое членство в рядах ВЛКСМ, представительство в КПСС, работа на "молодёжных стройках", активное участие в спорте, художественных кружках и т.д. В то же время шло влияние неофициальной идеологии, музыки, моды и т.п. (в том числе приходивших из-за рубежа), создавались неформальные объединения, имели место и криминальные отношения. Тем не менее, в молодёжной среде не возникало серьёзной оппозиции власти, способной организованно выступить и свергнуть её. Молодёжь по духу оставалась советской, что раскрыто как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях **[13; 18; 21, с. 140–151, с. 199, 202; 41, с. 44].**

В каком же образе эта группа советского населения представала в эмигрантской прессе?

В период "холодной войны" настроения в диаспоре были созвучны антикоммунистической волне, накрывшей американское общество. Большинство послевоенных деятелей Русского зарубежья негативно воспринимало коммунистическую власть и социалистическую действительность, что ярко отражалось на страницах периодики. Во второй половине 1940-х гг. появились публикации, в которых авторы связывали свои надежды на перемены в СССР с молодыми фронтовиками, повидавшими страны Европы, и, как предполагали журналисты, готовыми привнести некоторый духовный сдвиг в советскую жизнь **[6, с. 172]**.

Вместе с тем в конце 1940-х – начале 1950-х гг., когда в эмигрантских изданиях нарастала критика советского строя в духе "холодной войны", о молодёжи часто высказывались негативные мнения. Так, повторяя стереотип о том, что население в СССР под воздействием внутренней политики и коммунистической идеологии лишилось инициативности и способности самостоятельно мыслить, журналисты, в том числе указывали на студенчество, "заменившее собственные суждения цитатами партийцев" **[31].**

С середины 1950-х гг. под влиянием изменений, произошедших в СССР после смерти И.В. Сталина и прихода к власти Н.С. Хрущева, в среде эмиграции интерес к советскому обществу и, особенно к молодому поколению, несколько усилился. Антикоммунисты скептически отнеслись к "секретному" докладу нового советского лидера на XX съезде КПСС с развенчанием культа Сталина, а также выдвинутому лозунгу о мирном сосуществовании с Западом. Но начавшиеся в СССР процессы либерализации породили в сердцах эмигрантов надежды на возможные более радикальные перемены. Журналистка Е.Д. Кускова цитировала письма эмигрантов, побывавших на родине и заметивших снижение общего тревожного фона, уменьшение "сталинского страха" репрессий в обществе. С надеждой авторы писем рассказывали о молодёжи СССР, способной, по их мнению, ликвидировать большевизм и в целом изменить политический строй в стране **[27]**.

На позиции публицистов повлияло также изменение тактики Запада в отношении социалистической державы. Если с началом "холодной войны", сопровождавшейся ростом интереса государственных структур и спецслужб США к антикоммунистическому фронту эмиграции многие деятели Русского зарубежья надеялись на уничтожение коммунизма силами населения СССР в союзе с западным миром, то позже они отказались от этой идеи, поскольку американские политики выбрали курс на национальное раздробление Советского Союза **[35, с. 44]**. В этот период ряд представителей русской эмиграции в США, особенно консервативной её части, приходил к выводу, что помощи со стороны Запада, не заинтересованного в появлении сильной России, ждать не придется, и русский народ освободится от советской власти самостоятельно. В этом контексте молодёжь стала восприниматься как потенциальный объект

пропагандистского влияния, важная движущая сила общества, способная вызвать в стране общественно-политические изменения.

Несомненным фактором таких трансформаций восприятия стала и активизация молодёжной политики в СССР, где партийное руководство делало ставку на юношество как будущего строителя коммунизма и его активное привлечение к решению важных народно-хозяйственных задач **[13, с. 25–26]**. Материалы на эту тему, регулярно публиковавшиеся в советских СМИ, доходили до эмигрантской среды **[23, с. 57–60]**. Русскоязычная пресса в США отмечала, что молодёжь в СССР действительно является одной из движущих сил экономики, будучи задействованной в таких крупных проектах, как освоение целинных земель в Казахстане, строительство промышленных объектов в Сибири и др. **[33]**.

В 1950-е гг. наряду с хождением стереотипа о неспособности молодых советских граждан к самостоятельному мышлению, в СМИ эмиграции появилась тенденция к конструированию позитивного, идеализированного образа этого поколения. Один из авторов газеты "Россия" утверждал, что в СССР молодёжь давно культурно и духовно переросла своих воспитателей, а некоторый рост интереса в среде советского юношества к православию считал началом духовного возрождения **[12]**.

Создавая образ России/СССР, публицисты опирались на дихотомию "свой–другой/чужой", противопоставляя категории "русский народ" и "советская власть", "Россия" и "СССР". Авторы воспроизводили взгляды, сложившиеся в Русском зарубежье еще в 1920-е гг., об антагонизме "коммунистической власти" и "русского народа", о его грядущем восстании. С 1950-х гг. журналисты разной политической ориентации наделяли советскую молодёжь революционным потенциалом, учитывая исторический опыт имперской России, где студенты и в целом молодёжь проявляли высокую активность в выступлениях против режима. По мнению социал-демократов, эти бунтарские качества были не чужды и советским молодым людям, "отрицавшим тоталитарный коммунизм" и предпочитавшим демократический путь к социализму. "Социалистический вестник" видел потенциал антисоветских настроений в слоях студенчества, молодых фронтовиков, бывших политических заключенных и даже среди "золотой молодёжи" – детей верхушки номенклатуры **[1]**.

Значительно отличалась от остальных изданий газета "Русский голос", занимавшая просоветские позиции. Она не признавала наличия антикоммунистических настроений в СССР, опровергала прогнозы правой эмиграции о возможном народном восстании и свержении большевиков, считая, что в советском государстве, которым руководили трудящиеся, не могло быть никакого переворота. С конца 1940-х гг. и на протяжении многих лет издание публиковало статьи о пионерской организации и ВЛКСМ, их роли в воспитании у молодёжи разносторонних интересов, чувств патриотизма и ответственности. Советское юношество противопоставлялось западной молодёжи, "не имевшей идеологического стержня и презиравшей труд". Газета писала о социальном и нравственном кризисе, охватившем буржуазное общество, ахиллесовой пятой которого являлось "потерянное" молодое поколение **[26; 28].**

Во второй половине 1960-х–1970-х гг. представления русской эмиграции о советской молодёжи трансформировались. В данный период, когда уходили из жизни многие послереволюционные эмигранты, в русской диаспоре назрела проблема передачи политического, культурного и духовного наследия следующему поколению. Именно тогда возникло более пристальное внимание не только к юношеству русской эмиграции, но и к советской молодёжи как к перспективной прослойке общества для пропагандистского влияния. В большинстве русскоязычных изданий в США в этот период оформился исключительно идеализированный образ молодого поколения СССР, выступавший прогрессивным символом будущей постсоветской России. Журналисты разных политических лагерей продолжали воспринимать коммунистическую власть как некого "другого/чужого", но о молодёжи в СССР говорили, как о "своей", "родной", "русской".

Период правления Л.И. Брежнева авторы эмиграции оценивали как время усиления контроля над обществом, идеологического давления, все чаще говорили о кризисе "изжившей себя политической системы", опиравшейся на "заслуженных геронтократов". Критикуя коммунистический строй,

пресса повторяла стереотипы о том, что руководство СССР лишило население страны способности самостоятельно мыслить и проявлять личную инициативу. Но, в отличие от периода 1950-х гг., в этих негативных оценках советская молодёжь не затрагивалась. Напротив, в данный период эмигрантские издания наблюдали в ней определенную мировоззренческую эволюцию в сторону свободомыслия и независимости. "Сейчас в СССР вступает в жизнь четвёртое поколение со времени "октября", – рассуждал публицист журнала "Согласие" – Ему осточертел советский мусор, партийные лозунги, любимая партия, вожди… Стиляги, увлеченные джазом, твистом, конечно, уродливости, но даже это все же протест против уродливой советской казенщины. Эта мутная пена – косвенное доказательство того, что в глубине идет процесс серьёзный, поиски того, чем строилась Россия тысячу лет" **[5, с. 47]**.

Внимание к советскому юношеству продолжало расти в начале 1980-х гг., когда в СССР стали отчетливо проявляться признаки торможения в темпах экономического развития и внутренние кризисные явления. На страницах прессы советское юношество выступало в образе особой формации людей, не причастных к революции и сталинским репрессиям, "не знающих страха своих отцов" и поэтому более активных в политическом отношении **(ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 41. Кат. 8. Кадр 211)**[1].

Журналисты рассуждали: "…Есть надежда на то, что нарастает новая культурная волна, справиться с которой власти, по-видимому, будут не в состоянии. Люди, и в особенности молодёжь – первое поколение, в крови которого не осталось страха перед сталинским террором, – начинают самостоятельно размышлять и пытаются осмыслить крупицы новых идей, с которыми им приходится сталкиваться" **[32]**.

Журналы и газеты неоднократно высказывались о ментальной и духовной близости советской молодёжи с представителями Русского зарубежья. Консервативные издания с удовлетворением отмечали возросший в СССР интерес к дореволюционному прошлому Родины, "национальным истокам". Идеализируя мир императорской России, с одной стороны, и молодое поколение в СССР – с другой, они приходили к заключению, что "идейно близкая, родная" советская молодёжь относится к монархическому строю положительно и может предпочесть его в будущем. "Под влиянием чтения исторических романов, – писал Г. Бережецкий в газете "Вестник правды", – при распространении исторических фильмов невольно создается подсознательная монархическая идеология. Никто из молодёжи не говорит о русском прошлом с чувством вражды к царям, но при этом никто не преклоняется перед современным политическим режимом европейских или американских республик... Можно с уверенностью сказать, что будущее принадлежит народной монархии с народным царем" **(ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 41. Кат. 8. Кадр 211)**.

Некоторые авторы возлагали надежды на распространение монархических взглядов среди детей партийной элиты. По мнению журналиста А. Ростова, большая их часть, негативно воспринимая советский режим, в попытках заполнить образовавшийся идеологический вакуум, активно интересовалась существовавшей в дореволюционной России формой правления **[34]**.

Не менее позитивные отклики у авторов вызывала информация о том, что молодые люди в СССР стали интересоваться "подлинной", скрываемой властью историей Гражданской войны, которая интерпретировалась с позиции Белого движения. Газета "Русская жизнь" в 1984 г. опубликовала письмо молодого москвича, эмигрировавшего на Запад, с признанием гордости за "героическое белое офицерство" и сожалением о том, что оно в свое время не победило в России. По словам юноши, эти чувства разделяли многие его сверстники. Письмо вызвало эмоциональные отклики среди разных поколений эмигрантов, делавших вывод о происходившем в стране возрождении духовных сил русского народа, который сможет избавиться от коммунистического господства **[24].**

Подвижки в представлениях о советском обществе происходили под влиянием еще одного фактора – движения диссидентов. Их деятельность давала почву антикоммунистическим эмигрантским СМИ для выводов о развитии самостоятельности мышления, повышении уровня правосознания населения

[1] ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

в СССР, росте народной оппозиции. Так, авторы газеты "Россия" даже писали о том, что лучшие представители советской молодёжи находились в авангарде движения борьбы за права человека **[14, с. 5]**. Но в дальнейшем эмигрантов, особенно консерваторов, разочаровало желание правозащитников сохранить социалистический строй, лишь осуществив его демократизацию **[25]**.

В 1970-е – 1980-е гг. источники информации в русской диаспоре о Советском Союзе расширились. Свежие новости привозили с собой выходцы из СССР, покинувшие Родину в данный период, появились новые возможности для туристических поездок в СССР, активизировались контакты в научной, культурной, спортивной сферах. В эмигрантской прессе понятие "советская молодёжь" постепенно утрачивало монолитность и однотонность.

Журналист Н. Сперанский[2] в "Кадетской перекличке" описывал, как во время своих поездок в СССР он встречал представителей разных групп молодёжи – сталинистов и комсомольцев, "подпольщиков" и "форсовщиков". И со всеми ему удавалось выстроить диалог. По мнению автора, советская молодёжь была умнее и смекалистей западных ровесников, не воспринимала коммунистическую пропаганду и действовала наперекор советской системе. Обращаясь к старшему поколению эмиграции, молодой журналист говорил: "Вообще должен вас… порадовать тем, что, несмотря на беспощадное прививание… коммунистического мировоззрения, несмотря на экономические недостатки и охаивание западных пороков, советская молодёжь там такая же в кавычках скверная, длинноволосая, бородатая, непослушная и негодная, как и мы для вас" **[37, с. 95–96]**.

Особый акцент публицисты делали на признаках идеологического кризиса, назревавшего в советском обществе, и прежде всего, в молодёжной среде, вызванного отсутствием интереса к коммунистическим доктринам **[16, с. 74]**. Главный редактор "Нового журнала" Р. Гуль в одном из своих интервью приводил слова молодого члена КПСС, анонимно написавшего в редакцию о резком неприятии марксистских идеалов людьми его поколения в СССР: "Я поражен тем, что в эмиграции есть силы, которые нам близки по духу. Вам, конечно, странно, член партии и близость духа? Но, поверьте, что это так. Партия – это лишь мёртвый символ для нас, для молодёжи. Мы тоже люди, и добро для нас ближе, чем позолоченный труп…" **[36]**. Некоторые авторы эмиграции обращали внимание на попытках молодых людей убежать от "повседневной серости жизни" с помощью наркотиков и алкоголя **[42, с. 190–191].**

На фоне перемен в советском обществе в статьях антикоммунистов, особенно из правого лагеря, вновь воспроизводился стереотип о готовности населения страны к скорому восстанию (хотя часть представителей Белой эмиграции не поддерживала идею революции, опасаясь повторения событий, способных "залить страну кровью"). Как считало "Новое русское слово", юношество СССР, требуя либерализации режима, выбирало курс на подготовку революции, и государству приходилось сдерживать этот бунт против гегемонии КПСС **[38]**. Монархисты продолжали писать о наличии в СССР народной оппозиции, противостоявшей коммунистической власти на протяжении нескольких десятилетий **[9]**, **(ГАРФ. Ф.10143. Оп. 41. Кат. 8. Кадр 144)**. Редактор "Русской жизни" А. Соллогуб заключал: "В России идёт великий процесс отрицательного опыта и глубинного духовного оздоровления. Этот процесс замечателен тем, что во главе его идут не старики –"потенциальные противники партии и правительства", а советская молодёжь, взращенная и воспитанная коммунизмом, его "опора в превратной судьбе". Это комсомольцы поднялись против своих учителей и воспитателей" **[2]**.

Однако в эмигрантской печати встречались и противоположные мнения. Упоминавшийся выше Н. Сперанский из поездок по СССР вынес впечатление, что молодое поколение там поддерживало идею смены политического строя без применения насилия: "Они не ярые революционеры, не будут идти в штыки, не будут бросать гранаты... Но большинство людей говорят: "Почему это делать? Есть другие способы, которыми можно изменить структуру и

[2] Н. Сперанский, внук белоэмигранта из США. В 1969–1972 гг. был аспирантом Института по изучению истории и культуры СССР в Мюнхене. В это время он трижды побывал в СССР в качестве сопровождающего групп американских студентов, обучавшихся на факультете советоведения. Посетил Москву, Ленинград, Новосибирск, Ташкент и др. города.

переменить идеологию на что-то иное". И, я думаю, в этом и лежит наш путь, молодёжи этого поколения, моего поколения…" **[36, с. 95–96]**. Наиболее скептическую точку зрения выразил в интервью газете "Панорама" А.А. Зиновьев, философ и публицист, высланный из СССР в 1978 г. Он убеждал, что большинство советских молодых людей были лояльны по отношению к кремлёвскому руководству и полностью принимали идеологию коммунизма **[15, с. 8]**.

Перестройку и её лидера М.С. Горбачёва многие русские эмигранты на первых этапах восприняли с воодушевлением. С более молодым и образованным политиком, пришедшим на смену "кремлевским старцам", они связывали свои ожидания системных преобразований в СССР. Однако по мере углубления кризиса последних советских лет в эмигрантской среде росло разочарование. Русскоязычная пресса обвиняла Горбачева в нерешительности и противоречивости, приверженности коммунизму и нежелании в своих реформах дойти до ликвидации КПСС.

В 1985–1991 гг. молодёжная тема постепенно уходила на периферию обсуждаемых в печати проблем. Журналисты поздней волны эмиграции, знакомые с реалиями в СССР по собственному опыту, не выделяли молодёжь из общего контекста и не поддерживали представления о ней как о яростной антикоммунистической силе. В большей степени внимание молодому поколению продолжали уделять консервативные СМИ, однако и в них уменьшилось количество статей, посвящённых юношеству СССР. Данная тенденция объяснялась постепенным уходом из жизни старшего поколения эмигрантов, отличавшегося идеализированными представлениями о советской молодёжи.

Редактор газеты "Русская жизнь" Н.Н. Петлин, анализируя в 1987 г. письма комсомольцев в советской печати, приходил к выводу о царившей в молодёжной среде атмосфере двоедушия, полного разочарования в коммунистической идеологии, но в то же время отмечал высокую протестную активность. Он считал, что на фоне усугублявшегося в Кремле раскола между сторонниками и противниками реформ перестройки, советская молодёжь могла бы стать третьей политической силой, основанной на иной идеологии, и способной уничтожить КПСС **[29]**.

В конце 1980-х гг. многие монархисты, разочаровавшись в Горбачеве, снова делали акцент на молодом поколении в своих ожиданиях радикальных реформ и ликвидации КПСС. Они продолжали транслировать представления о юношестве как основном носителе антикоммунистических настроений в советском обществе, восторженно писали о процессах духовно-национального возрождения, особенно приветствуя живой интерес молодёжи к дореволюционной истории и православию. Л.И. Барат-Баранов высказывал уверенность в том, что возвращение к национальным традициям в дальнейшем приведет к "восстановлению единой русской, православной и свободной для всех народов России" **[8]**. Он призывал соотечественников совместными усилиями бороться с русофобией на Западе: "И вот перед нами, русскими, и в Советском Союзе, и в Зарубежье сегодня стоят серьезные задачи защищать историческое прошлое и культуру русского народа от ненависти и презрения, которые сегодня безустанно преподносятся Западу большинством публицистов…" **[7, с. 9]**.

Идею возрождения национальной и православной России с опорой на молодое поколение и создание нового демократического государства поддержала и газета "Русский голос", которая к 1990 г. в связи со сменой руководства редакции и под влиянием перемен в СССР превратилась в антикоммунистическое издание **[3]**.

Делая ставку на советскую молодёжь, представители эмиграции ставили задачу её соответствующего воспитания. Эта мысль прозвучала на Конгрессе русских американцев в 1991 г., где было принято заявление в связи с августовскими событиями в СССР: "…Чтобы поднять страну из-под обломков рухнувшей тоталитарной системы, нужны люди высокой духовности, мудрости и трудоспособности… Кроме того, стране нужны свежие молодые силы, воспитанные на основе религиозных и культурных ценностей, созданных на протяжении веков их предками, а не легкомысленные последователи разлагающих душу и разум современных веяний. Мы знаем, что в стране имеется хорошая, идейная и жертвенная молодёжь, но ей надо помочь, дать ей хорошее образование и предоставить возможность проявить свои знания и спо-

собности во всех областях хозяйственной, общественной и административной жизни" **[20]**.

Рассмотренные материалы показывают, что во второй половине XX в. русская диаспора в США не была безучастной к судьбе покинутой Родины. Но сам факт исхода из своей страны свидетельствовал о том, что основная часть эмигрантского сообщества относилась к убежденным противникам советского строя, и надежды на его крушение оставались главным "русским" политическом вопросом, активным транслятором которого выступала русскоязычная пресса в США. В этом контексте категория "советская молодёжь" в изданиях разной политической ориентации осмысливалась как потенциальная движущая сила грядущих системных преобразований в СССР. Нюансы заключались лишь в том, насколько способна она выступить в таком качестве и до каких пределов "революционности" сможет дойти.

В ходу были разные, в том числе противоположные точки зрения – и о полной подвластности советских молодых людей официальной идеологии, их неспособности самостоятельно мыслить и действовать, и о снижении "сталинского страха" репрессий, возрастании самодостаточности молодёжи, и о том, что "дети" духовно переросли своих "отцов", отвергают коммунистическую доктрину и активно готовятся к ликвидации большевизма. Последнее утверждение было наиболее свойственно антикоммунистическим газетам и журналам, особенно монархического толка. Но не чуждо оно было и социал-демократам. Издания повторяли стереотипы о противоборстве в СССР власти и народа, о зревшем восстании и отводили молодёжи ведущую роль в освобождении от "коммунистического ига". На другом полюсе мнений находились немногочисленные просоветски ориентированные журналисты, уверенные в силе и правоте советского строя и безусловной поддержке его со стороны "идейно подкованного молодого поколения". С расширением контактов между СССР и США, появлением множества новой информации о жизни советского населения, восприятие молодёжи эмигрантами становилось менее идеализированным и однобоким, но оно по-прежнему не отражало гораздо более сложной реальности.

В целом в эмигрантской среде, независимо от политической ориентации, советская молодёжь воспринималась со значительной долей абстрагирования, упрощения, искажения. Каждое из изданий рисовало лишь её отдельные черты – реальные или воображаемые. Издалека и за "железным занавесом" не просматривались многие разновекторные и многослойные процессы, характеризующие умонастроения и жизнедеятельность молодых советских граждан. С другой стороны, публицисты зарубежья видели то, что хотели видеть, продуцируя во многом мифологизированный образ молодого поколения, в котором отражали мечты своего сообщества о политическом будущем покинутого Отечества.

Литература

1. А.Б. Москва весной 1956 г. (Из письма из Европы) // Социалистический вестник. 1956. № 6 (694). С. 103–194.
2. А.С. К родным истокам // Русская жизнь. 1984. № 10356. С. 3.
3. Агафонов Е. Конец монополии коммунистов на власть?! // Русский голос. 1990. № 17949. С. 1.
4. Антошин А.В. Российские эмигранты в условиях "холодной войны": середина 1940-х - конец 1960-х гг. Москва: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2008. 659 с.
5. Апанасенко Г. Советчина // Согласие. 1965. № 162. С. 45–47.
6. Аронсон Г. Россия после войны // Социалистический вестник. 1947. № 9 (600). С. 170–172.
7. Барат-Баранов Л. Забвению вопреки // Согласие. 1989. № 450. С. 9–12.
8. Барат-Баранов Л. Начало просветления? // Русская жизнь. 1987. № 11065. С. 3.
9. Боголюбов А. Что мы должны передать нашим детям // Кадетская перекличка. 1972. № 4. С. 82–85.
10. Всесоюзная перепись населения 1959 г. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=3 (дата обращения: 23.01.2024).
11. Всесоюзная перепись населения 1989 г. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=6 (дата обращения: 23.01.2024).
12. Ганусовский Б. Черное пятно // Россия. 1958. № 6456. С. 2.

13. Грицай В.В. Основные тенденции развития государственной политики в отношении советской молодежи и проявления неформальной культуры в её среде в первое послевоенное десятилетие // Общество и право. 2015. № 1 (51). С. 25–29.
14. Декларация освободительного движения народов России // Россия. 1967. № 7862 (312). С. 4–5.
15. Джордж У. Теория имени Зиновьева // Панорама. 1984. № 173. С. 8–9.
16. Елена С. Поездка в Советский Союз летом 1964 года // Социалистический вестник. 1965. № 4. С. 68–77.
17. Загребин В. В. Подходы к определению категории "молодёжь" // Концепт. 2014. № 2. URL: http://e-koncept.ru/2014/14030.htm (дата обращения: 29.01.2024).
18. Захаров С.М. Студенческая молодёжь в СССР: между протестной активностью и конформизмом // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 11 (49). Ч. 1. С. 90–93.
19. Зацепина О.С., Ручкин А.Б. Русские в США. Общественные организации русской эмиграции в XX–XXI вв. Нью-Йорк: RACH-C Press, 2011. 290 с.
20. Заявление Конгресса Русских Американцев в связи с августовскими событиями 1991 г. // Русская жизнь. 1991. № 12000. С. 2.
21. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. Москва: РОССПЭН, 1999. 229 с.
22. Кабузан В.М. Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719–1989). Санкт-Петербург: Рус.-Балт. Информ. центр БЛИЦ, 1996. 347 с.
23. Козлов Д.С. Публицистика русской эмиграции о советской молодёжи. 1950–1960-е годы // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2013. № 1 (11). С. 57–69.
24. Красовский О. День Непримиримости // Русская жизнь. 1984. № 10418. С. 4.
25. Кулепанова (Шугайло) Т.С. Диссидентское движение в СССР на страницах русскоязычной печати в США во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 2. С. 228–237.
26. Курнаков С. Молодость Советской страны // Русский голос. 1948. № 11948. С. 2, 4.
27. Кускова Е. Далеко ли зашла большевизация русского народа? // Новое русское слово. 1958. № 16663. С. 2.
28. Муратов В. Потерянная молодёжь // Русский голос. 1969. № 16929. С. 3.
29. Н.П. Говорит советская молодёжь // Русская жизнь. 1987. № 11103. С. 3.
30. Нитобург Э.Л. Русские в США: история и судьбы, 1870–1970: этноисторический очерк. Москва: Наука, 2005. 417 с.
31. Новиков М. Университеты и демократия // Новое русское слово. 1951. № 14353. С. 2.
32. Остин А. Россия: видимость и действительность // Новый американец. 1981. № 84. С. 8–9.
33. По строкам и между строк // Новое русское слово. 1958. № 16715. С. 4.
34. Ростов А. Положительные идеалы на родине // Согласие. 1975. № 283. С. 8–10.
35. Ручкин А.Б. Создание антикоммунистического фронта русской эмиграции как проект американских спецслужб в начальный период холодной войны // Историческое обозрение. 2017. № 18. С. 34–49.
36. Сорокалетие "Нового Журнала" // Русская жизнь. 1983. № 9985. С. 6–7.
37. Сперанский Н. Впечатления о советской молодёжи // Кадетская перекличка. 1972. № 4. С. 94–96.
38. Тарле Г.Я. Российская эмиграция в 1940–50-е годы // Россия и современный мир. 1999. № 3. С. 114–115.
39. Тихонов А. Социалистическая демократия // Новое русское слово. 1969. № 20391. С. 3–4.
40. Хисамутдинов А.А. В Новом Свете или история русской диаспоры на Тихоокеанском побережье Северной Америки и Гавайских островах. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2003. 324 с.
41. Чернолуцкая Е.Н. А была ли "стагнация"? Переосмысление причин советской перестройки на Западе в 2000-е гг. // Россия и АТР. 2015. № 4 (90). С. 34–47.
42. Шпиллер Д. Быт советских людей // Новый журнал. 1977. № 127. С. 180–200.
43. Шугайло Т.С. Основные тенденции и особенности развития русскоязычной прессы в США в 1920 – перв. пол. 1970-х гг. (на примере ряда крупных изданий) // Вопросы истории Китайско-Восточной железной дороги и города Харбина (120-летие строительства): сборник научных трудов / ред. кол.: А.М. Буяков, И.К. Капран, М.Б. Сердюк. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2018. С. 169–179.

References

1. A.B. Moscow in the spring of 1956 (From a letter from Europe) // Socialist Herald. 1956. № 6 (694). P. 103–104. (In Russ.).
2. A.S. To native origins // Russian life. 1984. № 10356. P. 3. (In Russ.).

3. Agafonov E. The end of the communist monopoly on power?!// Russian voice. 1990. № 17949. P. 1. (In Russ.).
4. Antoshin A.V. Russian emigrants during the Cold War: mid-1940s – late 1960s. Moscow: Publ. house of the Ural State University, 2008. 659 p. (In Russ.).
5. Apanasenko G. Sovetchina // Agreement. 1965. № 162. P. 45–47. (In Russ.).
6. Aronson G. Russia after the war // Socialist Herald. 1947. № 9 (600). P. 170–172. (In Russ.).
7. Barat-Baranov L. Despite oblivion // Agreement. 1989. № 450. P. 9–12. (In Russ.).
8. Barat-Baranov L. The beginning of enlightenment? // Russian life. 1987. № 11065. P. 3. (In Russ.).
9. Bogolyubov A. What should we pass on to our children? // Cadet roll call. 1972. № 4. P. 82–85. (In Russ.).
10. All-Union Population Census of 1959. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=3. (accessed 23.01.2024). (In Russ.).
11. All-Union Population Census of 1989. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=6. (accessed 23.01.2024). (In Russ.).
12. Ganusovsky B. Black spot // Russia. 1958. № 6456. P. 2. (In Russ.).
13. Gritsai V.V. Main trends in the development of state policy towards Soviet youth and the manifestation of informal culture among them in the first post-war decade // Society and Law. 2015. № 1 (51). P. 25–29.
14. Declaration of the liberation movement of the peoples of Russia // Russia. 1967. № 7862 (312). P. 4–5. (In Russ.).
15. George W. The theory named after Zinoviev // Panorama. 1984. № 173. P. 8–9. (In Russ.).
16. Elena S. A trip to the Soviet Union in the summer of 1964 // Socialist Herald. 1965. № 4. P. 68–77. (In Russ.).
17. Zagrebin V. V. Approaches to defining the category "youth" // Concept. 2014. № 2. URL: http://e-koncept.ru/2014/14030.htm. (accessed 29.01.2024). (In Russ.).
18. Zakharov S.M. Student youth in the USSR: between protest activity and conformism // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2014. № 11 (49). Part 1. P. 90–93. (In Russ.).
19. Zatsepina O.S., Ruchkin A.B. Russians in the USA. Public organizations of Russian emigration in the XX - XXI centuries. New York: RACH-C Press, 2011. 290 p. (In Russ.).
20. Statement by the Congress of Russian Americans in connection with the events of August 1991 // Russian life. 1991. № 12000. P. 2. (In Russ.).
21. Zubkova E.Yu. Post-war Soviet society: politics and everyday life. 1945–1953. Moscow: ROSSPEN, 1999. 229 p. (In Russ.).
22. Kabuzan V.M. Russians in the world. Dynamics of population and settlement (1719–1989). Saint Petersburg: Russian-Baltic information center "Blitz", 1996. 347 p. (In Russ.).
23. Kozlov D.S. Journalism of Russian emigration about Soviet youth. 1950–1960s // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Historical Sciences. 2013. № 1 (11). P. 57–69. (In Russ.).
24. Krasovsky O. Day of Intransigence // Russian life. 1984. № 10418. P. 4. (In Russ.).
25. Kulepanova (Shugailo) T.S. The dissident movement in the USSR on the pages of the Russian-language press in the USA in the second half of the 1960s - early 1980s // News of the Laboratory of Ancient Technologies. 2021. Vol. 17. № 2. P. 228–237. (In Russ.).
26. Kurnakov S. The youth of the Soviet country // Russian voice. 1948. № 11948. P. 2, 4. (In Russ.).
27. Kuskova E. How far has the Bolshevisation of the Russian people gone? // New Russian word. 1958. № 16663. P. 2. (In Russ.).
28. Muratov V. Lost Youth // Russian voice. 1969. № 16929. P. 3. (In Russ.).
29. N.P. Soviet youth speaks // Russian life. 1987. № 11103. P. 3. (In Russ.).
30. Nitoburg E.L. Russians in the USA: history and destinies, 1870–1970: ethnohistorical essay. Moscow: The science, 2005. 417 p. (In Russ.).
31. Novikov M. Universities and democracy // New Russian word. 1951. № 14353. P. 2. (In Russ.).
32. Austin A. Russia: appearance and reality // New American. 1981. № 84. P. 8–9. (In Russ.).
33. Along the lines and between the lines // New Russian word. 1958. № 16715. P. 4. (In Russ.).
34. Rostov A. Positive ideals at home // Agreement. 1975. № 283. P. 8–10. (In Russ.).
35. Ruchkin A.B. The creation of an anti-communist front of Russian emigration as a project of the American intelligence services in the initial period of the Cold War // Historical review. 2017. № 18. P. 34–49. (In Russ.).
36. The fortieth anniversary of the "New Journal" // Russian life. 1983. № 9985. P. 6–7. (In Russ.).
37. Speransky N. Impressions of Soviet youth // Cadet roll call. 1972. № 4, P. 94–96. (In Russ.).
38. Tarle G.Ya. Russian emigration in the 1940s–50s // Russia and the modern world. 1999. № 3. P. 114–115. (In Russ.).
39. Tikhonov A. The socialist democracy // New Russian word. 1969. № 20391. P. 3–4. (In Russ.).
40. Khisamutdinov A.A. In the New World or the history of the Russian diaspora on the Pacific coast of North America and the Hawaiian Islands. Vladivostok: Far Eastern University Publ. house, 2003. 324 p. (In Russ.).

41. Chernolutskaya E.N. Did there "Stagnation" even exist? Rethinking the reasons of Soviet Perestroika in the West in the 2000s // Russia and the Asia-Pacific. 2015. № 4 (90). P. 34–47. (In Russ.).
42. Shpiller D. Life of Soviet people // New magazine. 1977. № 127. P. 180–200. (In Russ.).
43. Shugailo T.S. Main trends and features of the development of the Russian-language press in the USA in 1920 – the first half of the 1970s. (using the example of a number of major publications) // Questions of the history of the Chinese Eastern Railway and the city of Harbin (120th anniversary of construction): collection of scientific works / ed. Col.: A.M. Buyakov, I.K. Kapran, M.B. Serdyuk. Vladivostok: Publ. house of Vladivostok State University of Economics and Service, 2018. P. 169–179. (In Russ.).

◆

Информация об авторах

Татьяна Сергеевна Кулепанова (Шугайло), лектор-экскурсовод АНО "Приморский культурно-исторический центр" (Исторический парк "Россия – Моя история"), Владивосток, Россия, e-mail: randy-t@rambler.ru

Елена Николаевна Чернолуцкая, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: chvalery@mail.ru

Information about the authors

Tatyana S. Kulepanova (Shugaylo), Lecturer-Guide, Autonomous non-commercial organization "Primorsky Cultural and Historical Center" (Historical Park "Russia – My History"), Vladivostok, Russia, e-mail: randy-t@rambler.ru

Elena N. Chernolutskaia, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: chvalery@mail.ru

Поступила в редакцию 01.06.2023 Одобрена после рецензирования 13.08.2024 Принята к публикации 28.08.2024

Received 01.06.2023 Approved 13.08.2024 Accepted 28.08.2024

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 74–83.
Oikumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 74–83.

Научная статья
УДК 7.036
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/74-83

Арсенальная выставка как точка отсчёта модернизма в Америке: проблема оценки и восприятия

Вероника Руслановна Збитнюк
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, zbitnyuk.vr@dvfu.ru
Евгений Викторович Журбей
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, zhurbey.ev@dvfu.ru

Аннотация. Арсенальная выставка, прошедшая в 1913 г. в Нью-Йорке, считается ключевым событием в истории американского модернизма. В данной статье рассматривается проблема оценки и восприятия этой выставки в контексте развития современного искусства в США. Авторы анализируют реакции публики и критиков на экспонаты, представленные на выставке, а также её интерпретацию современными историками искусства. Кроме того, в статье поднимается вопрос влияния этого события на художественное сообщество и культурные практики Америки начала XX в.
Ключевые слова: *Арсенальная выставка, модернизм, американское изобразительное искусство, культура XX в., современное искусство*
Для цитирования: Збитнюк В. Р., Журбей Е. В. Арсенальная выставка как точка отсчёта модернизма в Америке: проблема оценки и восприятия" // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 74–83. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/74-83

Original article
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/74-83

The Armory Show as a reference point of modernism in America: the problem of evaluation and perception

Veronika R. Zbitnyuk
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, zbitnyuk.vr@dvfu.ru
Evgeny V. Zhurbey
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: zhurbey.ev@dvfu.ru

Abstract: The Armory Show, held in 1913 in New York, is considered a key event in the history of American modernism. This article examines the problem of evaluating and perceiving this exhibition in the context of the development of contemporary art in the United States. The authors analyze the reactions of the public and critics to the exhibits presented at the exhibition, as well as its interpretation by modern art historians. In addition, the article raises the issue of the impact of this event on the artistic community and cultural practices of America at the beginning of the XX century.
Key words: *the Armory Show, modernism, American fine art, culture of the XX century, contemporary art*
For citation: Zbitnyuk V. R., Zhurbey E. V. The Armory Show as a reference point of modernism in America: the problem of evaluation and perception" // Oikumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 74–83. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/74-83

Арсенальная выставка 1913 г. стала поворотным пунктом для американского изобразительного искусства, впервые познакомив художественное сообщество США с модернизмом и современным европейским искусством. Изучение данной темы позволяет более глубоко понять процессы модернизации в искусстве и культуре Америки начала XX в., а также проанализировать неоднозначную роль Арсенальной выставки и её интерпретацию как художниками и искусствоведами того времени, так и современными исследователями. В соответствии с этим проблема данного исследования заключается в том, действительно ли эта выставка носила передовой характер в сравнении с другими художественными событиями того времени и впоследствии оказала глубокое влияние на развитие модернизма в США? А также действительно ли реакция американской публики на Армори шоу и современное европейское искусство была исключительно негативной?

Объектом исследования является процесс появления модернизма в Америке, а предметом – Арсенальная выставка, её оценка и восприятие. Цель исследования: рассмотреть Арсенальную выставку 1913 г. в контексте зарождения модернизма в Америке и выявить проблемы её оценки и восприятия.

При работе над темой были использованы несколько методов. Исторический анализ включает в себя изучение художественного ландшафта первой трети XX в., что даёт представление о том, как появился американский модер-

© Збитнюк В. Р., Журбей Е. В., 2024

низм и что он из себя представлял. Дескриптивный метод позволяет описать важнейшие произведения изобразительного искусства, представленные в каталоге Арсенальной выставки, с целью восстановления целостной картины культурного пространства США первой трети XX в. Компаративный метод позволяет выявить ключевые особенности Арсенальной выставки в сравнении с предшествующими выставками современного искусства.

Среди российских учёных появление модернизма в американском искусстве было затронуто лишь В.П. Шестаковым, посвятившего отдельную главу своего комплексного исследования американского искусства Армори шоу и рождению модернизма в США **[1]**. На данный момент это единственная русскоязычная работа, анализирующая художественные процессы, происходившие в американском изобразительном искусстве в конце XIX – нач. XX вв. Среди зарубежных исследователей, интересовавшихся этой темой, следует прежде всего выделить Милтона В. Брауна и его монографию "История Арсенальной выставки" 1963 г., где впервые подробно описывались важные исторические детали, связанные с выставкой, а также анализировались многие архивные документы и источники **[3]**. С момента публикации работы М. В. Брауна было предпринято мало попыток для дальнейшего изучения Армори шоу, за некоторыми исключениями. В частности, большой вклад в изучение восприятия Арсенальной выставки её современниками внесла Джоанн Манчини в статье ""Один термин столь же бессмыслен, как и другой": пересмотр отзывов об Арсенальной выставке" **[12]**.

Во второй половине XIX в. европейское искусство столкнулось с совершенно новыми влияниями, бросившими вызов традиционным художественным нормам и стилям. В искусствоведческой науке эту эпоху радикальных перемен принято называть "эпохой модернизма". Хотя данное определение полностью не исчерпывает весь круг проблем и понятий, традиционно вкладываемых в термин "модернизм", поскольку, как справедливо заметил американский историк Дэниел Дж. Сингал, "гораздо проще судить о том, чем модернистская культура не являлась" **[18, с. 8]**. Поэтому он даёт достаточно расплывчатое определение модернизма, указывая лишь на то, что модернизм – это совокупность взаимосвязанных идей, верований, ценностей и способов восприятия, которые возникли в середине – конце XIX в., и это оказало мощное влияние на искусство и мысль по обе стороны Атлантики **[18, с. 8]**. Вследствие этого возникает и сопутствующая проблема периодизации модернистской эпохи и определения хронологии её появления – всё зависит от того, в каком веке начинают искать её признаки.

Вероятнее всего, европейский модернизм, как и другие культурно-исторические эпохи, развивался постепенно, впитывая в себя черты предыдущих эпох и переосмысляя их эстетический опыт, но как художественное направление он возникал в контексте определённых событий и явлений. Так, модернизм в живописи принято связывать с 1863 г., когда на официальном ежегодном художественном салоне большое количество художников не было допущено к участию, что привело к общественному протесту. В том же году был создан "Салон отверженных", чтобы разрешить выставку работ художников, которым ранее отказывали во входе в официальный салон. Среди художников, участвовавших в выставке, были П. Сезанн, К. Писсарро, Э. Мане и другие художники, впоследствии названные импрессионистами.

В это время американское искусство было отмечено следующими особенностями:

- в американской живописи всё ещё господствовал романтизм и, в частности, жанр романтического пейзажа Школы реки Гудзон. Кризис романтизма наступает в Америке лишь к концу 70-х гг., в то время как в европейском искусстве романтизм обычно ограничивается первой половиной XIX в.;
- импрессионизм в Америке начинает развиваться приблизительно с конца 80-х гг. XIX в. и продолжается вплоть до второго десятилетия XX в.;
- в контексте импрессионизма, складывающегося под влиянием реализма (в Европе), в США на рубеже веков появляется Школа мусорных ведер – школа реалистического искусства, которая пробыла в зените славы всего лишь несколько лет – до 1913 г.

Модернизм в Америке, таким образом, в отличие от Европы возникает в период резких художественных сдвигов, происходящих с 80-х гг. XIX в. по

10-е гг. XX в., когда в изобразительном искусстве сосуществовало сразу несколько противоборствующих течений.

В истории американского современного искусства появление модернизма ознаменовалось масштабным событием, проходившим в Нью-Йорке в 1913 г. Его предыстория относится к 14 декабря 1911 г., когда была организована Ассоциация американских художников и скульпторов. Её основатель Уолт Кун и избранный президент Артур Боуэн Дэвис планировали провести выставку прогрессивных произведений искусства современных американских и зарубежных художников, отдавая предпочтение работам, игнорируемым текущими выставками. Фактически мотивы и цели будущей выставки были теми же, что и у французских "Отверженных" пятьдесят лет назад. По мнению Эвис Берман, "истоки выставки лежат в появлении прогрессивных групп и независимых выставок в начале XX в. (с переосмыслением французского опыта), которые бросили вызов эстетическим идеалам, политике исключения и авторитету Национальной академии дизайна, в то же время расширяя выставочные и торговые возможности, повышая осведомлённость общественности и расширяя аудиторию современного искусства" **[2, с. 131]**. В течение 1912 г. Кун путешествовал по Европе в поисках произведений искусства для своей выставки. В руки ему попались картины Анри Матисса "Голубая обнажённая" и "Красная студия", а также картина Дюшана "Обнажённая, спускающаяся по лестнице" *(рис. 1)*. Только после того, как Дэвис и Кун вернулись в Нью-Йорк, они пригласили американских художников принять участие.

Таким образом, Армори шоу имело тесную связь с Салоном отверженных несмотря на то, что их разделяет почти полвека. Подобно французской выставке, Арсенальная выставка вызвала большую шумиху в средствах массовой информации и произвела сильное впечатление на американскую публику.

Многие историки американского искусства полагают, что реакция художественных критиков на Арсенальную выставку была по преимуществу негативной, поскольку в первой половине XX в. американская публика оставалась слишком консервативной и отдавала своё предпочтение реалистическому искусству. Об этом, например, писал куратор современного искусства Генри Гелдзалер, указывая на то, что "в течение многих лет после Арсенальной выставки Метрополитен-музей не решался признать более радикальные эксперименты в американском искусстве, и вплоть до начала 40-х гг. характер его приобретений оставался в высшей степени консервативным" **[8, с. 9]**; это же констатировал и профессор истории искусств Принстонского университета С. Хантер **[10, с. 164]**.

Подобное мнение ошибочно основывалось на критических размышлениях художника-академиста К. Кокса и искусствоведа Л. Мехлен, которые и являлись тем интеллектуальным авангардом консервативного декадентства, отвергающим современное европейское искусство. Кокс и ему подобные рассматривали постимпрессионизм как последнее ужасное последствие полувекового эстетического упадка, символизирующего более широкий социальный и моральный упадок общества **[5, с. 10]**. Лейла Мехлен высказывалась более радикально, сравнивая модернистских художников с преступниками и политическими радикалами **[13, с. 940]**. Подобная реакция способствовала созданию в общественном сознании ассоциации между художественным иконоборчеством и политическим радикализмом, которая сохраняется и по сей день в отношении современного искусства.

Важно понимать, что основной поток негативной критики был направлен именно на представителей европейского модернизма, так как именно европейские картины (та же "Обнажённая, спускающаяся по лестнице" М. Дюшана или "Голубая обнажённая (Воспоминание о Бискре)" Анри Матисса) становились предметом горячих споров и обсуждений среди зрителей Армори шоу. Теодор Рузвельт в своей рецензии на выставку высоко оценил старания организаторов, констатируя, что она дала общественности возможность увидеть, что происходит в последнее время за рубежом, поскольку такого масштабного собрания произведений европейских модернистов в США никогда не представляли. По его мнению, среди всех работ коллекции именно работы американских художников и скульпторов представляют наибольший интерес,

в то время как в европейских художниках он увидел "проницательную способность делать глупость прибыльной" **[17]**.

Реакция Т. Рузвельта ещё раз подчеркивает сложное отношение современников к Арсенальной выставке. За заметным исключением Кокса и Мехлен, очень немногие авторы категорически осудили выставку. Большинство отзывов были неоднозначными и свидетельствовали о глубокой оценке критиками изменений, происходящих не только на американской сцене в целом, но и в самом искусстве. Как отмечает М.В. Браун, первые отзывы в газетах носили вполне положительный характер. Это объяснялось тем, что своё негодование пресса обрушивала на Национальную академию дизайна из-за проведенной ею ранее кампании по сбору средств для строительства нового здания в Центральном парке, которую большинство газет рассматривали как посягательство частного учреждения на государственную собственность. Поэтому, когда Ассоциация американских художников и скульпторов, состоявшая всего из двадцати пяти художников, благодаря частным средствам и индивидуальной инициативе получила помещение на восемнадцать залов, пресса ликовала **[3, с. 45]**.

Смена настроения произошла только после знакомства консервативной части художественных критиков с экспонатами выставки. Дилетанты из жёлтой прессы подхватили их высказывания, и ситуация стала меняться, а публика начала находить в некоторых экспонатах источник низкопробного юмора. Но даже в этой ситуации сложно обобщить всё количество публикуемого критического материала, посвящённого Арсенальной выставке, во что-то конкретное. Организаторы во время гастролей выставки в Чикаго и Бостоне даже выпустили брошюру под названием "За и против: взгляды на печально известную оружейную выставку 1913 г.", в которой были представлены критические очерки разных общественных деятелей: от консервативно настроенного К. Кокса до радикального модерниста Ф. Пикабиа **[4]**.

Это было сделано, поскольку, находясь в Чикаго, выставка вызвала скандал, который дошел до офиса губернатора. В одной из статей было объявлено, что "международная выставка кубистических и футуристических картин, которая сейчас экспонируется в Институте искусств, содержит много непристойных полотен и скульптур..." **[6]**.

Джоанна М. Манчини, анализируя восприятие зрителей Арсенальной выставки, разделяет его на три большие группы:

- первая группа критиков ("скептики") отмечала, что на выставке были представлены прекрасные образцы как европейского, так и американского искусства. Подобные критики хвалили выставку за её широту, размах и новаторство; однако вместе с тем, по их мнению, некоторые аспекты всё же были упущены организаторами. Например, искусствовед Фрэнк Джуэтт Мэзер указывал на то, что подборка, выбранная для представления европейских художников на выставке, была "далека от превосходной";
- вторая группа критиков ("противники"), выражая своё негодование, клеймила художников-модернистов шарлатанами и простофилями. Кроме Кокса и Мехлен сюда же можно отнести, например, Р. Кортиссоза, хотя его отношение к организации выставки не было негативным – его нападки были направлены скорее против европейского постимпрессионизма;
- третья группа критиков ("критики-модернисты") возникала вместе с новым искусством и создавала собственную критическую школу, оторванную от традиций прошлой эпохи. Среди них были Д. У. Макколл, У.Х. Райт, Э. Блюменшайн и др. Их интересовала не столько сама выставка, сколько противопоставление модернистской эстетики (адептами которой они являлись) буржуазному вкусу и общественности **[12]**.

Таким образом, современники неоднозначно восприняли Армори шоу. Для многих американцев европейское искусство конца XIX – начала XX в. стало настоящим откровением. Если одни, боясь, что американское искусство воспримет европейские модернистские течения, называли Арсенальную выставку и выставлявшихся там художников общественно вредными, то другие, напротив, увидели в новом искусстве возможности для дальнейшего развития.

Арсенальная выставка до сих пор остаётся предметом полемики среди многих историков искусства. Ситуация почти не изменилась с 1913 г., хотя

Рис. 1. Обнажённая, спускающаяся по лестнице, М. Дюшан (1912 г.).

Источник: **[15]**.

Fig. 1. Nude Descending a Staircase, No. 2, M. Duchamp (1912)

Source: **[15]**.

с учётом понимания событий, последовавших за Армори шоу, современные исследователи модернизма всё чаще отводят ей особую роль в формировании американского искусства XX в. Генри Гелдзалер указывал на то, что именно с неё началась "великая битва столетия между модернизмом и консерватизмом" **[8, с. 9]**. Схожего мнения придерживается Д. М. Менделовиц: "Оружейная выставка ознаменовала закат академических импрессионистов и приверженцев "благородных традиций"" **[14, с. 467]**. Сэм Хантер писал, что это событие имеет первостепенное значение в истории американского вкуса. Арсенальная выставка стала первым широким и популярным знакомством американской публики с европейскими художественными инновациями **[10, с. 74]**.

Интересную точку зрения приводит отечественный искусствовед В.П. Шестаков. В главе, посвящённой появлению модернизма в Америке, он утверждает, что, с одной стороны, несомненным плюсом является утверждение на американской художественной сцене абстракционизма, который так широко был представлен впервые, однако, с другой стороны, организаторы не добились поставленных целей – вместо интеграции американского искусства в общемодернистский контекст результатом выставки стало разделение основных школ американской живописи (реализма, академизма, абстракционизма) и обострение борьбы между ними **[1]**.

Некоторые исследователи также указывают на то, что Арсенальная выставка являлась не первой в своём роде выставкой, представляющей модернистских художников – она была бы невозможна, если бы ранее не появились намеки на большие перемены в американском искусстве. Как отмечает Кристина И. Оклендер, малоизвестно, что легендарная Арсенальная выставка 1913 г. началась в небольшой нью-йоркской художественной галерее Мэдисон, которая открылась 20 ноября 1909 г. и закрылась в апреле 1912 г. Галерея была основана Кларой Поттер Дэвидж, стремившейся выставлять и продвигать работы молодых американских художников **[16, с. 20]**.

Действительно, не стоит представлять Америку начала XX в. культурным вакуумом, в котором существовал лишь академический реализм и зачатки импрессионизма. Ещё в 1898 г. американский художник Морис Брэзил Прендергаст увидел работы Сезанна в Париже и стал его первым поклонником в Америке. Его коллеги-художники появились в США задолго до того, как его картины можно было увидеть за океаном. Работы самого Прендергаста, выполненные в Америке с 1899 по 1909 гг., демонстрируют растущую свободу

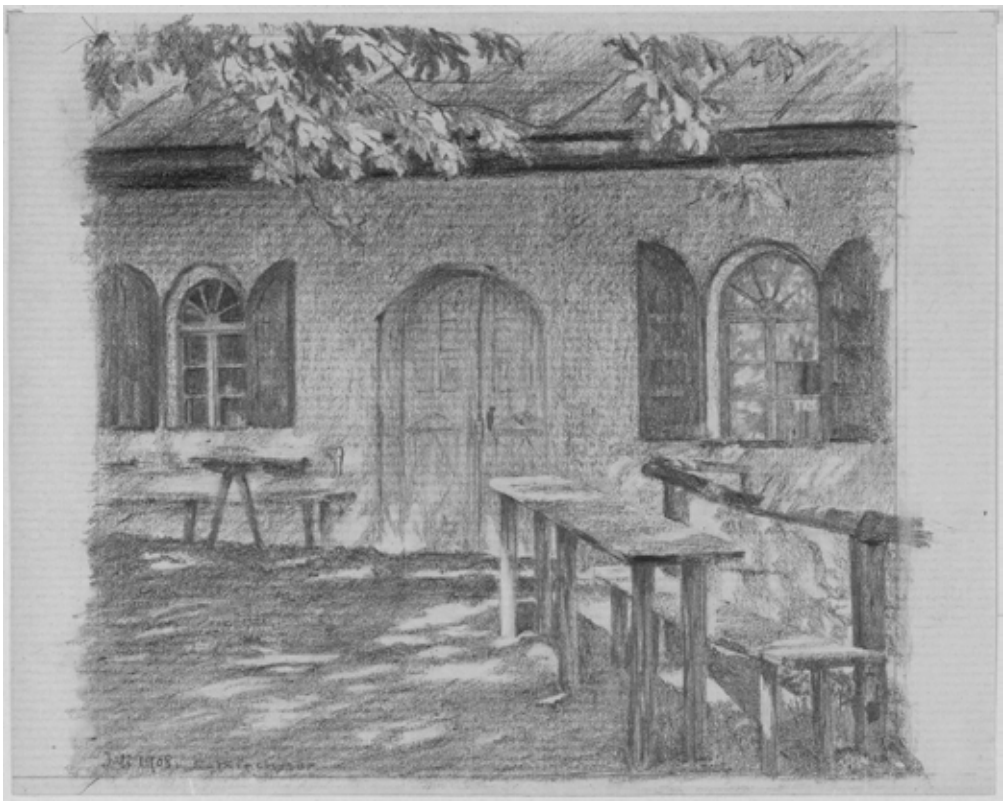


Рис. 2. Пивной ресторан, Э.Л. Кирхнер (1908 г.).
Источник: **[7]**.
Fig. 2. Der Wirtsgarten, E.L. Kirchner (1908).
Source: **[7]**.

от натурализма и эксперименты с чистым цветом. В течение многих лет он оставался единственным пионером модернизма в США.

В дополнение к обширным выставкам работ Сезанна в Париже здесь проводилось много других важных событий. На некоторых американцев, побывавших в Париже, эти события оказали сильное влияние. Альфред Морер, переехавший в Париж в 1900 г., променял свою успешную карьеру академического живописца на карьеру первого последователя фовизма. Другие американцы тоже выезжали за границу: среди них Б. Карфиоль, С. Халперт, М. Вебер, А. Валковиц, также У. Пах, Ч. Демут, М. Рассел, С. Макдональд-Райт, Томас Х. Бентон, Э. М. Дасбург, М. Л. Шамберг, Ч. Шилер, М. Зорах, Дж. Стелла и М. Хартли. Многие из этих художников почерпнули всё, что могли, из новых движений в Париже, и постарались перенести их на американскую почву.

Не стоит забывать и о деятельности Альфреда Стиглица, который одним из первых начал выставлять работы модернистских художников в своей галерее "Фото-Сецессион", позже известной как "291". В его небольшой галерее с 1908 по 1913 гг. проводилось несколько "первых" выставок:

- Апрель 1908 г. – Первая американская выставка А. Матисса;
- Март 1909 г. – Первая американская выставка А. Морера;
- Май 1909 г. – Первая международная выставка М. Хартли;
- Ноябрь 1910 г. – Знакомство Сезанна с Америкой;
- Январь 1911 г. – Первая масштабная выставка М. Вебера;
- Апрель 1911 г. – Первая персональная выставка П. Пикассо.

Таким образом, Арсенальная выставка действительно не была первой выставкой современного искусства в Америке. Многие американские обще-

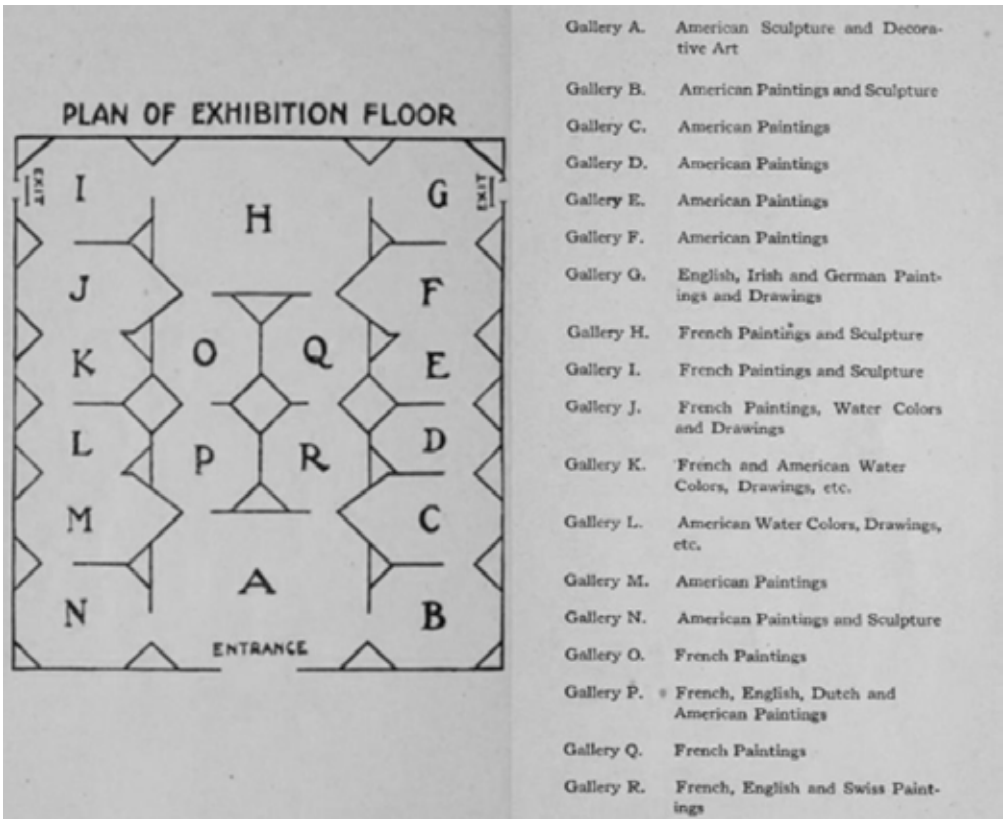


Рис. 3. План помещений выставки 1913 г.
Источник: **[11, с. 71]**.
Fig. 3. The plan of exhibition floor, 1913.
Source: **[11, p. 71]**.

ственные деятели, разбирающиеся в искусстве, способствовали его появлению в США задолго до неё. Однако необходимо понимать, что все эти выставочные проекты были узкотематическими и не привлекали большое количество людей. Они были направлены на небольшую группу американской интеллектуальной элиты, которая знала о последних новинках в европейском искусстве.

Некоторые исследователи не соглашаются с утверждением, что Арсенальная выставка имела исключительное значение для модернизации американского искусства. Говоря об экспрессионизме, Р. Хьюз писал, что на выставке "это важное направление было представлено всего одним Кирхнером, и притом простым пейзажем, а не одной из его резко проработанных фигуративных картин" *(рис. 2)*. Он объясняет это тем, что вкусы её президента Артура Боуэна Дэвиса были слишком классическими и формальными. По мнению Хьюза, эта выставка и уровень её представления европейского искусства были неудачным образцом продвижения модернизма, воплощенным во множестве полуконсервативных или второстепенных работ **[9, с. 354–356]**.

Рассматривая изначальные цели Арсенальной выставки (Ассоциация американских художников и скульпторов задумала её как образовательное мероприятие, включив пояснительные публикации, посвящённые искусству XIX в.), можно увидеть, что в числовом соотношении действительно преобладало творчество художников XIX в. А. Дэвис хотел зафиксировать преемственность творческих традиций в искусстве от Гойи, Энгра и Делакруа до кубизма. Он представил историю французской живописи XIX в. в довольно традиционной манере, как непрерывное развитие от Энгра и Делакруа через Курбе и реализм, импрессионизм и постимпрессионизм, настаивая, однако,

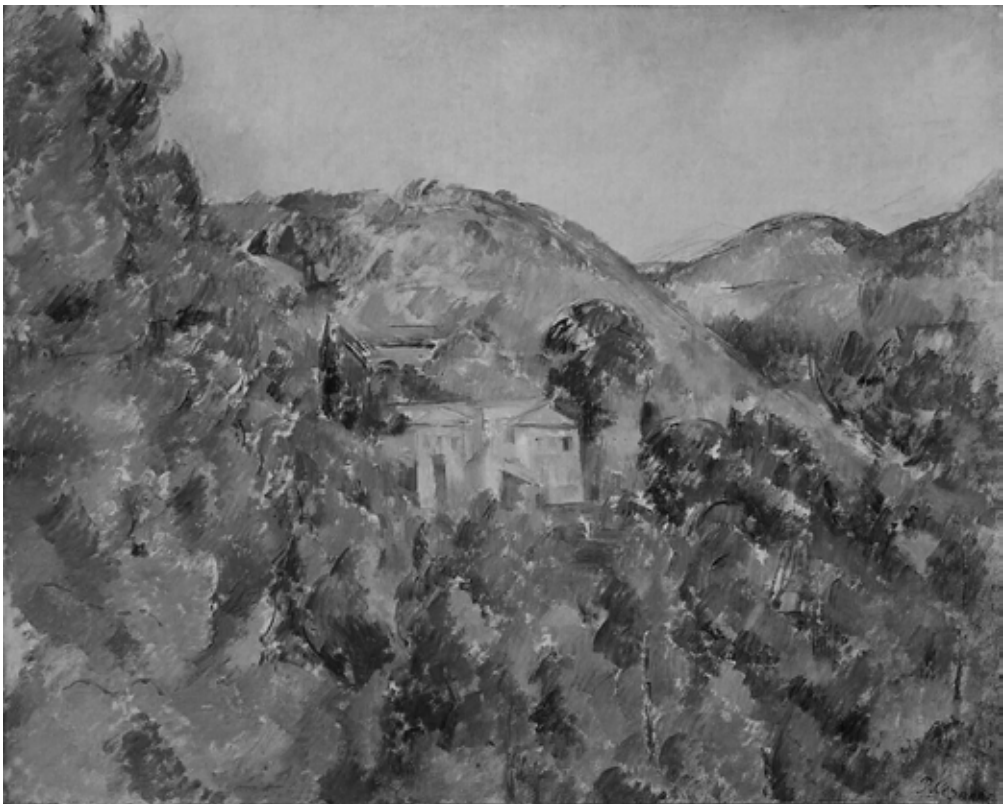


Рис. 4. Вид на поместье Сен-Жозеф, П. Сезанн (конец 1880-х гг.).
Источник: **[19]**.
Fig. 4. View of the Domaine Saint-Joseph, P. Cézanne (late 1880s).
Source: **[19]**.

на том, что каждый из последующих шагов был революционным изменением предыдущего стиля, в конечном счете вытесняющим его. Это нашло отражение в плане выставочного пространства *(рис. 3)*. Примерно из 1275 работ, вошедших в экспозицию, около трети были европейскими. Хотя скульптурная секция была слабой, а экспрессионисты были плохо представлены, выставка смогла продемонстрировать работы импрессионистов, постимпрессионистов, фовистов, кубистов, а также американских реалистов, которые в США оставались ещё достаточно популярными **[11]**.

Таким образом, несмотря на некоторые промахи организаторов выставки её успех был ошеломляющим. Как подчёркивает М.В. Браун, невозможно подсчитать точное количество посетителей, но это число приближается к 87 тыс. человек **[3, с. 118]**. Ряд прогрессивных художников, таких как Дж. О' Киф, Дж. Марин и Э. Хоппер, впервые продавший свою картину на Арсенальной выставке, стали поддерживаться новыми галереями современного искусства, открывающимися в Нью-Йорке, а также американскими коллекционерами, которые начали покупать произведения американского авангарда. Но частные коллекционеры были не единственными, у кого возникло желание внести в свои коллекции недавний художественный опыт. На выставке Метрополитен-музей купил картину Поля Сезанна "Холм бедняков" (вид на поместье Сен-Жозеф), первое значительное приобретение в его современной коллекции *(рис. 4)*.

Выставка способствовала превращению Нью-Йорка в художественный центр благодаря тому, что многие влиятельные художники, такие как М. Дюшан, М. Ротко, П. Мондриан, М. Шагал покинули Европу и поселились в США. Репутация Арсенальной выставки неуклонно росла и стала легендар-

ной. В 1963 г. Институт искусств Мансона – Уильямса – Проктора в Ютике организовал "Выставку 50-летия Арсенальной выставки 1913 г.", в которую вошло более 300 оригинальных работ. В 2013 г. многие учреждения отметили её столетие выставками и публикациями.

Литература

1. Шестаков В.П. История американского искусства: в поисках национальной идентичности. М: РИП-холдинг, 2013. URL: https://studme.org/416195/kulturologiya/armori_rozhdenie_modernizma#annot_1 (дата обращения: 20.06.2024).
2. Berman A. As National as the National Biscuit Company; The Academy, the Critics, and the Armory Show // Rave Reviews American Art and Its Critics, 1826–1925. N.Y.: National Academy of Design, 2000. P. 131–144
3. Brown M.W. The Story of the Armory Show. 2nd edit. N.Y.: Abbeville Press, 1988. 355 p.
4. Cox K. For and Against: Views on the Infamous 1913 Armory Show. Tucson: Hol Art Books, 2009. 65 p.
5. Cox, K. The Modern Spirit in Art: Some Reflections Inspired by the Recent International Exhibition // Harper's Weekly. 1913. Vol. 57. Iss. 2934. P. 10.
6. Cubist Art Will be Investigated, 1913. // Chronicling America: Historic American Newspapers. Lib. of Congress. URL: https://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn86061215/1913-04-03/ed-1/seq-1/ (дата обращения: 25.06.2024).
7. Der Wirtsgarten // Städtische Galerie im Lenbachhaus. URL: https://www.lenbachhaus.de/digital/sammlung-online/detail/der-wirtsgarten-30017105 (дата обращения: 28.06.2024).
8. Geldzahler H. American painting in the twentieth century. N.Y.: Metropolitan Museum of Art, 1965. 236 p.
9. Hughes R. American visions: the epic history of art in America. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1997. 635 p.
10. Hunter, S. American art of the 20th century: painting, sculpture, architecture. N.J.: Prentice Hall, 1973. 560 p.
11. International exhibition of modern art. N.Y.: Association of American Painters and Sculptors, 1913. 148 p.
12. Mancini J. M. "One Term is as Fatuous as Another": Responses to the Armory Show Reconsidere // American Quarterly. 1999. Vol. 51. No. 4. P. 833–870.
13. Mechlen,L. Lawless Art // Art and Progress. 1913. Vol. 4. No. 6. P. 940–941.
14. Mendelowitz D.M. A history of American. 2nd edit. NY: Holt, Rinehart and Winston, 1970. 522 p.
15. Nude Descending a Staircase, No. 2. // Philadelphia Museum of Art. URL: https://philamuseum.org/collection/object/51449 (дата обращения: 23.06.2024).
16. Oaklander C.I. Clara Davidge's Madison Art Gallery: Sowing the Seed for The Armory Show / C.I. Oaklander // Archives of American Art Journal. 1996. Vol. 36. No. 3/4. P. 20–37.
17. Roosevelt T. A Layman's View of an Art Exhibition / T. Roosevelt // The Outlook. 1913. URL: http://employees.oneonta.edu/farberas/arth/armory_show/critical_responses/roosevelt.htm (дата обращения: 22.06.2024).
18. Singal D.J. Towards a definition of American modernism / D.J. Singal // American Quarterly. 1987. Vol. 39. No. 1. P. 7–26.
19. View of the Domaine Saint-Joseph // The Metropolitan Museum of Art. URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/435885 (дата обращения: 26.06.2024).

References

1. Shestakov V.P. The history of American art: in search of national identity. RIP-holding, 2013. URL: https://studme.org/416195/kulturologiya/armori_rozhdenie_modernizma#annot_1 (accessed 06.20.2024) (In Russ.).
2. Berman A. As National as the National Biscuit Company; The Academy, the Critics, and the Armory Show // Rave Reviews American Art and Its Critics, 1826–1925. N.Y.: National Academy of Design, 2000. P. 131–144
3. Brown M.W. The Story of the Armory Show. 2nd edit. N.Y.: Abbeville Press, 1988. 355 p.
4. Cox K. For and Against: Views on the Infamous 1913 Armory Show. Tucson: Hol Art Books, 2009. 65 p.
5. Cox K. The Modern Spirit in Art: Some Reflections Inspired by the Recent International Exhibition // Harper's Weekly. 1913. Vol. 57. Iss. 2934. P. 10.
6. Cubist Art Will be Investigated, 1913 // Chronicling America: Historic American Newspapers. Lib. of Congress. URL: https://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn86061215/1913-04-03/ed-1/seq-1/ (accessed 25.06.2024).

7. Der Wirtsgarten // Städtische Galerie im Lenbachhaus. URL: https://www.lenbachhaus.de/digital/sammlung-online/detail/der-wirtsgarten-30017105 (accessed 28.06.2024).
8. Geldzahler, H. American painting in the twentieth century. N.Y.: Metropolitan Museum of Art, 1965. 236 p.
9. Hughes, R. American visions: the epic history of art in America. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1997. 635 p.
10. Hunter, S. American art of the 20th century: painting, sculpture, architecture. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1973. 560 p.
11. International exhibition of modern art. N.Y.: Association of American Painters and Sculptors, 1913. 148 p.
12. Mancini J. M. "One Term is as Fatuous as Another": Responses to the Armory Show Reconsidere // American Quarterly. 1999. Vol. 51, No. 4. P. 833–870.
13. Mechlen L. Lawless Art // Art and Progress. 1913. Vol. 4. No. 6. P. 940–941.
14. Mendelowitz D.M. A history of American art. 2nd edit. NY: Holt, Rinehart and Winston, 1970. 522 p.
15. Nude Descending a Staircase, No. 2 // Philadelphia Museum of Art. URL: https://philamuseum.org/collection/object/51449 (accessed 23.06.2024).
16. Oaklander C.I. Clara Davidge's Madison Art Gallery: Sowing the Seed for The Armory Show // Archives of American Art Journal. 1996. Vol. 36. No. 3/4. P. 20–37.
17. Roosevelt T. A Layman's View of an Art Exhibition / T. Roosevelt // The Outlook. 1913. URL: http://employees.oneonta.edu/farberas/arth/armory_show/critical_responses/roosevelt.htm (accessed 22.06.2024).
18. Singal D.J. Towards a definition of American modernism // American Quarterly. 1987. Vol. 39. No. 1. P. 7–26.
19. View of the Domaine Saint-Joseph // The Metropolitan Museum of Art. URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/435885 (accessed 26.06.2024).

◆

Информация об авторах

Вероника Руслановна Збитнюк, студент Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: zbitnyuk.vr@dvfu.ru

Евгений Викторович Журбей, канд. ист. наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: zhurbey.ev@dvfu.ru

Information about the authors

Veronika R. Zbitnyuk, Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: zbitnyuk.vr@dvfu.ru

Evgeny V. Zhurbey, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: zhurbey.ev@dvfu.ru

Поступила в редакцию 05.07.2023 Одобрена после рецензирования 17.08.2024 Принята к публикации 28.08.2024

Received 05.07.2023 Approved 17.08.2024 Accepted 28.08.2024

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 84–91.
Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 84–91.

Научная статья
УДК 341.22
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/84-91

Арктические амбиции стран Северо-Восточной Азии и перспективы сотрудничества с Россией

Анастасия Олеговна Баранникова
Морской государственный университет им. адм. Г.И. Невельского,
Владивосток, Россия, electronicccm@yandex.ru
Сергей Маратович Смирнов
Морской государственный университет им. адм. Г.И. Невельского, Владивосток, Россия, ssmirnov@msun.ru

Аннотация. Арктика остается центром притяжения внимания со стороны многих стран, в том числе географически удаленных от данного региона. Китай, Республика Корея и Япония, ведущие мировые экономики с выраженной экспортной ориентацией, в 2013 г. получили статус наблюдателей в Арктическом Совете и активизировали свою политическую и экономическую деятельность в Арктике, в том числе путем развития сотрудничества с Россией. Однако нынешний международно-политический раскол мира на почве обострения кризиса вокруг Украины не мог не отразиться на сотрудничестве стран "Восточноазиатского треугольника" с Россией. В статье рассматриваются возможные проблемы и перспективы их взаимодействия с Россией в Арктическом регионе.
Ключевые слова: *Арктический Совет, Китай, Республика Корея, Япония, арктическое сотрудничество, Северный морской путь*
Для цитирования: Баранникова А. О., Смирнов С. М. Арктические амбиции стран Северо-Восточной Азии и перспективы сотрудничества с Россией // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 84–91. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/84-91

Original article
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/84-91

Arctic ambitions of the Northeast Asian countries and prospects for cooperation with Russia

Anastasia O. Barannikova
Admiral Nevelskoy Maritime State University, Vladivostok, Russia, electronicccm@yandex.ru
Sergei M. Smirnov
Admiral Nevelskoy Maritime State University, Vladivostok, Russia, Ssmirnov@msun.ru

Abstract. Over the past three decades, the Arctic has been the focus of attention for many countries, including those geographically remote from this region. China, the Republic of Korea and Japan, the world's leading economic powers with a pronounced export orientation, obtained the status of observers at the Arctic Council in 2013 to more actively promote their political and economic interests and intensified their political and economic activities in the region, in particular by developing cooperative projects with Russia, the largest Arctic state. However, the current political division in the world which has intensified due to the aggravation of the Ukrainian crisis, could not but have a negative impact on the cooperation of the "East Asian Triangle" nations with Russia. This article analyses possible problems and prospects for these countries' interaction with Russia in the Arctic region.
Key words: *Arctic Council, China, Republic of Korea, Japan, Arctic cooperation, Northern Sea Route*
For citation: Barannikova N. S., Smirnov N. S. Arctic ambitions of the Northeast Asian countries and prospects for cooperation with Russia // Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 84–91. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/84-91

Введение

На протяжении многих лет арктическая повестка была обособлена от политических процессов, происходящих в других регионах мира, что позволяло экспертам говорить о феномене "арктической исключительности" **[14]**. Вокруг Арктики сформировался комплекс механизмов и институтов, позволяющий, с одной стороны, закрепить особую роль и права "арктических" держав, с другой стороны, открывающий остальным государствам доступ к активному участию в проектах к северу от Полярного круга. Большой практический интерес к Арктике проявили три ведущие экономики мира – Китай, Япония и Республика Корея, которые в 2013 г. получили статус постоянных наблюдателей при Арктическом совете (АС) и начали активно продвигать свои интересы в регионе, в том числе и путем развития сотрудничества с Россией **[22]**.

Однако начиная с 2022 г., на фоне усиления кризисных явлений в сложившейся парадигме международных отношений, в том числе в связи с обострением украинского конфликта, эпоха "арктической исключительности",

© Баранникова А. О., Смирнов С. М., 2024

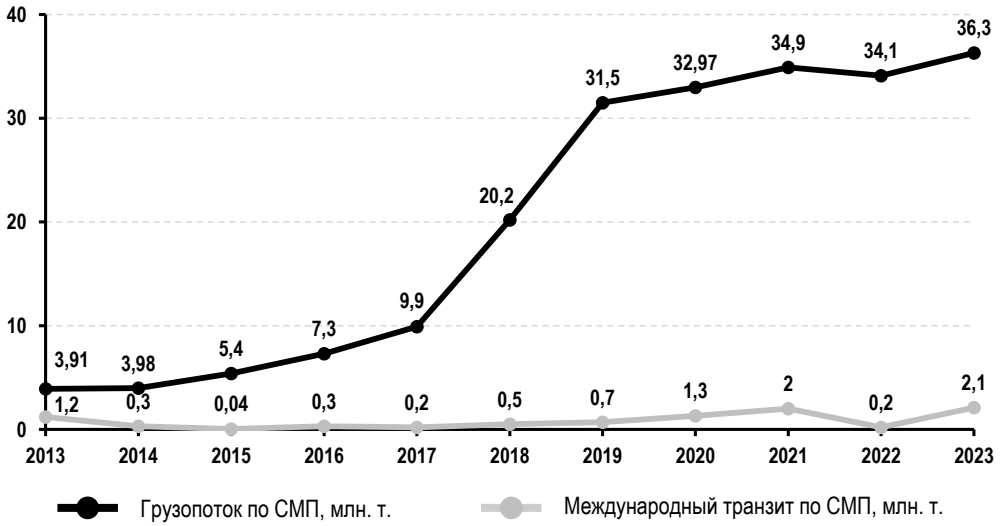


Рис. 1. Объем грузопотока по Северному морскому пути.
Источник: составлено авторами на основе **[2; 4; 10]**.
Fig. 1. Volume of cargo traffic along the Northern Sea Route.
Source: compiled by authors based on: **[2; 4; 10]**.

судя по всему, завершается. Россия, крупнейшая арктическая держава, фактически утратила возможность полноценно работать в структурах АС, председательство в котором с мая 2023 г. перешло к Норвегии, а последние два "нейтральных" участника, Финляндия и Швеция, в 2023 г. стали членами НАТО.

Раскол, или даже развал АС, неизбежный в случае дальнейшей изоляции России, отражается на арктических устремлениях трех вышеуказанных стран Северо-Восточной Азии (СВА). Они не могут игнорировать сложившийся к настоящему времени дуализм ситуации – научные, в т.ч. климатические исследования в полярных областях основываются на инфраструктуре в норвежском Шпицбергене и западных технологиях, в то время как наиболее привлекательные экономические, энергетические и транспортные проекты находятся в российском секторе Арктики. В связи с этим целью исследования в настоящей статье является выявление перспектив взаимодействия Китая, Южной Кореи и Японии с Россией в новой геополитической реальности.

Источниковой базой проведенного исследования являются опубликованные официальные документы по арктической стратегии трех стран СВА, научные публикации по данной тематике (применительно к СВА их на порядок меньше, чем по странам Евроатлантического региона), а также материалы научных конференций с участием авторов. Особое внимание (уделено оценке соотношения декларативных элементов и реальных устремлений в рассматриваемых документах и публикациях, с учетом чувствительности Арктической проблематики в целом и её высокого конфликтного потенциала.

Китай. Сотрудничество России и Китая в Арктике начало интенсивно развиваться на фоне ухудшения отношений России со странами Запада на почве украинского кризиса 2014 г. **[12]**. Китай является крупнейшим в мире грузоотправителем и грузополучателем товаров, перевозимых морским транспортом, и рынком сбыта углеводородов, а Россия – крупнейшей арктической и ледокольной державой, контролирующей Северный морской путь (СМП) и арктические ресурсы **[17]**. В данный момент интерес Китая к совместному освоению СМП определяется и тем, что арктические маршруты являются важной составляющей концепции "Полярного шёлкового пути" **[9]**.

В отличие от других неарктических стран, действующих через многосторонние механизмы и связанных обязательствами в рамках альянсов с США, Китай предпочитает формат двусторонних отношений, что дает ему определенную свободу действий. Намерения Китая налаживать более тесные эконо-

мические связи с Россией, расширять совместные энергетические проекты в Арктике и увеличивать китайские инвестиции в российскую инфраструктуру **[6]** остались неизменными и после 2022 г. **[5]**.

Однако несмотря на относительную независимость Китая в политических вопросах, степень вовлеченности в мировую экономику (и зависимости от торговых отношений) заставляет его соблюдать определенную осторожность в связи с антироссийскими санкциями Запада. Другая проблема – разновекторность, сформировавшаяся в российско-китайском сотрудничестве. В то время, как для России Китай – главный партнер по освоению Арктики, для Китая Россия – не единственная и, возможно, не самая перспективная страна с точки зрения сотрудничества в регионе. Несмотря на напряженные отношения с США, Китай осуществляет тесное сотрудничество со штатом Аляска **[3]**, а также с европейскими странами, что дает ему большую свободу выбора и возможность диктовать условия сотрудничества. Для России это может обернуться проблемами – от роста конкуренции со стороны китайских перевозчиков на СМП до появления угроз национальной безопасности и суверенитету. Хотя Россия совершенствует законодательство, касающееся СМП **[8]**, есть риск того, что Китай будет добиваться для себя режима наибольшего благоприятствования на правах стратегического партнера. Кроме того, есть и более отдаленная перспектива: в случае ухудшения отношений Китая и Запада и снижения уровня торговли (а СМП нужен Китаю как раз для поставок в Европу) будет снижаться и ценность СМП для Китая, который может манипулировать данным фактом, заставляя Россию идти на серьезные уступки.

Другая проблема заключается в том, что Китай стремится к интернационализации Арктики. Если ранее мнения о том, что Китай имеет равные права на Арктику с арктическими державами, звучали главным образом, в среде экспертов и военных, то теперь Китай открыто продвигает идею интернационализации в официальных документах, например, в "Арктической политике КНР" **[13]**.

Тем не менее, в обозримой перспективе Китай будет заинтересован в реализации своей стратегии "Полярного Шелкового пути", а значит, и в сотрудничестве с Россией. Подтверждением этому служит открытие в июне 2024 г. летней судоходной линии между портами КНР и Архангельском через СМП. На линии будут работать четыре китайских контейнеровоза, тарифы и условия перевозки грузов согласованы обеими сторонами.

Япония. Вплоть до 2022 г. между Россией и Японией осуществлялось взаимовыгодное сотрудничество в Арктике, на которое не оказал особого влияния даже старт украинского кризиса (2014 г.). Для Японии интерес был обусловлен возможностью укрепления позиций в регионе и реализации совместных проектов, касающихся модернизации инфраструктуры в российской Арктики и разработки новых месторождений.

Интерес Японии к совместному с Россией освоению Арктики диктуется потребностью в энергоресурсах, которая особенно возросла после аварии на АЭС "Фукусима-1" в 2011 г., и стремлением к диверсификации источников энергоносителей, которые ввозились из стран Ближнего Востока. Помимо энергоресурсов, Япония проявляла интерес к запасам редкоземельных металлов **[11]** и транзитному потенциалу СМП, который открывал новые возможности для японского экспорта в европейском направлении. В числе перспективных направлений российско-японского сотрудничества рассматривалось открытие регулярной контейнерной линии на СМП **[7]**.

Другим перспективным направлением было научное сотрудничество в Арктике. На регулярной основе проходили совместные научные конференции по различным вопросам арктических исследований с участием ведущих российских и японских ученых, органов государственного управления и бизнеса Японии.

После обострения украинского кризиса в 2022 г. политические отношения между странами резко ухудшились, многие перспективные направления сотрудничества были поставлены на паузу. При этом Япония не стала рисковать своей энергетической безопасностью и в 2022 г. даже увеличила закупки российского СПГ и периодически закупает небольшие объемы нефти и нефтепродуктов. Японская судоходная компания "Mitsui O.S.K. Lines" построила и эксплуатирует крупнейший в мире флот танкеров-газовозов с высоким ар-

Фото 1. Президент Ocean Policy Research Foundation М. Акияма и ректор МГУ им. адм. Г.И. Невельского С. Огай на конференции "Complex Exploration of the Ocean and Continental Shelf as a Key Factor of APEC Sustainable Development" на борту парусного учебного судна "Надежда" в порту Иокогама, 14.12.2011.

Источник: фото автора.

Photo 1. President of the Ocean Policy Research Foundation M. Akiyama and Rector of the Moscow State University named after Adm. G.I. Nevelskoy S. Ogai at the conference "Complex Exploration of the Ocean and Continental Shelf as a Key Factor of APEC Sustainable Development" on board the sailing training vessel "Nadezhda" in the port of Yokohama, 14.12.2011.

Source: photo by the author.

ктическим классом, при этом практически весь командный состав этих судов состоит из граждан России.

Помимо нынешнего кризиса, препятствием двустороннему сотрудничеству по модернизации СМП остается неразрешенность территориального спора вокруг южных Курильских островов, вдоль которых проходит маршрут из Японии в Европу по СМП. Проблемой остается и разное видение будущей модели управления Арктикой. Япония, как и другие неарктические страны, настаивает на применении принципа свободы судоходства и интернационализации СМП **[16]**.

В последнее время к имеющимся противоречиям добавилось и сближение России с Китаем **[19; 20]**. Фактор сближения Китая, геополитического противника Японии, с Россией рассматривается в качестве угрозы национальным интересам Японии и напрямую влияет на российско-японское сотрудничество в Арктике, в том числе из-за наличия у Китая собственных амбициозных планов по Крайнему Северу.

Тем не менее, в обозримой перспективе будет сохраняться зависимость Японии от российских углеводородов. Кроме того, фактор российско-китайского сотрудничества, который сегодня воспринимается в качестве угрозы, может оказать и противоположный эффект – подстегнуть Японию к сотрудничеству с Россией для предотвращения доминирования Китая в Арктике.

Южная Корея, одна из ведущих судоходных держав мира, заинтересована в использовании СМП как оптимального и безопасного транспортного маршрута между Европой и СВА.

В отличие от Китая и Японии, Республика Корея с самого начала демонстрировала готовность соблюдать российское законодательство и правила

мореплавания по трассам СМП. В январе 2014 г. министры транспорта двух стран подписали в Москве совместный меморандум о сотрудничестве в области модернизации портовой инфраструктуры на ДВ и в Арктическом регионе России. В 2015 г. был открыт совместный исследовательский центр по морской и портовой деятельности с участием Корейского морского института и МГУ им. адм. Г.И. Невельского. В рамках деятельности центра в 2016–2021 гг. было выполнено несколько совместных исследовательских проектов по транспортному освоению Арктического региона.

Предыдущая администрация президента Мун Чже Ина в своих стратегических документах "Новая северная политика" **[23]**, "Девять мостов" выражала заинтересованность в совместном с Россией коммерческом использовании СМП, однако после февраля 2022 г. ситуация стала неопределенной. Южная Корея поставила на паузу проекты строительства газовозов ледового класса для России, которые должны были обслуживать проект "Арктик СПГ–2".

В то же время обязательная сменяемость власти в Южной Корее предполагает возможность резкого разворота во внешней политике и экономическом сотрудничестве в 2027 г. или даже ранее. Чем дольше будет продолжаться текущий "украинский" кризис, тем больше вероятности, что впоследствии Южной Корее придется конкурировать в российской Арктике с другими странами АТР.

Крупный бизнес Южной Кореи, особенно занимающийся судостроением, автомобилестроением, производством бытовой техники и электроники в России, а также обслуживающие его интересы научные учреждения наиболее сильно пострадали от навязанных коллективным Западом антироссийских санкций. Они понимают, что замораживание нынешней ситуации в связи с конфликтом в другой части света из трех стран СВА больше всего ударяет именно по Южной Корее: Китай постепенно заполняет освобождающиеся рыночные ниши на обширном российском рынке как в области арктического судостроения и океанотехники, так и в организации линейного транзитного судоходства по СМП, а Япония намного меньше вкладывалась в совместные проекты на территории РФ (за исключением энергетических).

Следует также кратко упомянуть об арктических амбициях **Сингапура и Индии,** имеющих статус наблюдателей в АС. Простая география показывает, что транзит по трассам СМП, а также импорт углеводородов с арктических месторождений для этих стран может представлять интерес исключительно в теоретическом плане. Однако сингапурские компании, имеющие хорошие позиции на рынке строительства судов портофлота и производства портово-перегрузочного оборудования, вполне могли рассчитывать на получение контрактов на модернизацию российских арктических портов. Индия повернулась в сторону Арктики, скорее, по политическим причинам – чтобы своевременно реагировать на действия своего основного геополитического противника, Китая. При этом руководство страны постоянно подчеркивает, что приоритетом Индии в Арктике являются научные исследования и сохранение окружающей среды. Официальная позиция Нью-Дели изложена в стратегическом документе "Арктическая политика Индии", опубликованном Министерством наук о Земле в марте 2022 г. **[18]**.

Заключение

Перспективы сотрудничества стран СВА с Россией, если абстрагироваться от внерегиональных геополитических вызовов, будут определяться двумя факторами. Во-первых, эти страны в той или иной мере заинтересованы в ослаблении контроля над арктическими акваториями со стороны арктических держав и могут инициировать или поддержать требования по изменению международно-правового режима плавания в арктических водах **[1]**. Во-вторых, экономический прагматизм вышеупомянутых стран может возобладать над абстрактными "общечеловеческими ценностями", декларируемыми Западом в антироссийской повестке.

Учитывая откровенно дискриминационную политику в отношении России, проводимую США и их, в первую очередь, евроатлантическими союзниками, рекомендуется изучить вопрос о создании под эгидой РФ альтернативного АС экономико-политического механизма для создания режима наибольшего

благоприятствования дружественным странам, которые заинтересованы в научном и экономическом освоении Арктики. Такой механизм может стать привлекательной альтернативой в том числе для стран СВА.

Литература

1. Гудев П.А. Северный морской путь: перспективы легитимизации национального статуса в рамках международного права (часть 2) // Арктика и Север. 2020. № 41. URL: http://www.arcticandnorth.ru/upload/iblock/c05/130_147.pdf (дата обращения: 26.07.2023).

2. Ерохин В. Л. Северный морской путь: каботаж и международный транзит в 2013–2020 гг. // Маркетинг и логистика. 21.06.2021. URL: https://marklog.ru/severnyj-morskoj-put-kabotazh-i-mezhdunarodnyj-tranzit-v-2013-2020-gg/ (дата обращения: 25.06.2024).

3. Китай в Арктике. Политика, стратегии и возможности для Аляски // Росконгресс. 24.09.2020. URL:https:// roscongress.org/materials/kitay-v-arktike-politika-strategii-i-vozmozhnosti-dlya-alyaski/ (дата обращения: 26.07.2023).

4. Объем перевозок грузов в акватории Северного морского пути // ЕМИСС. Государственная статистика. URL: https://fedstat.ru/indicator/51479 (дата обращения: 25.06.2024).

5. Российско-китайские переговоры 21 марта 2023 года, Москва, Кремль // Официальный сайт Президента России. URL: http://special.kremlin.ru/catalog/keywords/82/events/70748 (дата обращения: 14.07.2023).

6. Россия и Китай углубят сотрудничество в Арктике // Большая Азия. 18.05.2022. URL: https://bigasia.ru/rossiya-i-kitaj-uglubyat-sotrudnichestvo-v-arktike/ (дата обращения: 26.07.2023).

7. Россия и Япония обсуждают новую концепцию торгово-экономического сотрудничества на Дальнем Востоке и в Арктике // Инвестиционный портал Арктической зоны России. 20.01.2021. URL: https://arctic-russia.ru/news/rossiya-i-yaponiya-obsuzhdayut-novuyu-kontseptsiyu-torgovo-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-na-dalnem/ (дата обращения: 08.08.2023).

8. Совет Федерации одобрил закон о проходе иностранных судов по Севморпути // Порт-Ньюс. 30.11.2022. URL: https://portnews.ru/news/339406/ (дата обращения: 14.07.2023).

9. Сунь Сювэнь. Противоречия в понимании арктических вопросов Россией и Китаем – действительно ли они существуют? // Российский совет по международным делам. 27.05.2018. URL: https:// russiancoun-cil.ru/blogs/sunxiuwen/34193/ (дата обращения: 14.07.2023).

10. Транзит по Севморпути в 2023 году достиг рекорда в 2,1 млн тонн. // Интерфакс. 14.11.2023. URL: https://www.interfax.ru/business/930429 (дата обращения: 25.06.2024).

11. Япония намерена сотрудничать с Мурманской областью в части освоения Севморпути // ПортНьюс. 25.08.2014. URL: https://portnews.ru/news/185892/ (дата обращения: 26.04.2023).

12. Barannikova A.O., Dou Bo. The development of Chinese-Russian relations and strengthening China's position in the Arctic // Asia-Pacific Journal of Marine Science & Education. 2015. Vol. 5. № 2. P. 9–19.

13. China's Arctic Policy // The State Council of the People's Republic of China. 26.01.2018. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (дата обращения: 14.07.2023).

14. Gjørv Gunhild Hoogensen, Kara K. Hodgson. 'Arctic Exceptionalism' or 'comprehensive security'? Understanding security in the Arctic // Arctic Yearbook. 2019. URL: https://arcticyearbook.com/images/yearbook/2019/Scholarly-Papers/11_AY2019_Hoogensen_Hodgson.pdf (дата обращения: 08.08.2023).

15. History of KOPRI // Korea Polar Research Institute. URL: https://www.kopri.re.kr/eng/html/intro/0103.html (дата обращения: 12.07.2023).

16. Ikeshima Taisaku. Should Japan's Arctic Policy be Based on the Assumption That the Arctic Ocean is a Global Commons? // Waseda Global Forum. 2015. № 12. URL: https://core.ac.uk/download/pdf/286942943.pdf (дата обращения: 08.08.2023).

17. International Conference on Complex Exploration of the Ocean and Continental Shelf as a Key Factor of APEC Sustainable Development. 14.12.2011. URL: https://blog.canpan.info/oprf/img/1046/program_dec.14.pdf (дата обращения: 08.08.2023).

18. Ministry of Earth Sciences (MoES), India. India's Arctic Policy: Building a partnership for sustainable development, March 17, 2022. URL: https://www.moes.gov.in/sites/default/files/2022-03/compressed-SINGLE-PAGE-ENGLISH.pdf (дата обращения: 18.07.2022).

19. National Defense Strategy // Japan Ministry of Defense. 16.12.2022. URL: https://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/strategy/pdf/strategy_en.pdf (дата обращения: 26.04.2023).

20. National Security Strategy of Japan // Japan Ministry of Defense. 16. 12. 2022. URL: https://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/pdf/security_strategy_en. pdf (дата обращения: 26.04.2023).

21. Samoylenko P.Yu. The prospects of Russian – Chinese maritime cooperation in Northeast Asia // Asia-Pacific Journal of Marine Science & Education. 2019. Vol. 9. № 1. P. 64–72.

22. Smirnov S.M., Kostyuk A.V. The legal issues of Arctic exploration // Asia-Pacific Journ. of Marine Science & Education. 2012. Vol. 2. № 2. P. 97–104.

23. Vision. Strategy // The Presidential Committee on Northern Economic Co-operation. 2017. URL: https://www.bukbang.go.kr/bukbang_en/vision_policy/strategy/ (дата обращения: 01.07.2021).

References

1. Gudev P.A. Northern Sea Route: Prospects for the Legitimization of National Status within the Framework of International Law (Part 2) // Arctic and North. 2020. No. 41. URL: http://www.arcticandnorth.ru/upload/iblock/c05/130_147.pdf (accessed 26.07.2023). (In Russ.).

2. Erokhin V.L. Northern Sea Route: Cabotage and International Transit in 2013–2020. // Marketing and Logistics. 21.06.2021. URL: https://marklog.ru/severnyj-morskoj-put-kabotazh-i-mezhdunarodnyj-tranzit-v-2013-2020-gg/ (accessed 25.06.2024). (In Russ.).

3. China in the Arctic. Policies, Strategies, and Opportunities for Alaska // Roscongress. 24.09.2020. URL: https://roscongress.org/materials/kitay-v-arktike-politika-strategii-i-vozmozhnosti-dlya-alyaski/ (accessed 26.07.2023). (In Russ.).

4. Volume of Cargo Transportation in the Waters of the Northern Sea Route // EMISS. Government Statistics. URL: https://fedstat.ru/indicator/51479 (accessed 25.06.2024). (In Russ.).

5. Russia-China Negotiations on March 21, 2023, Moscow, Kremlin // Official Website of the President of Russia. URL: http://special.kremlin.ru/catalog/keywords/82/events/70748 (accessed 14.07.2023). (In Russ.).

6. Russia and China to Deepen Cooperation in the Arctic // Big Asia. 18.05.2022. URL: https://bigasia.ru/rossiya-i-kitaj-uglubyat-sotrudnichestvo-v-arktike/ (accessed 26.07.2023). (In Russ.).

7. Russia and Japan Discuss New Concept of Trade and Economic Cooperation in the Far East and the Arctic // Investment Portal of the Russian Arctic Zone. 20.01.2021. URL: https://arctic-russia.ru/news/rossiya-i-yaponiya-obsuzhdayut-novuyu-kontseptsiyu-torgovo-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-na-dalnem/ (accessed 08.08.2023). (In Russ.).

8. Federation Council Approved the Law on the Passage of Foreign Vessels through the Northern Sea Route // PortNews. 30.11.2022. URL: https://portnews.ru/news/339406/ (accessed 14.07.2023). (In Russ.).

9. Sun Xiuwen. Contradictions in Understanding Arctic Issues between Russia and China – Do They Really Exist? // Russian International Affairs Council. 27.05.2018. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/sunxiuwen/34193/ (accessed 14.07.2023) (In Russ.).

10. Transit through the Northern Sea Route in 2023 Reached a Record of 2.1 Million Tons // Interfax. 14.11.2023. URL: https://www.interfax.ru/business/930429 (accessed 25.06.2024). (In Russ.).

11. Japan Intends to Cooperate with Murmansk Region in Developing the Northern Sea Route // PortNews. 25.08.2014. URL: https://portnews.ru/news/185892/ (accessed 26.04.2023) (In Russ.).

12. Barannikova A.O., Dou Bo. The development of Chinese-Russian relations and strengthening China's position in the Arctic // Asia-Pacific Journal of Marine Science & Education. 2015. Vol. 5. № 2. P. 9–19.

13. China's Arctic Policy // The State Council of the People's Republic of China. 26.01.2018. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (accessed 14.07.2023).

14. Gjørv Gunhild Hoogensen, Hodgson Kara K.. 'Arctic Exceptionalism' or 'comprehensive security'? Understanding security in the Arctic // Arctic Yearbook. 2019. URL: https://arcticyearbook.com/images/yearbook/2019/Scholarly-Papers/11_AY2019_Hoogensen_Hodgson.pdf (accessed 8.08.2023).

15. History of KOPRI // Korea Polar Research Institute. URL: https://www.kopri.re.kr/eng/html/intro/0103.html (accessed 12.07.2023).

16. Ikeshima Taisaku. Should Japan's Arctic Policy be Based on the Assumption That the Arctic Ocean is a Global Commons? Waseda Global Forum. 2015. № 12. URL: https://core.ac.uk/download/pdf/286942943.pdf (accessed 8.08.2023)

17. International Conference on Complex Exploration of the Ocean and Continental Shelf as a Key Factor of APEC Sustainable Development. 14.12.2011. URL: https://blog.canpan.info/oprf/img/1046/program_dec.14.pdf (accessed 08.08.2023).

18. Ministry of Earth Sciences (MoES), India. India's Arctic Policy: Building a partnership for sustainable development, March 17, 2022. URL: https://www.moes.gov.in/sites/default/files/2022-03/compressed-SINGLE-PAGE-ENGLISH.pdf (accessed 18.07.2022).

19. National Defense Strategy. Japan Ministry of Defense. 16.12.2022. URL: https://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/strategy/pdf/strategy_en.pdf (accessed 26.04.2023).

20. National Security Strategy of Japan. Japan Ministry of Defense. 16.12.2022. URL: https://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/pdf/security_strategy_en.pdf (accessed 26.04.2023).

21. Samoylenko P.Yu. The prospects of Russian – Chinese maritime cooperation in Northeast Asia //Asia-Pacific Journal of Marine Science & Education. 2019. Vol.9. № 1. P. 64–72.

22. Smirnov S.M., Kostyuk A.V. The legal issues of Arctic exploration // Asia-Pacific Journ. of Marine Science & Education. 2012. Vol. 2. № 2. P. 97–104.

23. Vision. Strategy // The Presidential Committee on Northern Economic Co-operation. 2017. URL: https://www.bukbang.go.kr/bukbang_en/vision_policy/strategy/ (accessed 01.07.2021).

Информация об авторах

Анастасия Олеговна Баранникова, канд. ист. наук, научный сотрудник Научной лаборатории пространственной логистики МГУ им. адм. Г.И. Невельского, Владивосток, Россия, e-mail: electronicccm@yandex.ru

Сергей Маратович Смирнов, канд. тех. наук., старший научный сотрудник Научной лаборатории пространственной логистики МГУ им. адм. Г.И. Невельского, Владивосток, Россия, e-mail: ssmirnov@msun.ru

Information about the authors

Anastasia O. Barannikova, Candidate of Historical Sciences, Researcher, Research Laboratory of Spatial Logistics, Admiral Nevelskoy Maritime State University, Vladivostok, Russia, e-mail: electronicccm@yandex.ru

Sergei M. Smirnov, Candidate of Technical Sciences, Senior Researcher, Research Laboratory of Spatial Logistics, Admiral Nevelskoy Maritime State University, Vladivostok, Russia, e-mail: ssmirnov@msun.ru

Поступила в редакцию 15.05.2024 Одобрена после рецензирования 11.08.2024 Принята к публикации 28.08.2024

Received 15.05.2024 Approved 11.08.2024 Accepted 28.08.2024

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 92–99.
Oikumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 92–99.

Научная статья
УДК 314.72
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/92-99

РФ – КНР – КНДР: перспективы развития трёхсторонних отношений и их оценки российскими, китайскими и западными СМИ

Иван Сергеевич Виноградов
Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики",
Санкт-Петербург, Россия, isvinogradov@edu.hse.ru

Аннотация. Основываясь на сравнительном анализе усилившегося в 2023 г., как в отечественных, так и зарубежных СМИ, дискурса о сближении РФ, КНР и КНДР, в исследовании предпринята попытка определить перспективы трёхсторонних отношений данных государств. Автор анализирует публикации российских, китайских и западных медиа по данной проблематике, и с учетом этого предлагает возможные сценарии их дальнейшего развития.
Ключевые слова: *российско-китайские отношения, российско-северокорейские отношения, СМИ, сравнительный анализ*
Для цитирования: Виноградов И. С. РФ – КНР – КНДР: перспективы развития трёхсторонних отношений и их оценки российскими, китайскими и западными СМИ // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 92–99. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/92-99

Original article
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/92-99

Russia – China – DPRK: prospects for the development of trilateral relations and their assessments in Russian, Chinese and Western media

Ivan S. Vinogradov
National Research University Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russia, isvinogradov@edu.hse.ru

Abstract. Based on a comparative analysis of the discourse about the rapprochement between the Russia, China and the DPRK that has intensified in 2023 in both domestic and foreign media, the study attempts to determine the prospects for trilateral relations between these states. The author analyzes publications of Russian, Chinese and Western media on this issue, and based on that offers scenarios for their further development.
Key words: *Russian-Chinese relations, Russian-North Korean relations, mass media, comparative analysis*
For citation: Vinogradov I. S. Russia – China – DPRK: prospects for the development of trilateral relations and their assessments in Russian, Chinese and Western media // Oikumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 92–99. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/92-99

Введение

Дискуссия о "повороте России на Восток" сохраняет актуальность в свете усилившейся переориентации российской экономики на страны Азии в 2022–2023 гг. **[10, с. 48]**. Одним из связанных с этим процессом вопросов является прояснение меняющейся конфигурация баланса сил в Восточной Азии и, в частности, места России в нём. В первую очередь, это касается перспективы возможного формирования военно-политического союза между Китаем и Россией **[3, с. 170]**. В данной статье рассматривается оценка в российских, китайских и западных СМИ перспектив сближения России, Китая и КНДР.

Осенью 2023 г. в российских и западных СМИ заметно активизировалась дискуссия по поводу возможного сближения РФ, КНР и КНДР **[1; 8; 11; 13; 14; 24]**, и одной из причин этого стали участившиеся взаимные визиты высокопоставленных руководителей и чиновников. Каждое из трёх государств преследует в регионе свои цели, достижению которых могло бы поспособствовать подобное развитие событий. При этом тема сближения РФ и КНР уже достаточно давно занимает существенное место в материалах западных СМИ и экспертов, затрагивающих вопросы традиционной безопасности **[16; 17]**.

Целью статьи является изучение и разработка сценариев развития трёхсторонних отношений РФ, КНР и КНДР, в первую очередь, с учетом оценок в публикациях СМИ РФ, КНР и стран Запада касательно этого процесса. Для анализа отбирались доступные в поисковых системах публикации российских, западных и китайских СМИ от 2022 г. и позднее, в которых рассматривается вопрос о характере отношений между РФ и КНР, РФ и КНДР или всех трёх государств. В результате было отобрано и проведен анализ 22 публикаций, среди которых: 8 – российских, 5 – китайских и 9 – западных.

© Виноградов И. С., 2024

По нашему мнению, подбор и анализ такого значительного числа источников позволит выявить широкий спектр оценок по проблематике статьи, определить препятствия, перспективы и сценарные варианты развития трехсторонних отношений. Для достижения цели работы будут использованы такие методы, как дискурсивный и сравнительный анализ.

Нарративы СМИ о динамике отношений РФ, КНР и КНДР

Российские СМИ. В российских СМИ представлены различные материалы и оценки по данному вопросу. Большое внимание в них уделяется визитам высокопоставленных руководителей, как, например, визиту Министра обороны РФ Сергея Шойгу в КНДР в июле 2023 г. **[8]**, так и визиту руководителя КНДР Ким Чен Ына в РФ в сентябре 2023 г. **[1]**, что и активизировало дискурс по данной проблематике в российских СМИ. В некоторых из них отмечается, что обсуждение вероятного сближения РФ, КНР и КНДР впервые возникло в западных медиа **[13]**, другие же акцентируют внимание на угрозе, которую США представляют, в первую очередь, для КНР и РФ.

Отличаются позиции российских СМИ и в дискурсе о перспективах развития трёхсторонних отношений РФ, КНР и КНДР: ряд из них акцентируют внимание на том, что отношения РФ с КНР и КНДР активно и последовательно развиваются **[8; 11; 12; 14]**, при этом другие **[12; 15]** расценивают сближение между тремя странами как естественную реакцию на усиление США в Восточной Азии и продолжающийся конфликт на Украине. Наконец, некоторые СМИ полагают, что не совсем правильно говорить о значительном сближении РФ с КНР или КНДР **[1; 13]**, так как отношения между тремя странами уже находятся на должном уровне.

Весьма примечательны публикации, где российские СМИ обсуждают препятствия для развития трехсторонних отношений, в том числе в связи с особой ролью, которую играет в них КНДР. В этой связи в них высказываются следующие тезисы: "Сближение РФ с КНДР ударит по отношениям с КНР" **[6; 14]**, "КНДР стремится сохранить возможность вести независимую политику" **[1]**. Некоторые СМИ, в свою очередь, обвиняют страны Запада в формировании военного блока против РФ, КНР и КНДР **[13; 14]**, а в 2024 г., со ссылкой на западные СМИ, появилась публикация о том, что КНР опасается сближения РФ и КНДР **[7]**.

К концу 2023 г. тема укрепления трехсторонних отношений несколько утратила актуальность в российских СМИ. Но, тем не менее, в них продолжает демонстрироваться российская поддержка КНДР, преимущественно, по вопросу необходимости снятия санкций, наложенных на последнюю.

Западные СМИ. В настоящее время в СМИ стран Запада тема сближения РФ, КНР и КНДР продолжает сохранять актуальность. В более ранних публикациях по этой проблематике дальнейшее сближение трех стран представлялось весьма вероятным. Среди причин этого указывались следующие: конфликты на Украине и вокруг Тайваня, проблема безопасности Корейского полуострова и др. **[20; 23; 24]**. Некоторые СМИ связывали ухудшение обстановки на полуострове с начавшимся сближением Японии и Республики Корея, в том числе по проблеме противодействия КНДР, что может рассматриваться как потенциальная угроза Китаю, а также с негативным отношением РФ и КНР к концепции Индо-Тихоокеанского региона **[22]**.

Западные медиа полагают, что именно РФ проявила инициативу к трехстороннему сближению **[20; 24; 25]**, при этом некоторые эксперты заявляли об особой роли КНДР в формировании потенциального блока. В первую очередь, это связано с заявлениями о том, что КНДР якобы поставляет оружие РФ, вовлечённой в украинский конфликт **[15; 16; 25]**. Во-вторых, некоторые СМИ пишут о том, что КНР проявляет наименьший интерес к сближению с КНДР или РФ, так как рискует попасть под экономические санкции **[16]**. В то же время КНДР воспринимается как зависимое от КНР государство, сближение которого с РФ может нарушить сложившуюся систему отношений в регионе **[23]**.

Западные СМИ видят наибольшую угрозу со стороны КНР, обладающей в данном регионе наибольшим среди этих трёх государств военным потенциалом. Большинство авторов представляют сложившуюся ситуацию как разворачивающийся конфликт между США (или Индо-Тихоокеанским блоком)

и КНР, которая пытается извлечь выгоду из положения, в котором оказались вовлечённая в конфликт РФ и находящаяся в зависимости от Пекина КНДР **[19; 20; 22; 24]**.

Примечательно, что поздние публикации выражают более сдержанную оценку перспектив сближения РФ, КНР и КНДР. Авторы предполагают, что сближение трёх стран вероятно, но не является долгосрочным **[23]**. Как правило, в них подчёркивается более осторожная позиция КНР **[15; 16; 23; 24]**, которая ставит стабильность региона и собственную экономическую безопасность выше интересов партнеров. Косвенным подтверждением данной позиции может служить более нейтральная позиция КНР при обсуждении некоторых вопросов в ООН **[9]**. Возможно, смягчение риторики западных СМИ **[26]** связано с активизацией дипломатических контактов с КНР и снижением уровня напряженности в Тайваньском проливе.

Китайские СМИ. Китайские СМИ в меньшей мере отреагировали на усилившийся дискурс о возможном сближении КНР, РФ и КНДР, а их риторика, по сравнению с российскими или западными коллегами, является более сдержанной **[27; 28; 30]**. Так, среди ведущих китайских СМИ автору не удалось найти публикаций, где бы напрямую обсуждались перспективы сближения РФ, КНР и КНДР. Преимущественно освещаются двухсторонние отношения между странами, с акцентом на визиты высокопоставленных лиц. Китайские СМИ особо подчёркивают суверенитет, как РФ или КНДР **[27; 28; 29; 31]**, так и собственный, заявляя о добрососедском характере отношений между тремя странами **[28; 30]**.

Все три страны упоминаются преимущественно в публикациях, освещающих ответы китайского МИД на обвинения **[27; 29]**, преимущественно со стороны США, о том, что КНР играет недостаточно конструктивную роль в решении международных проблем. В большинстве таких публикаций разъясняется официальная позиция КНР по соответствующим вопросам.

Сравнительный анализ позиций СМИ РФ, КНР и стран Запада

В контексте рассматриваемого сближения трех стран российские СМИ уделяют наибольшее влияние происходящим военным конфликтам. Косвенным подтверждением этому может служить визит Министра обороны России Сергея Шойгу в КНДР в июле 2023 г. **[8]**, который освещался в большинстве отечественных СМИ. Активное обсуждение сближения РФ, КНР и КНДР происходило летом-осенью 2023 г., что было связано, как с вышеупомянутым визитом, так и тем, что РФ находится в состоянии вооружённого конфликта.

Западные СМИ были наиболее встревожены перспективой укрепления трехсторонних отношений между КНР, КНДР и РФ, так как, исходя из точек зрения, представленных в ряде публикаций, это означало бы подготовку новообразованного блока к войне в Азии. Дискурс о сближении РФ, КНР и КНДР, вплоть до возможности формирования военного блока, был инициирован западными СМИ, активно обсуждавшими во второй половине 2023 г. визит российского Министра обороны в КНДР. Хотя западные медиа продолжают обсуждать перспективы сближения трёх государств, однако к началу 2024 г. интенсивность дискуссий на эту тему и алармистские настроения несколько спали, когда ряд СМИ стал говорить, в первую очередь, о сближении РФ и КНДР, в котором КНР пока не принимает активного участия **[24; 26]**.

Китайские СМИ уделяют наименьшее внимание возможному вооруженному конфликту с другими государствами. Хотя их риторика в отношении РФ и КНДР дружественная, заявлений о возможном расширении партнёрства в военной сфере не следует.

Для разработки возможных сценариев развития трехсторонних отношений необходимо также рассмотреть препятствующие этому факторы.

Ключевые препятствия для развития трёхсторонних взаимоотношений РФ, КНР и КНДР по результатам анализа СМИ

Как в западных, так и в некоторых российских СМИ, в качестве ключевого препятствия для дальнейшего развития взаимоотношений РФ и КНДР является якобы негативная позиция КНР относительно данной перспективы. Возросшее взаимодействие между РФ и КНДР, при такой оценке ситуации, может пошатнуть позиции КНР как главного партнёра Пхеньяна **[18; 5; 6]**,

тем более, что во второй декаде XXI в. в отношениях двух государств уже был кризис. Косвенным подтверждением этой гипотезы является более активная позиция РФ в ООН относительно снятия (или, по меньшей мере, нерасширения) санкций, наложенных на КНДР **[9]**.

Вторым препятствием является отсутствие институциализации трёхсторонних отношений РФ, КНР и КНДР, когда ни одно из трёх государств не высказывалось о формировании какой-либо структуры для выполнения этой задачи. Учитывая, что РФ и КНР являются членами ШОС, а Китай имеет Соглашение о безопасности с КНДР (Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между КНР и КНДР от 1961 г.), институциализация трехсторонних отношений не выглядит столь необходимой. Отдельно следует отметить международно-политическую модель КНДР, отличающуюся проведением гибкого внешнеполитического курса и минимальным участием в многосторонних форматах отношений, что также делает данную перспективу наименее вероятной **[2, с. 169]**.

Третьим обстоятельством является отсутствие для любого из трёх акторов очевидной выгоды от подобного сближения. По этому поводу схожие мнения высказываются в российских и западных СМИ. Первые указывают на то, что отношения между РФ, КНР и КНДР уже находятся на достаточном уровне, и дальнейшее сближение не является необходимым. Западные СМИ, в свою очередь, указывают на то, что формализация каких-либо многосторонних отношений будет скорее фактором риска (связанным с введением санкций, дипломатического давления и пр.), в первую очередь, для Китая, который может попасть под эти санкции со стороны стран Запада, если будет очень активно расширять взаимодействие с РФ и КНДР.

Далее представлены возможные сценарии развития трёхсторонних отношений между РФ, КНР и КНДР с учётом вышеуказанных препятствий.

Возможные сценарии развития трехсторонних отношений

Сценарии, оценивающие перспективы трёхсторонних отношений РФ, КНР и КНДР, представлены ниже в порядке от более к менее вероятному.

Сценарий №1. *Усиление трёхстороннего взаимодействия как временная мера*. Сближение трёх государств во многом продиктовано недолгосрочными обстоятельствами и усилением внешнего давления, тогда как центробежные силы в системе трёхсторонних отношений также играют значительную роль, что было доказано ранее. В ситуации, когда государства имеют во многом противоречащие друг другу интересы, сближение затруднено. Кроме того, анализ публикаций в СМИ позволяет предположить, что, в первую очередь, КНР не заинтересована в дальнейшем сближении. Соответственно, наиболее вероятным видится сценарий, где некоторое усиление сотрудничества будет продолжаться до тех пор, пока внешние обстоятельства вновь не инициируют возвращение системы взаимоотношений трёх государств в исходное состояние.

Сценарий №2. *Сближение РФ, КНР и КНДР с последующей институциализацией сложившейся системы отношений*. В случае сохранения сильного внешнего давления в течение продолжительного срока усиление уровня сотрудничества между тремя государствами становится возможным, даже несмотря на действие центробежных процессов в системе отношений. Данный сценарий отчасти допускается в ряде публикаций западных СМИ, которые видят в нем существенную угрозу. Её наиболее явным маркером будет институциализация в том или ином формате трёхсторонних отношений между РФ, КНР и КНДР. Данный сценарий не очень вероятен, так как для его реализации требуется наличие соответствующей необходимости для каждой из трёх стран, каждая из которых сталкивается со своими вызовами и имеет собственные, отличные от других, интересы.

Сценарий №3. *Возникновение конфликта интересов внутри трёхсторонней системы отношений*. Последний сценарий наименее вероятен, но не невозможен. КНР, РФ и КНДР обладают сильно отличающимися государственными параметрами, что препятствует созданию сбалансированной системы отношений, состоящей лишь из трёх государств. При этом у них есть и противоречащие друг другу интересы. Вынужденное сближение, помимо прочего, обостряет уже имеющиеся противоречия, а невозможность их разреше-

ния может привести к конфликту. Возможность возникновения такой кризисной ситуации можно подтвердить тем, что в 2013–2017 гг. уже наблюдалось обострение отношений между КНР и КНДР **[4, с. 118]**. Подобное развитие ситуации в будущем могут вызвать различные причины, например, такие как: риск попадания КНР под санкции из-за сотрудничества с РФ или КНДР; испытания ядерного оружия со стороны КНДР **[5]** и другие.

Выводы

Дискурс о сближении РФ, КНР и КНДР, в первую очередь, был активизирован западными СМИ из-за обострения конфликта между США и КНР и участившихся контактах между РФ и КНДР во время конфликта на Украине. Некоторое сближение действительно произошло: роль КНР в экономике РФ возросла **[7, с. 5]**, участились взаимные визиты высокопоставленных чиновников трёх государств. В это же время СМИ каждой из трёх рассмотренных сторон склонны упоминать развитие отношений одного из этих государств в связке с другим. Так, китайские СМИ отмечают активизацию взаимных контактов между РФ и КНДР; многие российские СМИ обсуждают КНДР в тесной связи с КНР, что, вероятно, может объясняться возросшей экономической зависимостью КНДР от КНР **[4, с. 120]**. При этом западные СМИ опасаются формирования военного блока между тремя странами, и все эти факторы работают на формирование мнения о том, что дальнейшее сближение РФ, КНР и КНДР закономерно и вероятно.

Однако, какими бы выгодным ни казалось такого рода партнёрство, его усиление между РФ, КНР и КНДР во многом вызвано действием ряда важных причин, в то время как между тремя государствами существует и много противоречий, препятствующих сближению. Не приходится говорить и о единстве оценок СМИ КНР и РФ, так как они, несмотря на комплиментарную риторику относительно друг друга, акцентируют внимание на различных, приоритетных для себя вопросах и видят взаимоотношения между государствами по-разному. При этом ситуация с КНДР представляется очень сложной для анализа, так как она наиболее закрыта и изолирована от других акторов. Таким образом, взаимоотношения РФ, КНР и КНДР представляют собой динамически развивающуюся систему, которая соответствующим образом реагирует на происходящие геополитические и экономические изменения, в том числе и на обострение конфликтов, возникающих на международной арене.

Литература

1. "Китай и Россия не хотят формального военного союза". Директор ИСАА – о восточной политике Москвы и отношении стран Азии к конфликту на Украине. URL: https://rtvi.com/news/kitaj-i-rossiya-ne-hotyat-formalnogo-voennogo-soyuza-direktor-isaa-o-vostochnoj-politike-moskvy-i-otnoshenii-stran-azii-k-konfliktu-na-ukraine/ (дата обращения: 03.12.2023).

2. Асмолов К. В. Китай и государства Корейского полуострова в 2022 г. – до и после Юн Сок Ёля // Восток (Oriens). 2023. № 3. С. 162–172. https://doi.org/10.48647/ICCA.2023.95.75.012

3. Асмолов К.В., Бабаев К.В. Трёхполярный мир и блоковые треугольники в Восточной Азии // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 3. С. 165–181.

4. Иванова, К. Н. Китайский фактор в российско-северокорейских отношениях / К. Н. Иванова, Н. Ю. Гусевская // Россия – Китай: развитие регионального сотрудничества в XXI веке: Материалы XIX Международной научно-практической конференции, Чита, 29 апреля 2021 года. Чита: Забайкальский государственный университет, 2021. С. 114–123. EDN: XGANRJ.

5. Ким Д. Китайско-российские отношения по северокорейской ядерной проблеме // Общество: политика, экономика, право. 2020. №4 (81). С. 50-53.

6. Китай отправит в КНДР делегацию самого высокого уровня из-за России. URL: https://lenta.ru/news/2024/04/09/kitay-otpravit-v-kndr-delegatsiyu-samogo-vysokogo-urovnya-iz-za-rossii (дата обращения: 06.04.24).

7. Российско-китайский диалог: модель 2023: доклад № 87 / 2023 [К.В. Бабаев, А.В. Кортунов, Фэн Юйцзюнь, Гао Цзисян и др.; под ред. Е.О. Карпинской, А.П. Александрова, П.В. Бакулиной и др.]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2023. 88 с.

8. Россия – Северная Корея – Китай: воссоздание стратегического треугольника. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-severnaya-koreya-kitay/ (дата обращения: 04.12.2023).

9. Россия заветировала резолюцию СБ ООН о продлении мандата экспертов по санкциям против КНДР. URL: https://www.interfax.ru/russia/952997 (дата обращения: 03.04.24).

10. Россия и Азия: парадоксы новой реальности / [Бордачёв Тимофей Вячеславович, Безбородов Алексей Алексеевич, Бессмертная Анна Анатольевна и др.]. М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба "Валдай", 2023. 48 с.

11. Сближение России, Китая и КНДР вызывает на Западе панику и желание развязать новую мировую войну. URL: https://russian.rt.com/inotv/2023-09-18/Redacted-sblizhenie-Rossii-Kitaya-i?ysclid=lul5l1jxjo833872744 (дата обращения: 03.04.24).

12. СМИ: Китай, Россия и КНДР сталкиваются с общими угрозами со стороны США. https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18388633 (дата обращения: 05.12.2023).

13. Спицы против осей: особенности региональной безопасности в Северо-Восточной Азии. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/spitsy-protiv-osey-osobennosti-regionalnoy-bezopasnosti-v-severo-vostochnoy-azii/?sphrase_id=126568529 (дата обращения: 03.12.2023).

14. Эксперт: Россия, КНДР и КНР могли бы совместно реагировать на вызовы в АТР. URL: https://ria.ru/20230913/vyzovy-1896107828.html (дата обращения: 02.12.2023).

15. China's Ambivalence on the North Korea-Russia Security Alignment. URL: https://thediplomat.com/2023/11/chinas-ambivalence-on-the-north-korea-russia-security-alignment (дата обращения: 26.11.2023).

16. Is a Russia-North Korea-China alliance possible?. URL: https://www.ankasam.org/is-a-russia-north-korea-china-alliance-possible/?lang=en (дата обращения: 26.11.2023).

17. Kendall A., Shullman D. Navigating the Deepening Russia-China Partnership. Washington, DC: Center for a New American Security, 2021. 36 p. https://doi.org/10.1515/sirius-2021-3009

18. Kim P. How China Sees North Korea: Three Critical Moments in History and Future Directions. – Chicago Council on Global Affairs, 2018. 7 p.

19. North Korea Is Joining China and Russia in Confronting the US. URL: https://www.isdp.se/publication/north-korea-is-joining-china-and-russia-in-confronting-the-us/ (дата обращения: 25.11.2023).

20. North Korea, Russia and China: The Developing Trilateral Imperialist Partnership. URL: https://www.rand.org/pubs/commentary/2023/09/north-korea-russia-and-china-the-developing-trilateral.html (дата обращения: 25.11.2023).

21. Rinna A. V. Two Peripheries: The Ukraine War's Effect on North Korea-Russia Relations. – East-West Center, 2023. 2 P.

22. The Growing China-North Korea-Russia Axis and South Korea's Response. URL: https://thediplomat.com/2023/10/the-growing-china-north-korea-russia-axis-and-south-koreas-response/ (дата обращения: 26.11.2023).

23. The Next Tripatrite Pact? China, Russia and North Korea's New Team Is Not Built to Last. URL: https://www.foreignaffairs.com/china/next-tripartite-pact (дата обращения: 20.02.24).

24. The West fears a closer Russia and North Korea. China may not. URL: https://edition.cnn.com/2023/09/15/china/china-kim-putin-summit-russia-north-korea-intl-hnk/index.html (дата обращения: 25.11.2023).

25. UN members concerned China, Russia helping North Korea -US' Austin. URL: https://www.reuters.com/world/austin-un-states-concerned-china-russia-helping-north-korea-2023-11-14/ (дата обращения: 05.12.2023).

26. US and China officials discuss Russia-North Korea military cooperation, State Department says. URL: https://www.reuters.com/world/us-china-officials-discuss-russia-north-korea-military-cooperation-state-2024-02-23/ (дата обращения: 03.04.24).

27. 拜登在中美元首通话中提及相关问题，外交部回应 = Во время телефонного разговора между главами США и Китая Байден коснулся общих для обоих государств вопросов. Комментарий китайского МИДа. URL: https://www.cqcb.com/zhongguofabu/2024-04-03/5539191_pc.html (дата обращения: 14.03.24).

28. 布林肯宣称朝俄军事联系"不断增加且危险"，呼吁中国"发挥影响力"，中方回应. = Блинкен заявил, что военные связи между КНДР и РФ "непрерывно растут и представляют угрозу", и призвал Китай "оказать влияние". Ответ китайской стороны. URL: https://3w.huanqiu.com/a/c36dc8/4FIe0HSwPMp (дата обращения: 07.12.2023).

29. 法国谴责朝鲜向俄罗斯提供武器，中方回应. = Франция осудила КНДР за поставку оружия России. Ответ китайской стороны. URL: https://news.sina.com.cn/o/2023-11-24/doc-imzvtazu4609646.shtml (дата обращения: 06.12.2023).

30. 新时代中国的周边外交政策展望 = Перспективы периферийной внешней политики Китая в новую эпоху. URL: http://www.qstheory.cn/qshyjx/2023-10/25/c_1129936579.htm (дата обращения: 03.04.24).

31. 中国驻朝鲜大使会见俄罗斯驻朝大使：为促进中俄、中朝和俄朝关系发展，维护半岛和平稳定发挥积极作用. = Посол КНР в КНДР встретился с послом РФ в КНДР: взаимодействие Китая и России способствует развитию китайско-корейских и российско-корейских отношений, поддержанию мира и стабильности на полуострове]. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1774027917799847670&wfr=spider&for=pc (дата обращения: 07.12.2023).

References

1. "China and Russia do not want a formal military alliance" Director of IAAC - about the eastern policy of Moscow and Asian countries towards the conflict in Ukraine. URL: https://rtvi.com/news/kitaj-i-rossiya-ne-hotyat-formalnogo-voennogo-soyuza-direktor-isaa-o-vostochnoj-politike-moskvy-i-otnosheniistran-azii-k-konfliktu-na-ukraine/ (accessed 03.12.2023). (In Russ.).

2. Asmolov K. V. China and the states of the Korean Peninsula in 2022 - before and after Yun Seok Yeol // Oriens. 2023. № 3. C. 162–172. https://doi.org/10.48647/ICCA.2023.95.75.012 (In Russ.).

3. Asmolov K. V., Babayev K. V. Tripolar world and bloc triangles in East Asia // Russia in global affairs. 2023. Vol. 22, No. 3. P. 165–181. (In Russ.).

4. Ivanova K. N. The Chinese factor in Russian-North Korean relations / K. N. Ivanova, N. Yu. Gusevskaya // Russia – China: development of regional cooperation in the 21st century: Materials of the XIX International Scientific and Practical Conference, Chita, April 29, 2021. Chita: Transbaikal State University, 2021. C. 114–123. EDN: XGANRJ. (In Russ.).

5. Kim D. Sino-Russian relations on the North Korean nuclear issue // Society: politics, economics, law. 2020. №4 (81). P. 50–53. (In Russ.).

6. China will send the highest level delegation to North Korea because of Russia. URL: https://lenta.ru/news/2024/04/09/kitay-otpravit-v-kndr-delegatsiyu-samogo-vysokogo-urovnya-iz-za-rossii (accessed 06.04.24). (In Russ.).

7. Russian-Chinese dialogue: model 2023: report № 87 / 2023 [K.V. Babaev, A.V. Kortunov, Feng Yujun, Gao Jixiang and others; edited by E.O. Karpinskaya, A.P. Alexandrova, P.V. Bakulina and others]; Russian International Affairs Council (RIAC). Moscow: RIAC, 2023. 88 p. (In Russ.).

8. Russia – North Korea – China: recreating the strategic triangle. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-severnaya-koreya-kitay/ (accessed 04.12.2023). (In Russ.).

9. Russia vetoed the UN Security Council resolution on extending the mandate of experts on sanctions against the DPRK. URL: https://www.interfax.ru/russia/952997 (accessed 03.04.24). (In Russ.).

10. Russia and Asia: paradoxes of the new reality / [Bordachev Timofey Vyacheslavovich, Bezborodov Alexey Alekseevich, Bessmertnaya Anna Anatolyevna and others]. M.: Foundation for the Development and Support of the Valdai International Discussion Club, 2023. 48 p. (In Russ.).

11. The rapprochement of Russia, China and the DPRK causes panic in the West and a desire to start a new world war. URL: https://russian.rt.com/inotv/2023-09-18/Redacted-sblizhenie-Rossii-Kitaya-i?ysclid=lul5l1jxjo833872744 (accessed 03.04.24). (In Russ.).

12. Media: China, Russia and North Korea face common threats from the United States. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18388633 (accessed 05.12.2023). (In Russ.).

13. Spokes against axis: features of regional security in Northeast Asia. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/spitsy-protiv-osey-osobennosti-regionalnoy-bezopasnosti-v-severo-vostochnoy-azii/?sphrase_id=126568529 (accessed 03.12.2023).

14. Expert: Russia, North Korea and China could jointly respond to challenges in the Asia-Pacific region. URL: https://ria.ru/20230913/vyzovy-1896107828.html (accessed 02.12.2023). (In Russ.).

15. China's Ambivalence on the North Korea-Russia Security Alignment. URL: https://thediplomat.com/2023/11/chinas-ambivalence-on-the-north-korea-russia-security-alignment (accessed 26.11.2023).

16. Is a Russia-North Korea-China alliance possible?. URL: https://www.ankasam.org/is-a-russia-north-korea-china-alliance-possible/?lang=en (accessed 26.11.2023).

17. Kendall A., Shullman D. Navigating the Deepening Russia-China Partnership. Washington, DC: Center for a New American Security, 2021. 36 P. https://doi.org/10.1515/sirius-2021-3009

18. Kim P. How China Sees North Korea: Three Critical Moments in History and Future Directions. – Chicago Council on Global Affairs, 2018. 7 p.

19. North Korea Is Joining China and Russia in Confronting the US. URL: https://www.isdp.se/publication/north-korea-is-joining-china-and-russia-in-confronting-the-us/ (accessed 25.11.2023).

20. North Korea, Russia and China: The Developing Trilateral Imperialist Partnership. URL: https://www.rand.org/pubs/commentary/2023/09/north-korea-russia-and-china-the-developing-trilateral.html (accessed 25.11.2023).

21. Rinna A. V. Two Peripheries: The Ukraine War's Effect on North Korea-Russia Relations. – East-West Center, 2023. 2 p.

22. The Growing China-North Korea-Russia Axis and South Korea's Response. URL: https://thediplomat.com/2023/10/the-growing-china-north-korea-russia-axis-and-south-koreas-response/ (accessed 26.11.2023).

23. The Next Tripatrite Pact? China, Russia and North Korea's New Team Is Not Built to Last. URL: https://www.foreignaffairs.com/china/next-tripartite-pact (accessed 20.02.24).

24. The West fears a closer Russia and North Korea. China may not. URL: https://edition.cnn.com/2023/09/15/china/china-kim-putin-summit-russia-north-korea-intl-hnk/index.html (accessed 25.11.2023).

25. UN members concerned China, Russia helping North Korea -US' Austin. URL: https://www.reuters.com/world/austin-un-states-concerned-china-russia-helping-north-korea-2023-11-14/ (accessed 05.12.2023).

26. US and China officials discuss Russia-North Korea military cooperation, State Department says. URL: https://www.reuters.com/world/us-china-officials-discuss-russia-north-korea-military-cooperation-state-2024-02-23/ (accessed 03.04.24).

27. During a telephone conversation between the heads of the United States and China, Biden touched upon issues common to both countries. Comment from the Chinese Ministry of Foreign Affairs. URL: https://www.cqcb.com/zhongguofabu/2024-04-03/5539191_pc.html (accessed 14.03.24). (In Chin.).

28. Blinken said military ties between North Korea and Russia are "continuously growing and threatening" and called on China to "exert influence." Chinese response. URL: https://3w.huanqiu.com/a/c36dc8/4FIe0HSwPMp (accessed 07.12.2023). (In Chin.).

29. France condemned North Korea for supplying weapons to Russia. Chinese response. URL: https://news.sina.com.cn/o/2023-11-24/doc-imzvtazu4609646.shtml (accessed 06.12.2023). (In Chin.).

30. Prospects for China's Peripheral Foreign Policy in the New Era. URL: http://www.qstheory.cn/qshyjx/2023-10/25/c_1129936579.htm (accessed 03.04.24). (In Chin.).

31. The Ambassador of the People's Republic of China to the DPRK met with the Ambassador of the Russian Federation to the DPRK: interaction between China and Russia contributes to the development of Sino-Korean and Russian-Korean relations, maintaining peace and stability on the peninsula]. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1774027917799847670&wfr=spider&for=pc (accessed 07.12.2023). (In Chin.).

◆

Информация об авторе

Иван Сергеевич Виноградов, студент Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики", Санкт-Петербург, Россия, e-mail: isvinogradov@edu.hse.ru

Information about the author

Ivan S. Vinogradov, Student, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia, e-mail: isvinogradov@edu.hse.ru

Поступила в редакцию 03.06.2024 Одобрена после рецензирования 19.08.2024 Принята к публикации 28.08.2024

Received 03.06.2024 Approved 19.08.2024 Accepted 28.08.2024

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 100–109.
Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 100–109.

Научная статья
УДК 327.82
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/100-109

Политика памяти Монголии о Второй мировой войне в контексте отношений с Российской Федерацией

Ярослав Славикович Пацеля
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, patcelia.ias@dvfu.ru

Аннотация. Современная Монголия – молодое государство, при этом имеющее неоднозначную историю отношений с Россией. Вторая мировая война – ключевое событие новейшей истории, важное с точки зрения развития монгольской государственности, а значит закономерный объект политики памяти. В данной статье анализируется продуцируемая в монгольском дискурсе политика памяти о Второй мировой войне, а также её влияние на двусторонние отношения с Российской Федерацией. Выделяется широкий спектр коммеморативных практик и "мест памяти", встроенных в двусторонние отношения, а также высокий уровень солидарности дискурсов о Второй мировой войне, имеющих триумфальный характер.
Ключевые слова: *Политика памяти, политика памяти Монголии, международные отношения в СВА, влияние истории на МО, российско-монгольские отношения, Вторая мировая война, Халхин-Гол*
Для цитирования: Пацеля Я. С. Политика памяти Монголии о Второй мировой войне в контексте отношений с Российской Федерацией // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 100–109. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/100-109

Original article
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/100-109

Politics of Memory in Mongolia about the Second World War in the context of relations with the Russian Federation

Yaroslav S. Patselia
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, patcelia.ias@dvfu.ru

Abstract. Modern Mongolia is a young state, which at the same time has a long and complex history of relations with Russia. The Second World War is a key event in modern history, important from the point of view of the development of Mongolian statehood, and therefore a natural object of memory politics. This article analyzes the politics of memory of the Second World War produced in Mongolian discourse, as well as its impact on bilateral relations with the Russian Federation. There is a wide range of commemorative practices and "memory sites" embedded in bilateral relations, as well as a high level of solidarity in discourses about the Second World War, which have a triumphal character.
Key words: *Politics of memory, politics of memory of Mongolia, international relations in Northeast Asia, the influence of history on international relations, Russian-Mongolian relations, World War II, Khalkhin Gol*
For citation: Patselia Ya. S. Politics of Memory in Mongolia about the Second World War in the context of relations with the Russian Federation // Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 100–109. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/100-109

Политика памяти или memory studies – развивающееся междисциплинарное направление социальных исследований. В рамках данного направления прошлое рассматривается как источник для создания нарративов и интерпретаций, сталкивающихся в общественном дискурсе в процессе осуществления политики памяти.

Дискуссии об инструментах политики памяти отсылают к работам Пьера Нора и его концепции "мест памяти", понимаемых как наполненных символическим смыслом о прошлом духовно-материальных объектах **[25]**. "Местами памяти" могут являться памятники, площади, здания, географические объекты, коммеморативные мероприятия, символы, традиции и иные объекты, привлекающие общественное внимание и отсылающие к прошлому и влияющие на историческую память.

Эмпирической базой исследования служат открытые источники информации, публикации общественно-политических СМИ, исторических порталов, государственных органов Монголии, сайты посольств. Важным источником также представляется статьи монгольской версии "Википедии", как популярного и значимого источника в контексте формирования и отражения знаний и представлений о прошлом. Важно отметить, что для "Википедии", как продукта западной культуры, свойственно недружественное отношения к продуцируемым Россией нарративам.

Прошлое становится основой для легитимации современного монгольского государства. Это декларируется, например, в программе "Видение – 2050", где одной из задач обозначается: "Возрождение гордости страны и

© Пацеля Я. С., 2024

нации за свою родину" **[32]**. Сохранение и изучение национальной истории декларируется и в концепции национальной безопасности Монголии **[41]**.

По мнению М.В. Кирчанова, можно рассматривать дискурс исторической памяти Монголии как достаточно монолитный, так как вопрос противостояния государственного и научного нарратива снят, а также подчеркивается важность исторической памяти как символической опоры современной государственности **[13]**.

Краеугольным камнем нарратива о Второй мировой войне является битва на реке Халхин-Гол 1939 г. Дискуссии обостряются уже на уровне наименования данного события. Многие монгольские авторы настаивают на термине "война", по отношению к произошедшему в период с мая по сентябрь 1939 г. Интересно, что раздел сайта российского посольства в Монголии о конфликте на Халхин-Голе носит название с термином "война" – "дайн" в монголоязычной версии **[19]**.

По мнению А.В. Михалева, битва на Халхин-Голе является крупной победой монгольской армии, являющейся предметом национальной гордости и основой для идентификации **[16]**. Легитимность современного монгольского государства базируется в том числе на исторической памяти вообще и результатах Второй мировой войны и памяти о ней. Институционализированы практики коммеморативных мероприятий, связанных с данными событиями, в том числе в виде военных парадов и с участием представителей РФ **[33]**.

Кроме Халхин-Гола, память о Второй мировой войне напрямую связана с основанием и суверенизацией Монгольской народной республики, произошедшими при поддержке СССР, что отражается в монгольском дискурсе **[42]**. Президентом Монголии Ухнаагийн Хурэлсух заявлял: "Сто лет тому назад представители нашей страны прибыли в Москву, и тогда была наша совместная борьба за установление независимости нашей страны и суверенитета" **[23]**. Российские авторы также солидаризируются с этой идеей **[3; 13]**.

События новейшей истории имеют противоречивую коннотацию: с одной стороны явное присутствие советского наследия и тесные отношения с Россией и КНР, скорее заставляющие следовать основным тезисам сформированного ранее просоветского, или "триумфального" нарратива, а с другой стороны, десоветизация 90-х и концепция "третьего соседа" (монг. "гуравдагч херш") и "многоопорности" (монг. "олон тулгуурт") **[36]**, выстраивание отношений за пределами территориального соседства (Япония, РК, США) **[34]**, приводят к более критическому переосмыслению прошлого и конструированию нарратива, тяготеющего к продемократическому дискурсу – то есть критическому переосмыслению прошлого с позиций демократических ценностей и прав человека.

"Антисоветский", продемократический нарратив увязывается с вопросом репрессий, прошедших на территории МНР в данный период **[11]**. Именно с именами просоветских коммунистических лидеров (Х. Чойболсан, П. Гэндэн) связывается в общественном сознании проведение массовых репрессий **[30].** Что в свою очередь, может негативно влиять на восприятие СССР и России. Так десоветизацию 90-х характеризует М.В. Дьяченко: "Актом, призванным продемонстрировать окончательное вытеснение социалистических символов власти символами власти новой, стал снос с центральной площади Улан-Батора в 2005 г. мавзолея с останками лидеров социалистического периода Д. Сухэ-Батора и Х. Чойбалсана и установка 40-ка метровой статуи Чингисхана в 2008 г. Последний памятник Ленину был снят в 2012 г." **[11]**. С другой стороны, можно констатировать отказ от полной десоветизации в Монголии в связи с внутриполитическими (национальная идентичность) и внешнеполитическими (отношения с Россией и КНР) аспектами. "Именно поэтому значительная часть символического поля предыдущего периода важна для поддержания современных коммуникаций" по мнению А.В. Михалева **[18]**.

Япония рассматривается как так называемый "третий сосед" Монголии, либо один из них **[40]**. Такое понимание отношения закрепляется с помощью книги, написанной главой Ассоциации японоведов Монголии: "Монголия и Япония в XX–XXI в.: история отношений "третьего соседа", где подчеркивается как "народы Японии и Монголии открылись друг другу после Второй мировой войны" **[39]**. Данная ориентация понимается как развитие демократиче-

ских институтов Монголии, правового государства и прав человека, а значит сотрудничества с США, Японией, Республикой Корея **[46; 50; 51]**.

Исторические нарративы были акцентуализированы в рамках дискурса, связанного с празднованием 50-летия установления дипломатических отношений между Монголией и Японией (2022 г.) – "Япония и Монголия: Наша история через архивные записи" (монг. Япон ба Монгол Улс: Архивын баримтаар дамжуулан бидний түүх) **[49]**. Данный проект базируется на данных Национального архива Японии и Генерального архива Монголии, которые подписали меморандум о сотрудничестве в области архивного дела и делопроизводства в 2019 году. В нем достаточно нейтрально обсуждаются основные военные столкновения МНР и Японии (конфликт у Храма Халхин-Гол (1935), Халхин-Гол (1939, причем в англоязычной версии называется "Battle of Khalkyn Gol / Nomonhan Incident", а в монгольской версии используется термин "война" (монг. "дайн")), война СССР и Монголии против Японии (1945), где подчеркивается, что Монголия следовала своим союзническим обязательствам перед СССР. Представляется листовка, с помощью которой советские и монгольские войска убеждали сдаваться японских военнослужащих. Также поднимается гуманитарная тематика, связанная с 12 тыс. военнопленных японцев, задействованных в строительстве многих важных зданий Улан-Батора, многие из которых погибли или пропали без вести. Декларируется достижение нормализации дипломатических отношений, которые ранее не всегда были мирными. Похожие тезисы высказывает заместитель директора Особого архива Главного разведывательного управления Б. Эрдэнэбилег, подчеркивая большую роль советского руководства в принятии политических решений МНР **[48]**.

Важным образом в политике памяти, а также российско-монгольских отношениях является фигура маршала СССР Г.К. Жукова **[11]**. Существуют тематический музей и площадь, плотно вошедшие в городской и символический ландшафт Улан-Батора, там проводятся памятные мероприятия, в том числе с участием российских дипломатов и военных **[15; 24; 35]**. Подчеркивается роль битвы на Халхин-Голе как начала победного пути маршала. Продуцируется в целом комплиментарный для СССР и России дискурс, причем как публицистический, так и научный **[20; 35; 47]**. Комплиментарные данной позиции тезисы присутствуют и в отечественной науке **[3; 28]**. Подробный обзор российско-монгольских исследований по данной тематике представлены в работе Л.В. Кураса **[14]**. А.В. Михалев отмечает, что на смену идеи о незначительной роли Монголии во Второй Мировой войне приходит миф о Монголии как важном акторе на протяжении всего XX в. **[18]**. Также важной идеей исторического нарратива о Второй мировой войне в Монголии является тезис о посильной, но важной помощи СССР со стороны Монголии **[8; 26; 31]**. Подобные тезисы о роли Г.К. Жукова и поддержке Монголии озвучиваются и на высшем уровне в рамках двусторонних отношений **[1]**. Кроме маршала Г.К. Жукова, есть и другие участники Второй мировой войны, героизация которых подчеркивается в монгольском дискурсе: С.И Гринцевич, Н.П. Кравченко, В.Ф. Скобарихин, В.П. Кустов, А.Ф. Мошин и др. Подчеркивается также роль боев на Халхин-Голе как причина отказа Японии от военной экспансии на территорию СССР **[9].**

В целом для описания взаимодействия СССР и МНР в период Второй мировой войны используются ценностно-окрашенные и комплиментарные термины: "Боевое братство" (монг. "Дайны ахан дүүс"), "Великая победа" ("Их ялалт"), "Совместная победа" и другие. В пекинской речи Президента Монголии Ухнаагийна Хурэлсуха 2023 г. можно проследить идеи секьюритизации памяти, также сближающие российский и монгольский дискурсы: "Мы не должны забывать тот исторический подвиг русского народа, который спас мир от угрозы фашизма, поэтому думаю, что мы вместе будем отмечать этот славный юбилей" **[5]**.

Монгольская версия "Википедии" также использует термин "Освободительная война", подчеркивает стратегическую важность победы советско-монгольских сил на Халхин-Голе для дальнейшего развития событий Второй мировой войны и поддержки СССР со стороны МНР в годы Великой Отечественной войны, возлагает ответственность за агрессию (Битва на озере Хасан и Война на реке Халх) на Японию, рассказывает о военных преступлениях

японских вооруженных сил (применение химического оружия в Халхском конфликте, деятельность отряда 731, резня в Нанкине, "дома утешения" и др.), упоминает нежелание части японского общества оправдывать прошлое **[37]**.

Существуют художественные произведения, фиксирующие общую союзническую монгольско-российскую версию событий: это фильмы "Слушайте, на той стороне" (монг. "Дайсны цэргүүдээ сонсоцгоо" (СССР, Монголия, 1971), "Через Гоби и Хинган" (СССР, Монголия, 1981), "Прелюдия к необъявленной войне" (монг. "Зарлаагүй дайны оршил") (Монголия, 1984), документальные фильмы "Халхин-Гол. Год 1939-й" (СССР, 1979), "Война на реке Халх" (монг. "Халх голын дайн") (Монголия, 1984) и "Халхин-Гол. Неизвестная война" (2008). Данные фильмы актуализируют повестку исторической памяти, особенно в преддверии к коммеморативным датам и мероприятиям. Также, в 2019 году совместно с телеканалом ВС РФ "Звезда" и Монгольским национальным общественным радио и телевидением (МНОРТ) был снят документальный фильм "Подвиг на Халхин-Голе" **[10]**. Проходят фотовыставки и документальные выставки, рассказывающие о совместном видении событий Второй мировой войны, вокальные конкурсы, викторины, конкурсы сочинений, концерты **[19]**. Важными акторами и организаторами культурного взаимодействия здесь выступают Монгольское информационного агентства "МОНЦАМЭ" и Российский центр науки и культуры в г. Улан-Батор.

В Монголии официально ни 9 мая, ни 2 сентября не являются постоянным государственными праздниками, но в эти дни проходят праздничные мероприятия, организованные российской стороной и шествия "Бессмертного полка", а также награждения монгольских ветеранов **[7; 33]**. Например, в 2015 году "в целях прославления заслуг и усилий ветеранов, воспитания патриотизма у подрастающего поколения" проводились праздничные мероприятия, посвященные юбилею Освободительной войны **[43]**.

Важную роль в научном взаимодействии Монголии и России в изучении событий Второй мировой войны играет Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН) в г. Улан-Удэ. Издаются коллективные монографии, проводятся международные конференции, в рамках которых подчеркивается важность эпизодов Второй мировой войны, произошедших на территории Монголии, закрепляется общий нарратив о данных исторических событиях **[6; 8]**.

Взаимодействие на высшем уровне и визиты глав государств России и Монголии часто связаны с памятными круглыми датами (65, 70, 75, 80 и т.д.) о Второй Мировой войне и боях на Халхин-Голе, которые отмечаются коммеморативными церемониями (совместное возложения венков, торжественные приемы), либо упоминаются в рамках дискуссии, а будущие встречи согласовываются с предстоящими памятными мероприятиями **[1; 6; 23; 24; 31]**. Так, в 2015 году вооруженные силы Монголии участвовали в параде победы в Москве.

Примером типичного подобного взаимодействия на более низшем политическом уровне будет являться присутствие официальных лиц на открытии выставки в г. Улан-Батор, посвященной 80-летию годовщины победы на реке Халхин-Гол: представители министерств обороны, государственных архивов, региональных властей приграничных субъектов России (Бурятия, Иркутская область), государственных музеев **[4]**. Посещение представителями РФ Монголии также сопровождается подобными церемониями, а при разговоре с Председателем Правительства РФ, М.В. Мишустиным, Премьер-министр Монголии Л. Оюн-Эрдэнэ упоминает о своем дедушке, участвовавшем в боях на Халхин-Голе **[45]**. Во взаимодействие по вопросу исторической памяти с Монголией также вовлекаются представители соседних субъектов РФ (Бурятии и Иркутской области) в рамках процессов общей коммеморации.

Так, совместными усилиями властей Иркутской области и Монголии, а также общественных организаций военно-исторической направленности обеих стран с 2004 года проходят ежегодные молодежные экспедиции в районы, задействованные в рамках военного конфликта 1939 года **[27]**. Кроме того, ведутся совместные поисковые экспедиции в местах сражений у реки Халхин-Гол **[12]**. Россия совместно с монгольскими властями также способствует общей коммеморации, создавая новые "места памяти" (например, памятник

Г.К. Жукову и И.А. Плиеву, присвоение школы в Улан-Батор имени И.А. Плиева), а также сохраняя и поддерживая уже существующие **[38]**. Происходит публичный показ фильмов, закрепляющих общее понимание прошлого. ЦБ Монголии выпускает памятную монету, а Почта Монголии выпускает почтовую марку в честь юбилея окончания войны **[19]**.

Общие коммеморативные мероприятия происходят и на территории РФ. Например, в 2017 году в парке Победы на Поклонной горе в Москве состоялась церемония открытия памятника "По дорогам войны", закрепляющая общность памяти о борьбе народов Монголии и России против фашизма, а также роль монгольской помощи СССР в период Второй мировой войны **[21]**. На открытии присутствовали представители МИД двух стран, парламентарии федерального и регионального уровня.

Именно на почве общей памяти развертываются обсуждения сотрудничества в области политики, а также в других областях, представляющих взаимный интерес **[1; 5; 23; 24; 31]**.

Большую активность по проведению общей политики памяти России и Монголии, а также продвижению "просоветского" нарратива проводит Посольство РФ в Монголии. Сюда входит широкий комплекс коммеморативных мероприятий: совместное возложение цветов, чествование ветеранов, торжественные приемы и концерты в посольстве перед Днём Победы, поддержка "мест памяти" о Второй мировой войне на территории Монголии, идентификация останков солдат и поиск родственников, общие научно-исследовательские работы, публикация секьюритизирующих общую память о Второй мировой войне заявлений, совместные исторические телепроекты, конкурсы сочинений и диктанты, концерты и прочее **[19; 22]**.

Кроме прямого государственного взаимодействия, можно проследить участие других интересантов взаимодействия из представителей бизнеса и НКО, научного сообщества: "ООО "Газопровод Союз Восток" и "Монгольского Союза обществ дружбы", Военно-исторический научно-исследовательский центр Монгольского оборонного научно-исследовательского института, "Роснефть", "РЖД" и "Ростех". Отдельно стоит упомянуть организацию Российское историческое общество, проводящую и поддерживающую различные памятные мероприятия, в том числе организующая съёмку документального и художественного фильмов о событиях на реке Халхин-Гол **[4; 9; 29]**.

Важным элементом данных отношений являются, согласно терминологии А.В. Михалева, "местнорусские": "потомки забайкальских казаков, китайцев, старообрядцев, столыпинских переселенцев и более поздних эмигрантов из Восточной Сибири, бежавших от тотальной коллективизации", скорее поддерживающие триумфальный советско-российский нарратив в Монголии **[17]**. Это проявляется, например, через участие в шествиях "Бессмертного полка" **[7]**.

Необходимо отметить, что некорректно констатировать наличие полного монолитного консенсуса относительно позитивного наследия и сегодняшнего состояния отношений России и Монголии. Продуцируемый внутренними и внешними акторами "демократический" нарратив, а также дискурс национализма иначе расставляет акценты и навязывает иные выводы относительно политических перспектив развития Монголии. Симптоматичным является большое количество комментариев под публикацией в монгольском СМИ, связанного с заявлением Председателя Государственной Думы РФ, В.В. Володина о необходимости изучения русского и использования русского языка в современной Монголии, где просматриваются чрезвычайно критические оценки, а также дискуссия относительно приоритетов внешней политики страны **[44]**.

Таким образом, влияние нарратива о Второй мировой войне на российско-монгольские отношения отчётливо прослеживается, общий нарратив достаточно сильно пересекается и увязывается с доминирующим "мифом основания", это подтверждается широким спектром коммеморативных мероприятий, риторикой на высшем политическом уровне, наличием совместных научных и художественных проектов и т.д.

В целом, заявление о нейтралитете Монголии в области политики памяти не вполне соответствует действительности. Монгольский дискурс явно кренится в сторону солидаризации с современным российским нарративом о

Второй мировой войне. Инерция социалистического периода, необходимость легитимации современной государственности через недавнюю историю, связанную с МНР и её взаимодействие с СССР, вынуждает Монголию выстраивать политику памяти, значительно солидаризируясь с РФ и КНР. При этом, необходимо отметить наличие в монгольском политическом дискурсе иных интерпретаций Второй мировой войны, критически относящихся к социалистическому наследию и отсылающих к концепции "третьего соседа".

Литература

1. 75-летие победы на Халхин-Голе // Администрация Президента РФ. URL: http://special.kremlin.ru/catalog/countries/MN/events/46553 (дата обращения: 20.04.2024).
2. Базаров В.Б. Григорьева Ю.Г. Восточноазиатское взаимодействие в монгольской контактной зоне в XXI в // Власть. 2016. №11. С. 205–208.
3. Батунаев Э.В. Монголия в борьбе за независимость: от Халхин-Гола до Ялты (1939–1945 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. №2 (41). С. 37–43.
4. В Монголии открылась совместная российско-монгольская историко-документальная выставка "Халхин-Гол – 1939" // Сайт Российского исторического общества. URL: https://historyrussia.org/sobytiya/vystavki/v-mongolii-otkrylas-vystavka-priurochennaya-k-80-letiyu-pobedy-na-reke-khalkhin-gol.html (дата обращения: 20.04.2024).
5. Встреча с Президентом Монголии Ухнагийн Хурэлсухом // Администрация Президента России. URL: http://special.kremlin.ru/catalog/countries/MN/events/72519 (дата обращения: 20.04.2024).
6. Вышла в свет коллективная монография российских и монгольских ученых "Монголия во Второй мировой войне (1939–1945 гг.)" // Сайт ИМБТ СО РАН. URL: https://www.imbt.ru/about_the_university/news/1945/?sphrase_id=1143 (дата обращения: 20.04.2024).
7. Две тысячи жителей Улан-Батора приняли участие в акции "Бессмертный полк"// Глагол. Иркутское обозрение. URL: https://glagol38.ru/text/08-05-2022/007 (дата обращения: 20.04.2024).
8. Делегация института приняла участие в международной конференции "Битва на Халхин-Голе – 80" в Улан-Баторе // Сайт ИМБТ СО РАН. URL: https://www.imbt.ru/about_the_university/news/1799/ (дата обращения: 20.04.2024).
9. "Добрые соседи – единый дух". Интервью с послом Монголии в РФ // Сайт Российского исторического общества. URL: https://historyrussia.org/proekty/80-letie-bitvy-na-khalgin-gole-1939-goda/dobrye-sosedi-edinyj-dukh-intervyu-s-poslom-mongolskoj-narodnoj-respubliki-v-rossijskoj-federatsii.html (дата обращения: 20.04.2024).
10. Документальный фильм "Подвиги на войне у реки Халхин-Гол" будет представлен общественности // Информационное агентство Montsame. URL: https://www.montsame.mn/ru/read/199302 (дата обращения: 20.04.2024).
11. Дьяченко Н.В. Национальное и культурное наследие в контексте политики памяти в Республике Алтай и Монголии // Известия Восточного института. 2023. № 3. С. 48–59.
12. Иркутские поисковики продолжают работы в районе битвы на Халхин-Голе // Глагол. Иркутское обозрение. URL: https://glagol38.ru/text/27-06-2019/poisk (дата обращения: 20.04.2024).
13. Кирчанов М.В. Политика памяти в Монголии в конце 2010-х – нач. 2020-х гг.: участники, тематика и перспективы развития // Известия Восточного института. 2023. № 1. С. 131–146
14. Курас Л.В. Вторая мировая война и Монголия: современная российско-монгольская историография // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение. 2013. №2 (49). С. 124–131.
15. Михалёв А.В. "Русский квартал" Улан-Батора: коллективная память и классификационные практики // Вестник Евразии. 2008. № 2. С. 6–28.
16. Михалев А.В. Монголия как национализирующееся государство: опыт постсоветских трансформаций // Полит. наука. 2011. №2 . С. 193–207.
17. Михалев А.В. Создавая врага: "местнорусские" в Монголии // Обозреватель – Observer. 2015. №9 (308). С. 105–119.
18. Михалев А.С. Символы советского присутствия в постсоциалистической Монголии // Полит. наука. 2020. №2. С. 126–142.
19. Монголия // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/mn/?FILTER-SECTION=44&COUNTRY_CODE=mn (дата обращения: 20.04.2024).
20. Норовсамбуу Х. Образ России и россиян в Монголии: историческая память и современность // Вестник КИГИ РАН. 2017. №5 (33). С. 11–20.
21. Памятник "По дорогам войны" на Поклонной горе // Российское информационное агентство Рустим. URL: https://rus.team/landmarks/pamyatnik-po-dorogam-vojny-na-poklonnoj-gore (дата обращения: 20.04.2024).

22. Памятники и захоронения советских воинов в Монголии // Сайт Посольства Российской Федерации в Монголии. URL: https://mongolia.mid.ru/ru/bilateral-relations/khalkhin_gol/pamyatniki_i_zakhoroneniya_sovetskikh_voinov_v_mongolii/ (дата обращения: 20.04.2024).

23. Переговоры с Президентом Монголии Ухнагийн Хурэлсухом // Администрация Президента России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/67373 (дата обращения: 20.04.2024).

24. Президенты России и Монголии возложили венок к памятнику Георгию Жукову // Администрация Президента России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/61433 (дата обращения: 20.04.2024).

25. Проблематика мест памяти. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / Пер. с фр.: Дина Хапаева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.

26. Сампилдэндэвийн Ч. О вкладе Монголии в Великую Победу // Уральский федеральный университет. URL: https://fapug.urfu.ru/ru/proekty/nasha-obshchaja-pobeda-2020/mongolija/ (дата обращения: 20.04.2024).

27. Серебряков Е.А., Зуляр Р.Ю. Патриотическое воспитание молодежи как важнейший элемент политической социализации (на примере молодежных экспедиций на Халхин-Гол) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2015. №. 12. С.146–153.

28. Терентьев В.И. Монголия в "постколониальной риторике" // Свободная мысль. 2020. № 5 (1683). С. 161–170.

29. Фонд "История Отечества" подписал меморандум о создании фильма "Халхин-Гол" // Сайт Российского исторического общества. URL: https://historyrussia.org/proekty/80-letie-bitvy-na-khalgin-gole-1939-goda/fond-istoriya-otechestva-podpisal-memorandum-o-sozdanii-filma-khalkhin-gol.html (дата обращения: 20.04.2024).

30. Цыренова М.Г., Аюшиева И.Г. Международный образовательный проект "Политические репрессии в России и Монголии: историческая память" // Вестник БГУ. 2011. №8. С. 255–260.

31. Эксклюзивное интервью Президента Монголии У.Хурэлсуха первому заместителю генерального директора ТАСС М.С.Гусману // Сайт посольства РФ в Монголии. URL: https://mongolia.mid.ru/ru/embassy/news/eksklyuzivnoe_intervyu_prezidenta_mongolii_u_khurelsukha_pervomu_zamestitelyu_generalnogo_direktora_/ (дата обращения: 20.04.2024).

32. "Алсын хараа-2050" Монгол улсын урт хугацааны хөгжлийн бодлогын хүрээнд 2021–2030 онд хэрэгжүүлэх үйл ажиллагаа // Монгол улсын Засгийн газар = Действия, подлежащие реализации в 2021–2030 годах в рамках долгосрочной политики развития Монголии "Видение-2050" // Правительство Монголии. URL: https://www.spa.gov.mn/n/1357 (дата обращения: 20.04.2024).

33. Ахмад дайчин Ц.Чимэдцэрэнд ОХУ-ын ЭСЯ-наас хүндэтгэл үзүүлэв // Мэдээллийн МОНЦАМЭ агентлаг = Ветеран Т.Чимедцерен чествовали в Посольстве Российской Федерации // Информационное агентство Montsame. URL: https://www.montsame.mn/mn/read/334296 (дата обращения: 20.04.2024).

34. Бидний тухай: Орос болон Хятадын сүүдрээс өсөн дэвшиж буй Монгол // iSee.mn Үнэнийг мэдээлнэ = О нас: Монголия вырастает из тени России и Китая // iSee.mn. URL: https://isee.mn/n/53417 (дата обращения: 20.04.2024).

35. Г.К. Жуковын дурсгалын музей // Монгол цэргийн музей = Мемориальный музей Г.К. Жукова // Монгольский военный музей. URL: http://militarymuseum.mod.gov.mn/г-к-жуковын-дурсгалын-музей/ (дата обращения: 20.04.2024).

36. Гуравдагч хөршийн бодлого // Монгол улсын Гадаад харилцааны яам = Политика третьего соседства // Министерство иностранных дел Монголии. URL: https://mfa.gov.mn/mongolian-foreign-policy/дипломат-харилцаа/third-neighbors (дата обращения: 20.04.2024).

37. Дэлхийн хоёрдугаар дайн = Вторая мировая война // Википедия – свободная энциклопедия. URL: https://mn.wikipedia.org/wiki/ Дэлхийн_хоёрдугаар_дайн (дата обращения: 20.04.2024).

38. "К.Жуковын хөшөөг Дорнод аймагт босгоно" гэж Оросын элчин сайдын яамнаас мэдэгджээ // iSee.mn Үнэнийг мэдээлнэ = "В Восточной провинции будет установлен памятник К. Жукову", - сообщили в российском посольстве // iSee.mn. URL: https://isee.mn/n/56728 (дата обращения: 20.04.2024).

39. "Монгол ба Япон XX–XXI зуунд: "Гуравдагч хөрш"-ийн харилцааны түүх" номын нээлт // Монгол улсаас Япон улсад суугаа элчин сайдын яам = Открытие книги "Монголия и Япония в XX–XXI веке: история отношений "третьего соседа" // Сайт посольства Японии в Монголии. URL: https://www.mn.emb-japan.go.jp/itpr_ja/20220125mn.html (дата обращения: 20.04.2024).

40. Монгол Улс, Япон Улсын улс төрийн харилцаа // Монгол улсаас Япон улсад суугаа элчин сайдын яам = Политические отношения между Монголией и Японией // Сайт посольства Японии в Монголии. URL: https://tokyo.embassy.mn/subcategory/936 (дата обращения: 20.04.2024).

41. Монгол улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал // Монгол улсын Гадаад харилцааны яам = Концепция национальной безопасности Монголии // Министерство иностранных дел Монголии. URL: https://mfa.gov.mn/ монгол-улсын-үндэсний-аюулгүй-байдлы (дата обращения: 20.04.2024).

42. Монгол-Оросын дипломат харилцааны 98 жилийн ой тохиож байна // Мэдээллийн МОНЦАМЭ агентлаг = Приближается 98-я годовщина установления монголо-российских дипломати-

ческих отношений // Информационное агентство Montsame. URL: https://www.montsame.mn/ru/read/206014 (дата обращения: 20.04.2024).

43. "Ой Тэмдэглэх тухай" Монгол улсын засгийн газрын тогтоол // Монгол Улсын Засгийн газрын эрх зүйн мэдээллийн нэгдсэн систем = Решение Правительства Монголии "О Праздновании Юбилея" // Интегрированная правовая информационная система Правительства Монголии. URL: https://legalinfo.mn/mn/detail/10973 (дата обращения: 20.04.2024).

44. Оросын Думын дарга В.В.Володин айлчлалынхаа үеэр "Монгол Улсад орос хэл сурах, хэрэглэхэд шаардлагатай бүх нөхцөл бүрдэнэ гэдэгт найдаж байна" гэж мэдэгджээ // iSee.mn Үнэнийг мэдээлнэ = Глава российской Думы В.В. Володин заявил в ходе своего визита: "Мы надеемся, что в Монголии будут все необходимые условия для изучения и использования русского языка" // Сайт iSee.mn. URL: https://isee.mn/n/55232 (дата обращения: 20.04.2024).

45. Оросын Ерөнхий сайд М.Мишустин, Ерөнхий сайд Л.Оюун-Эрдэнэд хандан "Москвад ирвэл хамт борщ идье" гэжээ // iSee.mn Үнэнийг мэдээлнэ = Обращаясь к премьер-министру России М. Мишустину и премьер-министру Л. Оюн-Эрдену, сказал: "Давайте вместе поедим борщ, когда приедем в Москву" // iSee.mn. URL: https://isee.mn/n/56513 (дата обращения: 20.04.2024).

46. Сайн мэдээ: Манай улс эрх чөлөөний индексээр Япон, БНСУ-тай нэг түвшинд жагсжээ // iSee.mn Үнэнийг мэдээлнэ = Хорошие новости: Наша страна находится на одном уровне с Японией и Южной Кореей по индексу свободы // iSee.mn. URL: https://isee.mn/n/19058 (дата обращения: 20.04.2024).

47. Халх голын дайн // Монголын цахим хуудасны түүх = Война на реке Халх // Сайт История Монголии. URL: https://mongoltoli.mn/history/h/646 (дата обращения: 20.04.2024).

48. Эрдэнэбилэг Б.: 1945 оны чөлөөлөх дайнд оролцохдоо монголчууд тусгаар тогтнолоо хүлээн зөвшөөрүүлэх, монгол овогтноо нэгтгэхийг зорьсон = Б. Эрдэнэбилег: В 1945 году, когда монголы вступили в освободительную войну, они хотели признать свою независимость и объединить свои монгольские племена // Сайт Gogo.mn/. URL: gogo.mn/r/w43yg (дата обращения: 20.04.2024).

49. Япон ба Монгол: Архивын баримтаар дамжуулан бидний түүх // Монгол улсаас Япон улсад суугаа элчин сайдын яам = Япония и Монголия: Наша история через архивные записи // Сайт посольства Японии в Монголии. URL: https://www.archives.go.jp/about/activity/international/jp_mn50/mongolian/index.html (дата обращения: 20.04.2024).

50. Япон, АНУ Монголын ардчилал, гуравдагч хөршийн бодлогыг дэмжихээ илэрхийлжээ // iSee.mn Үнэнийг мэдээлнэ = Япония и США выразили поддержку демократии Монголии и политике третьего соседа // iSee.mn. URL: https://isee.mn/n/42492 (дата обращения: 20.04.2024).

51. Японы парламентын төлөөлөгчдийн танхимын гишүүд Монгол Улсад иржээ // iSee.mn Үнэнийг мэдээлнэ = Члены Палаты представителей парламента Японии прибыли в Монголию // iSee.mn. URL: https://isee.mn/n/39709 (дата обращения: 20.04.2024).

References

1. 75th anniversary of the victory at Khalkhin Gol // Administration of the President of the Russian Federation. URL: http://special.kremlin.ru/catalog/countries/MN/events/46553 (accessed 20.04.2024). (In Russ.).

2. Bazarov V.B. Grigorieva Yu.G. East Asian interaction in the Mongolian contact zone in the 21st century // Power. 2016. No. 11. P. 205–208. (In Russ.).

3. Batunaev E.V. Mongolia in the struggle for independence: from Khalkhin Gol to Yalta (1939–1945) // Ojkumena. Regional Researches. 2017. No. 2 (41). P. 37–43. (In Russ.).

4. A joint Russian-Mongolian historical and documentary exhibition "Khalkin Gol - 1939" opened in Mongolia. // Website of the Russian Historical Society. . URL: https://historyrussia.org/sobytiya/vystavki/v-mongolii-otkrylas-vystavka-priurochennaya-k-80-letiyu-pobedy-na-reke-khalkhin-gol.html (accessed 20.04.2024). (In Russ.).

5. Meeting with the President of Mongolia Ukhnagiin Khurelsukh // Administration of the President of Russia. URL: http://special.kremlin.ru/catalog/countries/MN/events/72519 (accessed 20.04.2024). (In Russ.).

6. A collective monograph of Russian and Mongolian scientists "Mongolia in the Second World War (1939–1945)" has been published // Website of the Institute of Biomedical Theology SB RAS. URL: https://www.imbt.ru/about_the_university/news/1945/? sphrase_id=1143 (accessed 20.04.2024). (In Russ.).

7. Two thousand residents of Ulaanbaatar took part in the "Immortal Regiment" campaign // Verb. Irkutsk review. URL: https://glagol38.ru/text/08-05-2022/007 (accessed 20.04.2024). (In Russ.).

8. The delegation of the institute took part in the international conference "The Battle of Khalkhin Gol - 80" in Ulaanbaatar // Website of the IMBT SB RAS. URL: https://www.imbt.ru/about_the_university/news/1799/ (accessed 20.04.2024). (In Russ.).

9. "Good neighbors - one spirit." Interview with the Ambassador of Mongolia to the Russian Federation // Website of the Russian Historical Society. URL: https://historyrussia.org/proekty/80-letie-bitvy-na-khalgin-gole-1939-goda/dobrye-sosedi-edinyj-dukh-intervyu-s-poslom-mongolskoj-narodnoj-respubliki-v-rossijskoj-federatsii.html (accessed 20.04.2024). (In Russ.).

10. The documentary film "Feats in the War near the Khalkhin Gol River" will be presented to the public // Montsame Information Agency. URL: https://www.montsame.mn/ru/read/199302 (accessed 20.04.2024). (In Russ.).
11. Dyachenko N.V. National and cultural heritage in the context of memory policy in the Altai Republic and Mongolia // Oriental Institute Journal. 2023. No. 3. P. 48–59. (In Russ.).
12. Irkutsk search engines continue to work in the area of the Battle of Khalkhin Gol // Verb. Irkutsk review. URL: https://glagol38.ru/text/27-06-2019/poisk (accessed 20.04.2024). (In Russ.).
13. Kirchanov M.V. The politics of memory in Mongolia in the late 2010s – early 2020s: participants, topics and development prospects // Oriental Institute Journal. 2023. No. 1. P. 131–146 (In Russ.).
14. Kuras L.V. The Second World War and Mongolia: modern Russian-Mongolian historiography // Scientific notes of ZabSU. Series: Philology, history, oriental studies. 2013. No. 2 (49). P. 124–131. (In Russ.).
15. Mikhalev A.V. "Russian Quarter" of Ulaanbaatar: collective memory and classification practices // Bulletin of Eurasia. 2008. No. 2. P. 6–28. (In Russ.).
16. Mikhalev A.V. Mongolia as a nationalizing state: the experience of post-Soviet transformations // Political Science. 2011. No. 2. P. 193–207. (In Russ.).
17. Mikhalev A.V. Creating an enemy: "local Russians" in Mongolia // Observer - Observer. 2015. No. 9 (308). P. 105–119. (In Russ.).
18. Mikhalev A.S. Symbols of the Soviet presence in post-socialist Mongolia // Polit. the science. 2020. No. 2. P. 126–142. (In Russ.).
19. Mongolia // Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/mn/?FILTER-SECTION=44&COUNTRY_CODE=mn (accessed 20.04.2024). (In Russ.).
20. Norovsambuu H. The image of Russia and Russians in Mongolia: historical memory and modernity // Bulletin of KIGI RAS. 2017. No. 5 (33). P. 11–20. (In Russ.).
21. Monument "On the Roads of War" on Poklonnaya Hill // Russian Information Agency Rustim. URL: https://rus.team/landmarks/pamyatnik-po-dorogam-vojny-na-poklonnoj-gore (accessed 20.04.2024). (In Russ.).
22. Monuments and burial places of Soviet soldiers in Mongolia // Website of the Embassy of the Russian Federation in Mongolia. URL: https://mongolia.mid.ru/ru/bilateral-relations/khalkhin_gol/pamyatniki_i_zakhoroneniya_sovetskikh_voinov_v_mongolii/ (accessed 20.04.2024). (In Russ.).
23. Negotiations with the President of Mongolia Ukhnagiin Khurelsukh // Administration of the President of Russia. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/67373 (accessed 20.04.2024). (In Russ.).
24. The Presidents of Russia and Mongolia laid a wreath at the monument to Georgy Zhukov // Administration of the President of Russia. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/61433 (accessed 20.04.2024). (In Russ.).
25. Problems of places of memory. France-memory / P. Nora, M. Ozouf, J. de Puimezh, M. Vinok / Trans. from French: Dina Khapaeva. St. Petersburg: St. Petersburg Publishing House. Univ., 1999, p. 17–50. (In Russ.).
26. Sampildendeviin Ch. About Mongolia's contribution to the Great Victory // Ural Federal University. URL: https://fapug.urfu.ru/ru/proekty/nasha-obshchaja-pobeda-2020/mongolija/ (accessed 20.04.2024). (In Russ.).
27. Serebryakov E.A., Zulyar R.Yu. Patriotic education of youth as the most important element of political socialization (on the example of youth expeditions to Khalkhin Gol) // News of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious Studies. 2015. No. 12. P. 146–153 (In Russ.).
28. Terentyev V.I. Mongolia in "postcolonial rhetoric" // Free Thought. 2020. No. 5 (1683). P. 161–170. (In Russ.).
29. The History of the Fatherland Foundation signed a memorandum on the creation of the film "Khalkin Gol" // Website of the Russian Historical Society. URL: https://historyrussia.org/proekty/80-letie-bitvy-na-khalgin-gole-1939-goda/fond-istoriya-otechestva-podpisal-memorandum-o-sozdanii-filma-khalkhin-gol.html (accessed 20.04.2024). (In Russ.).
30. Tsyrenova M.G., Ayushieva I.G. International educational project "Political repressions in Russia and Mongolia: historical memory" // Bulletin of BSU. 2011. No. 8. P. 255–260. (In Russ.).
31. Exclusive interview of the President of Mongolia U. Khurelsukh to the First Deputy General Director of TASS M.S. Gusman // Website of the Russian Embassy in Mongolia. URL: https://mongolia.mid.ru/ru/embassy/news/eksklyuzivnoe_intervyu_prezidenta_mongolii_u_khurelsukha_pervomu_zamestitelyu_generalnogo_direktora_/ (accessed 20.04.2024). (In Russ.).
32. Actions to be implemented in 2021–2030 within the framework of Mongolia's long-term development policy "Vision 2050" / / Government of Mongolia. URL: https://www.spa.gov.mn/n/1357 (accessed 20.04.2024). (In Mong.).
33. Veteran T. Chimedtseren was honored at the Embassy of the Russian Federation // Montsame Information Agency. URL: https://www.montsame.mn/mn/read/334296 (accessed 20.04.2024). (In Mong.).
34. About us: Mongolia is growing out of the shadow of Russia and China // iSee.mn. URL: https://isee.mn/n/53417 (accessed 20.04.2024). (In Mong.).
35. Mongolian Military Museum. URL: http://militarymuseum.mod.gov.mn/g-k-zhukovyn-dursgalyn-museum/ (accessed 20.04.2024). (In Mong.).

36. Third Neighborhood Policy // Ministry of Foreign Affairs of Mongolia. URL: https://mfa.gov.mn/mongolian-foreign-policy/diplomat-hariltsaa/third-neighbors (accessed 20.04.2024). (In Mong.).
37. World War II // Wikipedia - the free encyclopedia. URL: https://mn.wikipedia.org/wiki/ Delhiin_khoordugaar_dain (accessed 20.04.2024). (In Mong.).
38. "A monument to K. Zhukov will be erected in the Eastern Province," the Russian Embassy reported // iSee.mn. URL: https://isee.mn/n/56728 (accessed 20.04.2024). (In Mong.).
39. Opening of the book "Mongolia and Japan in the 20–21st century: the history of relations between the "third neighbor" / / Website of the Japanese Embassy in Mongolia. URL: https://www.mn.emb-japan.go.jp/itpr_ja/20220125mn.html (accessed 20.04.2024). (In Mong.).
40. Political relations between Mongolia and Japan // Website of the Japanese Embassy in Mongolia. URL: https://tokyo.embassy.mn/subcategory/936 (accessed 20.04.2024). (In Mong.).
41. National Security Concept of Mongolia // Ministry of Foreign Affairs of Mongolia. URL: https://mfa.gov.mn/ mongol-ulsyn-undesniy-ayuulguy-baidly (accessed 20.04.2024). (In Mong.).
42. The 98th anniversary of the establishment of Mongolian-Russian diplomatic relations is approaching // Montsame Information Agency. URL: https://www.montsame.mn/ru/read/206014 (accessed 20.04.2024). (In Mong.).
43. Decision of the Government of Mongolia "On the Celebration of the Anniversary" // Integrated legal information system of the Government of Mongolia. URL: https://legalinfo.mn/mn/detail/10973 (accessed 20.04.2024). (In Mong.).
44. Head of the Russian Duma V.V. Volodin said during his visit: "We hope that Mongolia will have all the necessary conditions for learning and using the Russian language" // Website iSee.mn. URL: https://isee.mn/n/55232 (accessed 20.04.2024). (In Mong.).
45. Addressing the Prime Minister of Russia M. Mishustin and Prime Minister L. Oyun- Erden, they said: "Let's eat borscht together when we arrive in Moscow" // iSee.mn. URL: https://isee.mn/n/56513 (accessed 20.04.2024). (In Mong.).
46. Good news: Our country is on the same level with Japan and South Korea on the freedom index // iSee.mn. URL: https://isee.mn/n/19058 (accessed 20.04.2024). (In Mong.).
47. War on the Khalkh River // Website History of Mongolia. URL: https://mongoltoli.mn/history/h/646 (accessed 20.04.2024). (In Mong.).
48. B. Erdenebileg: In 1945, when The Mongols entered the war of liberation, they wanted to recognize their independence and unite their Mongol tribes // Gogo website. mn/. URL: gogo.mn/r/w43yg (accessed 20.04.2024). (In Mong.).
49. Japan and Mongolia: Our history through archival records // Website of the Japanese Embassy in Mongolia. URL: https://www.archives.go.jp/ about/activity/international/jp_mn50/mongolian/index.html (accessed 20.04.2024). (In Mong.).
50. Japan and the USA expressed support for Mongolia's democracy and the policy of the third neighbor // iSee.mn. URL: https://isee.mn/n/42492 (accessed 20.04.2024). (In Mong.).
51. Members of the House of Representatives of the Japanese Parliament arrived in Mongolia // iSee.mn. URL: https://isee.mn/n/39709 (accessed 20.04.2024). (In Mong.).

◆

Информация об авторе

Пацеля Ярослав Славикович, ассистент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета; аспирант Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: patcelia.ias@dvfu.ru

Information about the author

Yaroslav S. Patselia, Assistant, Department of Political Science, Far Eastern Federal University; Postgraduate Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: patcelia.ias@dvfu.ru

Поступила в редакцию 30.05.2023 Одобрена после рецензирования 19.08.2024 Принята к публикации 28.08.2024

Received 30.05.2023 Approved 19.08.2024 Accepted 28.08.2024

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 110–123.
Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 110–123.

Научная статья
УДК 327
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/110-123

Китай и США в Океании: аспекты геополитического соперничества

Иван Николаевич Золотухин
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, zolivnik@mail.ru
Анастасия Алексеевна Леонова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, leonova.aal@dvfu.ru
Ярослав Юрьевич Найдин
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, naidin.yy@dvfu.ru

Аннотация: В статье рассматривается присутствие США и Китая в Океании в ракурсе их стратегического противостояния, обусловленного стремлением укрепить позиции в значимом для их геополитических интересов регионе. В работе затронуты особенности американской внешней политики в Океании, долгое время считавшейся сферой влияния США и их союзника Австралии, но в последние годы, благодаря активизации Китая, превращающуюся в арену борьбы между Вашингтоном и Пекином. В фокусе внимания статьи – наращивание Китаем своего экономического и политического присутствия в Океании путём удовлетворения потребностей островных стран Тихоокеанского бассейна, вовлечения их в инициативу «Пояса и пути» и поддержки их стремления к самостоятельному внешнеполитическому курсу.
Ключевые слова: *Океания, Китай, США, регион, конфликт, противостояние, конкуренция, геополитика*

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда ДВФУ и Дальневосточного федерального университета. Проект № 22-08-06-006

Для цитирования: Золотухин И. Н., Леонова А. А., Найдин Я. Ю. Китай и США в Океании: аспекты геополитического соперничества // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 110–123. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/110-123

Original article
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/110-123

China and the USA in Oceania: the aspects of geopolitical rivalry

Ivan N. Zolotukhin
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, zolivnik@mail.ru
Anastasia A. Leonova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, leonova.aal@dvfu.ru
Naydin Y. Yurievich
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, naidin.yy@dvfu.ru

Abstract: The article examines the presence of the United States and China in Oceania from the perspective of their strategic confrontation, determined by the desire to strengthen their positions in a region that is significant for their geopolitical interests. The work touches on the peculiarities of American foreign policy in Oceania, which has long been considered a sphere of influence of the United States and its ally Australia, but in recent years, owing to the activation of China, it has become an arena of struggle between Washington and Beijing. The article focuses on China's expansion of its economic and political presence in Oceania by meeting the needs of the Pacific Island countries, involving them in the Belt and Road Initiative and supporting their desire for an independent foreign policy. The downside of China's rise in Oceania is seen as a clash of Chinese and American interests. The struggle between the United States and China for dominance in Oceania is a challenge for island countries seeking to develop a strategy of conflict-free interaction in relations with global players.
Key words: *Oceania, China, the Unites States of America, region, conflict, confrontation, competition, geopolitics*

The study was carried out with financial support from the FEFU Foundation and the Far Eastern Federal University. Project No. 22-08-06-006

For citation: Zolotukhin I. N., Leonova A. A., Naydin Ya. Yu. China and the USA in Oceania: the aspects of geopolitical rivalry // Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 110–123. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/110-123

Введение

Океания длительное время оставалась на периферии внимания в контексте мировых событий. Традиционно вопросами международной повестки, связанной со странами Океании были и остаются глобальные экологические вызовы (изменение климата и связанное с ним повышение уровня мирового океана, ликвидация последствий стихийных бедствий, дефицит пресной воды). Однако возрастающая турбулентность международных процессов не обошла стороной островные территории Океании, обладающие существенным стратегическим потенциалом. Наличие природных ресурсов, близость к ключевым морским маршрутам, дислокация на островах военных баз делают данный регион особо привлекательным для влиятельных международных игроков, конкурирующих за доминирование на мировой арене. Их присут-

© Золотухин И. Н., Леонова А. А., Найдин Я. Ю., 2024

ствие в Океании обуславливает вовлечение небольших островных государств в процессы трансформации международной среды, что сопряжено не только с возможностями расширения масштабов регионального сотрудничества, но и с рисками стать ареной столкновения внешнеполитических интересов и острого геополитического противостояния.

Проникновение Китая в Океанию

Китай начинает демонстрировать активность в Океании ещё в 1970-х гг. ввиду противоборства с Тайванем за дипломатическое признание со стороны стран региона. Постепенно Океания из периферии китайской внешней политики начинает попадать в сферу интересов Пекина, что было обусловлено наращиванием экономической мощи КНР и её активного вовлечения в международные процессы.

Взаимодействие с малыми государствами Тихого океана стало логичным продолжением расширения китайского влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе и касалось решения стратегических задач, связанных с обеспечением процветания и безопасности Поднебесной. Островные государства Тихого океана, контролирующие обширные территории, богатые залежами полезных ископаемых, древесиной, рыбой и ресурсами морского дна **[11],** расположенные на важных участках морских транспортных магистралей, оказались в фокусе внимания Китая.

Экономическое влияние КНР в регионе начало расти благодаря участию китайских государственных предприятий в инфраструктурных проектах (строительстве и реконструкции дорог, конференц-центров, портов и аэропортов). В 2006 г. Китай организовал Китайско-Тихоокеанский форум экономического развития и сотрудничества островных стран, а также начал подписание двусторонних соглашений по вопросам санитарии животных и растений, безопасности пищевых продуктов и доступа к продукции с такими странами, как Папуа – Новая Гвинея, Тонга, Самоа и Фиджи **[19]**.

Важным для китайских интересов является подключение стран Океании к инициативе "Пояс и путь", куда уже присоединились десять островных государств, включая Папуа – Новую Гвинею и Вануату, подписавших план кооперации. Вовлечение стран Океании в масштабный китайский проект происходит посредством предоставляемым Китаем льготных кредитов, которые идут, как отмечалось выше, преимущественно на инфраструктурные проекты. Всё большее признание получает роль Китая как активного поставщика капитала в Океанию. По данным Института Лоуи, в 2021 г. Китай вошёл в первую пятёрку государств-доноров региона и в тройку основных кредиторов **[37]**.

Впечатляющими темпами развивается товарооборот Китая со странами Океании: согласно данным Мирового банка, если в начале века он составлял менее 200 млн $, то через 20 лет достиг почти 9 млрд $. Особенно показательны цифры роста торговли КНР за период с 2001 по 2021 гг. с Маршалловыми островами, Папуа – Новой Гвинеей и Соломоновыми островами: в 15 раз (в КНР идёт ¾ импорта из Папуа – Новой Гвинеи), в 32 раза (при практически 100% превалировании китайского экспорта), в 70 раз (в КНР идёт 2/3 импорта Соломоновых островов) соответственно **[14]**. Китайская статистика говорит, что объём торговли между Китаем и региональными странами, имеющими дипломатические отношения с КНР с 1992 по 2021 гг. ежегодно рос в среднем на 13%. За 30 лет он вырос со 153 млн до 5,3 млрд $, т. е. более, чем в 30 раз. Китайские инвестиции в эти страны в 2021 г. превысили 2,7 млрд $ **[19]**.

Во время пандемии Covid-19 Китай через структуру "China – Pacific Island COVID-19 Response Fund" поставлял в страны Океании, имеющие с ним дипломатические отношения, средства индивидуальной защиты и медицинское оборудование под лозунгом: "Мы живем под одним солнцем", что позволяло выстраивать образ равенства между донорами и реципиентами **[16]**. С 2021 г. Китай начал передавать Океании крупные партии вакцины "Sinopharm" **[4, с. 180]**. Поднебесная и в дальнейшем продолжила стремиться быть гуманитарным донором, чтобы улучшить свой образ в глазах общественности островных стран. В частности, в 2022 г., когда Тонга испытала ужасные последствия извержения вулкана Хунга-Тонга-Хунга-Хаапай и сопутствующего цунами, КНР по просьбе островного правительства направила два воен-

ных корабля, которые в первой миссии доставили примерно 1400 т мобильных зданий, оборудования и еды **[13]**, что стало настоящим триумфом китайской "мягкой силы".

Экономическая и гуманитарная составляющие используются Китаем, в том числе, в качестве инструментов воздействия на внешнеполитические ориентиры стран Океании с целью препятствовать их дипломатическим отношениям с Тайванем. В настоящий момент из 11 государств – членов ООН, официально признающих КНР, лишь 3 представлены Океанией (Маршалловы острова, Республика Палау, Тувалу).

В ноябре 2014 г. Председатель КНР Си Цзиньпин посетил Фиджи, где провел встречу с лидерами островных стран Тихоокеанского региона для обсуждения стратегического партнерства и общих интересов. С Фиджи у Китая сложились тесные экономические отношения (Китай входит в тройку крупнейших торговых партнёров страны по импорту товаров), в период нахождения у власти военного правительства Ф. Баинимарамы между странами была создана почва для политического взаимодействия. Пекин оказал поддержку Суве, когда США, Австралия и их союзники решили прибегнуть к "умным санкциям" в отношении фиджийского руководства.

Беспрецедентный внешнеполитический интерес к региону со стороны КНР продемонстрировала десятидневная поездка (с 26 мая по 4 июня 2022 г.) по Океании министра иностранных дел Ван И, в ходе которой он посетил Соломоновы Острова, Кирибати, Самоа, Фиджи, Тонга, Вануату, Папуа – Новую Гвинею и Восточный Тимор. Целью визита главы китайского внешнеполитического ведомства было предложить каждой из этих стран многостороннее соглашение по экономике и безопасности и пятилетний план действий с Китаем **[5, с. 67]**. Однако лидеры Океании осторожно отнеслись к данному предложению, заявив, что предпочли бы рассматривать его под эгидой Форума тихоокеанских островов. Позже китайское правительство опубликовало документ, в котором указывалось, что оно продолжит добиваться заключения соглашения **[15]**.

Начав с Соломоновых Островов, Ван И продемонстрировал глубину отношений между Пекином и Хониарой. Вторая остановка, Кирибати, была сделана в расчёте на прогресс в восстановлении аэродрома на острове Кантон, о планах по модернизации взлётно-посадочной полосы которого стало известно после того, как в 2019 г. Кирибати вслед за Соломоновыми островами признали КНР **[12]**. Кантон, расположенный в 3 тыс. км к юго-западу от Гавайев и военных баз США, ранее использовался американцами для операций по отслеживанию космического пространства и ракет, а его двухкилометровая взлётно-посадочная полоса во время второй мировой войны принимала бомбардировщики дальнего действия. В случае успеха Китай получит стратегический объект на пересечении основных морских путей между Северной Америкой, Австралией и Новой Зеландией **[12]**.

В ходе турне китайского министра было подписано оборонное соглашение между КНР и Соломоновыми Островами, что явилось сигналом о выделении Пекином своего основного регионального партнёра. Оборонное соглашение предоставляет китайской стороне широкие права использования портовой инфраструктуры Соломоновых Островов и возможность применения вооруженных или полицейских сил для установления правопорядка на территории островов по требованию правительства **[23, p. 454]**.

Стоит отметить, что соглашение возникло не на пустом месте, учитывая кратный рост двусторонней торговли за 20 лет (китайский экспорт вырос в 167 раз, а импорт из Соломоновых островов в 46 раз). Кроме того, Китай предоставил Соломоновым островам пакет экономической помощи в размере 500 млн $ (что превышало двусторонний товарооборот) вскоре после признания Хониарой КНР **[8, с. 66]**.

Результатом соглашений стало то, что некоторым военным кораблям США уже было отказано в доступе к портам стран региона, близких к Пекину. В частности, на Соломоновых островах в августе 2022 г. и в Вануату в январе 2023 г. В обоих случаях корабли запросили доступ в порты для дозаправки и пополнения припасов, в чём им было отказано. В декабре 2022 г. Пекин впервые направил свой авианосец "Ляонин" недалеко от Гуама и провел военные учения в его западных водах. Государственные СМИ Китая отметили,

что операция "показала, что китайский авианосец готов защитить страну от атак США, начатых оттуда, включая попытки военного вмешательства в тайваньский вопрос" **[38]**.

Не менее важным фактором можно назвать наличие у Китая одной из самых разветвленных сетей дипломатических миссий в Океании. Представительств нет только в государствах, отклонивших политику "одного Китая" и признающих Тайвань. Дипломатические посланники КНР удивительно активны в информационном пространстве стран пребывания. Они публикуют статьи под своими именами, акцентируя внимание на достижениях КНР в развитии отношений со странами региона и негативной роли китайских недругов в крупных медиаресурсах Океании ("Fiji Sun", "Kaselehlie Press", "Post-Courier", "Matangi Tonga", "Daily Post"). Благодаря этому Китай стремится рассказать "собственную историю", которая отличается от господствующей прозападной фабулы **[43, с. 458]**.

Вместе с тем проникновение Китая в Океанию вызывает не только положительную реакцию у населения стран региона. В частности, решение М. Согаваре о дипломатическом признании КНР вызвало протесты со стороны населения Соломоновых островов (2019 и 2021 гг.), в ходе которых в Хониаре пострадало население "чайнатаунов". Последовавшее оборонное соглашение между Пекином и Хониарой показало, что китайское руководство с большим пониманием озаботилось необходимостью защиты своих граждан.

Нынешний премьер-министр Фиджи С. Рабука, несмотря на экономическую зависимость страны от Китая, обеспокоен растущим присутствием Пекина в регионе, что привело к заморозке предшествующих двусторонних договоренностей в военно-политической сфере **[25]**. Параллельно Рабука придерживается курса на сотрудничество с США, Австралией и Новой Зеландией. В мае 2023 г. Фиджи стала первой и пока единственной малой страной Океании, присоединившейся к Индо-Тихоокеанской экономической программе процветания, ответу Вашингтона на пекинскую инициативу "Пояса и пути" **[24]**.

Экономическое влияние Китая и продвижение его интересов в Океании не может не вызывать озабоченности у лидеров стран региона, особенно касательно взаимовыгодности сотрудничества с Поднебесной. По мнению П. Коннолли, в ответ на настойчивое проникновение Китая, в регионе формируется "новая меланезийская напористость", поддерживаемая растущим тихоокеанским регионализмом, которая проявляется в заинтересованности государств Океании получить ясность касательно природы инициативы "Пояса и пути" и выигрышности участия в ней **[17, p. 63]**.

Еще одним сложным аспектом отношений между Китаем и Океанией является рост численности китайского населения в регионе: с 2010 по 2022 гг. оно почти удвоилось (с 0,95 до 1,77 млн чел.) **[36]**, в том числе благодаря иммиграции китайцев. Несмотря на большое расстояние, китайские общины Океании стремятся поддерживать связи с Китаем, что создаёт условия для развития двусторонней торговли и бизнеса. С другой стороны, восприятие китайской диаспоры как инструмента внешнего влияния вряд ли способствует взаимопониманию между островными государствами и Китаем.

Таким образом, Пекин делает последовательные шаги, направленные на постепенное втягивание в орбиту своего влияния региона, который традиционно считается форпостом западной цивилизации, наиболее ярким свидетельством чего является наращивание Китаем экономического, дипломатического и стратегического сотрудничества со странами Океании. Опираясь на финансовые рычаги, Китай планомерно продвигает повестку на развитие политических связей со странами регионами, прощупывая возможности для военно-морского доступа в регион, хотя реализация подобного замысла в обозримом будущем маловероятна. Китаю важно сделать привлекательным своё присутствие в Океании, не дав своим геополитическим конкурентам воспользоваться его уязвимыми местами.

Океания во внешней политике США

Исторически присутствие США в Океании было в значительной степени обусловлено интересами безопасности: в первой половине XX в. на тихоокеанский вектор внешней политики Вашингтона повлиял фактор "японской

угрозы", а в годы холодной войны на территории о. Гуам, на Гавайских, Марианских и Маршалловых островах размещаются американские военные базы. Внимание США к Океании начало проявляться параллельно с заявленным президентом Б. Обамой курсом на стратегический "поворот" к Азиатско-Тихоокеанскому региону, что во многом было связано с необходимостью противостоять росту экономической и политической мощи Китая. Проникновение Китая в Океанию, где США контролируют практически всю Микронезию, означает выход ко второй островной дуге[1] американского сдерживания, что ставит под удар стратегические интересы Вашингтона и оспаривает сферу его геополитического влияния. По мнению М. Ослина, США расплачиваются за свою недальновидность в отношении Китая, которая объясняется тем, что у Америки не было опыта противодействия серьёзному противнику на Тихом океане со времен окончания Второй мировой войны **[3, с. 109].**

США чувствительно реагируют на решения стран Океании, идущие вразрез с американским видением ситуации в регионе. Например, в 2019 г. администрация Д. Трампа в ответ на слухи о строительстве китайской военной базы в Вануату и отказ от дипломатического признания Тайваня со стороны Хониары и Южной Таравы, отменила встречу вице-президента США М. Пенса с премьер-министром Соломоновых Островов М. Согаваре. Позже официальный представитель США заметил, что "решение Соломоновых Островов изменить свое дипломатическое признание с Тайваня на КНР будет иметь последствия" **[42]**. В октябре 2020 г. советник по национальной безопасности Р. О'Брайен обвинил Китай в незаконном рыбном промысле и преследовании судов в исключительных экономических зонах стран Индо-Тихоокеанского региона, что, по его мнению, угрожает региональной стабильности **[40]**.

Пандемия Covid-19 замедлила дипломатические действия США в Океании, тем не менее, Вашингтон сохранил формат виртуальных диалогов. При Д. Байдене динамика официальных визитов снова возросла, а с 2022 г. начался новый виток вовлечения США в дела стран Океании. В начале 2022 г. госсекретарь Э. Блинкен посетил Фиджи, чтобы представить обновленную стратегию для Индо-Тихоокеанского региона **[34]**. Визит такого уровня чиновника со стороны США в Океанию был совершен впервые за 37 лет. В апреле 2022 г. американская делегация совершила турне на Соломоновы острова, Фиджи и Папуа – Новую Гвинею с целью "продвижения свободного, открытого и устойчивого Индо-Тихоокеанского региона" **[30]**. Вскоре были открыты новые дипломатические миссии США в Республике Тонга и на Соломоновых островах, начались работы по открытию посольств на территории Кирибати (вскоре после того, как в Южной Тараве появилось посольство КНР) и Вануату (для которых Китай является крупнейшим кредитором).

Неотъемлемой частью попыток Вашингтона укрепить политические позиции в Океании стала инициатива "Партнёры в голубом Тихом океане" (июнь 2022 г.), заявленная как "инклюзивный, неформальный механизм для более эффективной поддержки тихоокеанских приоритетов" **[35]**. Однако в списке партнёров не было упомянуто ни одно государство Океании, что указывало на то, что Вашингтон и его союзники стремятся единолично определять региональную повестку.

Появление в 2022 г. Стратегии Тихоокеанского партнерства **[26]**, первой целостной программы США по отношению к странам Океании, не случайно совпало с подписанием оборонного соглашения между КНР и Соломоновыми островами. Параллельно Администрация Байдена также опубликовала "Дорожную карту партнёрства США и островов Тихого океана в XXI веке" **[33]**, пообещав выделить 810 млн $ в расширенные программы помощи островам.

В сентябре 2022 г. состоялся первый саммит США – Тихоокеанские островные страны, куда были приглашены 12 стран Океании. В 2023 г. Океанию посетили госсекретарь Э. Блинкен и министр обороны Л. Джордж. В сентябре того же года в Вашингтоне был проведён второй саммит США – Ти-

[1] Островные дуги (или цепи) – условно выделяемые американскими и китайскими военными группы островов в Тихом океане, представляющие собой рубежи сдерживания и блокады Китая. Островные дуги как бы образуют "кольца" по периметру Китая. Морской отрезок "кольца" "второй островной линии" распространяется от Японского архипелага до Малаккского пролива, включая архипелаг Кадзан, Марианские острова (в т.ч. Гуам), острова Палау **[9]**.

хоокеанские островные страны, по итогам которого стороны договорились проводить такие встречи каждые два года, начиная с 2025 г. **[41]**. Также на нём Байден объявил о признании Островов Кука и Ниуэ независимыми суверенными государствами и о намерении установить с ними дипломатические отношения.

Данные саммиты в какой-то степени дополняют участие США в многосторонних структурах южной Пацифики, прежде всего в Форуме тихоокеанских островов, важной региональной площадке, на которой принимаются решения о путях развития Океании. За более чем 50-летнюю историю своего существования эта многосторонняя структура, куда входят 18 членов, в том числе все независимые государства Меланезии, Полинезии и Микронезии (кроме Токелау и Уоллис и Футуна, являющихся ассоциированными членами), столкнулась с нарастающей геополитической конкуренцией в Океании, что привело к конфликтам внутри организации. Так в феврале 2021 г. государства Микронезии временно приостановили своё членство в организации в ответ на избрание секретарём Форума Г. Пуна, представителя Островов Кука, вместо президента Республики Палау С. Виппса.

На 51-м Форуме тихоокеанских островов представители США и КНР проигнорировали решение организаторов не проводить очную встречу с государствами-партнёрами: вице-президент США К. Харрис без официального приглашения выступила с докладом в онлайн формате на заседании Агентства по рыболовству ФТО, в то время как на этом же заседании присутствовали китайские дипломаты под прикрытием журналистов **[6, с. 77]**.

Знаменательным событием Форума стало заявление Харрис о комплексе мер, направленных на восстановление роли США в качестве важного партнера в регионе, которые включали назначение специального посланника президента на Форуме тихоокеанских островов, утроение расходов на экономическое развитие и экологическую повестку (до 60 млн $ в год в течение 10 лет), а также возвращение добровольцев Корпуса мира на Фиджи, Тонга, Зап. Самоа и Вануату. По мнению А. Паулз, заявление показало, что США прилагают усилия по "перезагрузке" отношений с тихоокеанскими странами, признавая непоследовательность своих действий в регионе **[27]**.

Заявление предвосхитило появление вышеупомянутой Стратегии Тихоокеанского партнерства и стало своего рода сигналом для союзников и стратегических партнёров США в Пацифике (Австралия, Новая Зеландия, Япония, Южная Корея), взаимодействие с которыми должно противостоять растущему китайскому влиянию в Океании. В то же время, тихоокеанские союзники Вашингтона, выражая обеспокоенность действиями Китая в регионе, не торопятся предпринимать активных мер по его сдерживанию, опасаясь подорвать десятилетиями выстраивавшуюся в Океании архитектуру регионализма. Они считают целесообразным придерживаться курса на экономическое сотрудничество с регионом (участвуя в том числе в освоении морских ресурсов), оказание гуманитарной помощи странам Океании (флагманом здесь остаётся Австралия, которая предоставляет гранты на суммы в несколько раз больше, чем Китай **[37]** и, в отличие от последнего, вкладывает деньги в социальные программы **[22]**), взаимодействие в рамках многосторонних региональных структур (прежде всего Форума тихоокеанских островов).

Однако если действия Китая будут восприняты Вашингтоном как посягательство на безопасность и вмешательство во внутренние дела стран Океании, маловероятно, что его союзники останутся в стороне, тем более что помимо интенсификации дипломатического взаимодействия в регионе США последовательно укрепляют здесь своё военное присутствие. Ещё при администрации Б. Обамы было объявлено о начале частичной передислокации американского военного контингента с Окинавы на Гуам. В феврале 2020 г. на атолле Кваджлейн (Маршалловы острова) была введена в строй система радарных установок второго поколения "Космический забор" **[18]**.

Усиление военных возможностей США в Индо-Пацифике с целью сдерживания Китая проявилось в создании в 2021 г. альянса AUKUS, в который вошли США, Великобритания и Австралия **[20]**. Альянс призван оказать помощь Австралии в строительстве атомных подводных лодок, при этом дефакто подразумевается его антикитайская направленность. Решение о создании альянса вызвало критику со стороны большинства стран Океании, где по-

сле холодной войны остались следы ядерных испытаний, угрожающих жизни населения. В рамках деятельности альянса США запланировали усилить систему ПРО военных баз на Гуаме, а в 2030 – 2050 гг. австралийские атомные субмарины будут бороздить безъядерную зону в южной части Тихого океана, что Великобритания и Франция могут делать уже сегодня **[1, с. 237]**.

В 2022 г. Пентагон объявил о размещении новой военной базы на территории Палау, а также о расширении военного присутствия в Федеративных Штатах Микронезии. Одним из наиболее значительных событий стало подписание соглашения о сотрудничестве в сфере обороны с Папуа – Новой Гвинеей в мае 2023 г., что сопровождалось массовыми протестами. Документ предусматривал предоставление американским войскам доступ к портам и аэропортам страны. Также отмечалось, что американские войска помогут расширить возможности армии Папуа – Новой Гвинеи, обеспечат необходимую инфраструктуру и укрепят возможности страны по гуманитарному реагированию **[10]**. В то же время министр иностранных дел Папуа – Новой Гвинеи Дж. Ткаченко заявил, что страна будет пытаться найти баланс в отношениях между США и Китаем, поскольку Китай является их важным экономическим и торговым партнером **[29]**. Однако обсуждение между Порт-Морсби и Пекином договора о безопасности и охране общественного порядка было заморожено после публичного призыва со стороны США не делать этого **[7].**

Помимо этого, США проводят военные учения со странами региона, имеющими постоянные армии – Папуа – Новой Гвинеей, Фиджи, Тонга – "Koa Moana" и "Pacific Pathways" **[21]**. Показательным жестом, направленным на укрепление позиций США в Океании стало одобренное американским Конгрессом выделение более 7 млрд $ в рамках продления договоров о свободной ассоциации трём государствам Микронезии (Маршалловы острова, Федеративные штаты Микронезии и Республика Палау). Тем самым США продлили право на исключительный доступ в территориальные воды и воздушное пространство этих государств, подразумевающее, в том числе, размещение здесь ракетных установок, проведение испытаний межконтинентальных баллистических ракет, а возможность запретить военный доступ в регион третьей стороне **[7]**.

США продолжают оказывать странам Океании материальную и техническую помощь, позиционируя себя в качестве предпочтительного партнёра и гаранта безопасности. Для США регион важен, прежде всего, со стратегической точки зрения – для обеспечения свободного прохождения военных судов и пролета авиации. После Второй мировой войны США оставались одним из главных патронов Океании, не допуская невыгодного для себя доминирования здесь внешних игроков. Однако за последние годы расширение в Океании китайского присутствия изменило ситуацию.

Контуры геополитического соперничества Вашингтона и Пекина в Океании

Китайско-американское геополитическое противостояние перемещается в Океанию, что для островных стран создаёт опасность оказаться между двух огней. Вовлечение Китая в жизнь островных стран сформировало ситуацию, при которой Вашингтону становится, невозможно остановить проникновение Пекина и остаётся только навёрстывать утраченные за последние годы позиции в регионе.

Решение Соломоновых островов подписать оборонное соглашение с КНР стало свидетельством того, что Китаю удалось внести раскол в стратегические планы своих геополитических оппонентов. Оборонное соглашение однозначно обеспокоило высшие политические круги США и Австралии, которые поняли, что попытки изменить позицию премьер-министра Соломоновых островов М. Согаваре бесполезны.

В то же время Китай и Соломоновы острова отрицают возможность создания постоянной военной базы ВМС КНР на территории южно-тихоокеанской страны, что можно расценивать по-разному. Не исключена вероятность размещения на островах технологий двойного назначения, хотя Хониара может использовать оборонное соглашение с Пекином как своего рода дипломатический шантаж с целью получения большей гуманитарной поддержки со

стороны других внерегиональных акторов (например, Индия уже активизировала двусторонние отношения с Соломоновыми островами).

С другой стороны, возможность создания военной базы может стать детерминантой усиления противоборства в регионе и привести к еще большим политическим разногласиям. В этих условиях Вашингтону может быть выгодно подпитывать в стране антикитайские настроения, а Пекину – усиливать двустороннее сотрудничество, чтобы сохранить занятые позиции и не допустить влияния США на политические круги Соломоновых островов.

В мае 2024 г. в стране прошли выборы, на которых победу одержал Дж. Манеле, бывший министр иностранных дел, который заявил о намерении продолжать развитие сотрудничества с Китаем, но, в то же время, в отличие от своего предшественника Совагаре, характеризуется как менее поляризующая фигура, способная уравновесить внешнюю поддержку как со стороны Китая, так и США **[28]**.

Для Соломоновых островов и других островных стран Океании жизненно важной стратегией является подход "Друзья – всем, враги – никому". Так, на саммите G7 в Хиросиме в мае 2023 г. страны Океании коллективно выступили с призывом к Китаю и США не привносить соперничество и конкуренцию в регион. М. Браун, премьер-министр Островов Кука, отметил, что для стран региона важно сотрудничать с глобальными игроками, которые должны прислушаться к их голосам и прекратить враждовать **[44]**.

В контексте взаимодействия стран Океании с Китаем и США большое значение имеет климатическая повестка. Катаклизмы, связанные с климатическими изменениями, представляют угрозу жизнедеятельности для островных стран, поэтому они приветствуют усилия крупных держав, направленные на борьбу с глобальными экологическими проблемами.

В этой связи США задекларировали множество проектов, посвящённых этой теме в Океании, в том числе и в рамках своей новой тихоокеанской стратегии в регионе. С другой стороны, климатическая повестка является одним из факторов борьбы стран Запада против Китая в Океании. Союзники США транслируют в медиапространстве нарративы о роли КНР в загрязнении окружающей среды и милитаризации островов в Южно-Китайском море, проводя прямые параллели с Океанией. Также отмечается угроза для стран Океании попасть в китайскую "долговую ловушку", подчёркиваются проблемы с правами человека в Поднебесной. Такое информационное влияние в перспективе может изменить ситуацию в сторону большей лояльности островных стран к Вашингтону. При этом упускаются из виду недостатки грантовой поддержки, которую США предоставляют малым странам, чтобы те оказались в односторонней зависимости от них, причём эта зависимость может носить не только экономический, но и геостратегический характер **[2, с. 207]**.

При этом страны Океании осознают, что усилия США в регионе являются ответом на возрастающую роль Китая, хотя Белый Дом заявляет, что в основе его политики в регионе лежит продолжение давних связей, основанных на общих ценностях, таких как демократическое управление и международный порядок, основанный на правилах **[39, p. 388]**. Вашингтон избегает упоминать тот факт, что Штаты ушли из Океании после окончания холодной войны, отводя роль "заместителя шерифа" в регионе Австралии.

Проблема конкуренции между США и Китаем в Океании поднималась на последней 52-й встрече Форума тихоокеанских островов, проведённой на атолле Раратонга (Острова Кука) в ноябре 2023 г. В рамках мероприятия было подчёркнуто, что Океания всё чаще используется как геополитическая площадка для проецирования жёсткой силы **[20]**. Не имея возможности повлиять на разворачивающееся противостояние, островные страны могут лишь к нему адаптироваться. В этой связи генсек Форума тихоокеанских островов Г. Пуна призвал островные государства Тихого океана "извлечь выгоду из ситуации стратегического интереса великих держав, обеспечив устойчивые выгоды на десятилетия вперёд" **[32]**. Для самих малых островных стран, в свою очередь, это означает необходимость выбирать одну из сторон, что дестабилизирует внутреннее региональное единство, которое сохранялось долгие годы после обретения ими независимости.

Стоит также отметить, что хотя все страны Океании декларируют нейтралитет в отношении любых внешних акторов, на сегодняшний день в реги-

оне сформировались условные группы поддержки одной или другой стороны. Можно видеть, что Соломоновы острова и Кирибати активно приветствуют участие Китая в Океании. Другие страны региона демонстрируют более прохладное отношение к Поднебесной. В то же время подписание оборонного соглашения США с Папуа – Новой Гвинеей не вызвало энтузиазма у всех лидеров тихоокеанских стран. Здесь можно отметить отказ Палау от размещения ракетных батарей США, когда президент Сената Х. Баулес заявил, что наращивание американского присутствия является "интересом США, а не нашим" **[31]**.

Таким образом, островным странам Океании важно проявлять осторожность, выбирая предложения о сотрудничестве, отвечающие их интересам, дистанцируясь от примыкания к чьей-либо стороне. Однако в условиях возрастающей конкуренции между Китаем и США такой подход, вероятно, будет всё сложнее проводить в жизнь.

В условиях, когда каналы диалога между США и Китаем сужаются, для эффективной дискуссии в регионе остаются ограниченные возможности. Для стран Океании жизненно важным аспектом является сохранение своей независимости и суверенитета, поэтому им критически важно обеспечить взаимодействие с ведущими мировыми державами, которым по силам удовлетворить неотложные гуманитарные проблемы региона и обеспечить условия, чтобы голоса островных стран были услышаны в глобальных дискуссиях.

Заключение

В статье выдвинуто предположение, что Океания, традиционно считавшаяся регионом с ограниченным стратегическим значением, в настоящее время превращается в арену противостояния крупных внерегиональных акторов. Долгое время Вашингтон не воспринимал всерьёз намерения Пекина проникнуть в регион, однако подписание соглашения о сотрудничестве в области безопасности между Китаем и Соломоновыми островами значительно повлияли на расклад сил в Океании, подвигнув Белый Дом на ответные действия. США стремятся укрепить партнёрство с островными государствами и не допустить дальнейшего усиления китайского влияния, в Океании, однако темпы вовлечения Китая в регион указывают на то, что данный процесс уже невозможно остановить.

В настоящее время Китай активно развивает сотрудничество с островами, не признающими независимость Тайваня, используя, прежде всего, экономические возможности. Не стремясь вступать с США в конфронтацию, Китай наращивает присутствие посредством расширения торговли, распространения капитала, участия в решении проблем безопасности, попутно поощряя независимую политику стран Океании.

В то же время у США имеются военно-политические связи с тихоокеанскими партнёрами, поддержка которых может быть задействована в качестве ресурса для реализации в Океании сценария масштабной геополитической игры по сдерживанию Китая.

Между тем соперничество Пекина и Вашингтона в Океании грозит поляризацией настроений в малых островных государствах, что чревато превращением последних в объекты внешнеполитических манипуляций. Перед странами Океании стоит сложная задача – сохранить внутрирегиональное единство, дистанцируясь от попыток, борющихся за доминирование в акватории Тихого океана США и КНР перетянуть их на свою сторону.

Литература

1. Гарин А.А., Пале С.Е. Место Соломоновых островов и Кирибати в геополитическом мышлении Китая // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. №3 (52). С. 234–253.

2. Гарин А.А. Роль США в Океании: попытки восстановить присутствие в регионе на фоне роста влияния КНР // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. №3 (56). С. 204–212.

3. Золотухин И.Н. Геополитическое измерение архитектуры Индо-Тихоокеанской безопасности: вызовы, сценарии, последствия // Известия Восточного института. 2021. №4 (53). С. 107–115.

4. Муратшина К.Г. КНР и страны Океании в период пандемии COVID-19: помощь с китайской спецификой // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. №4 (61). С. 178–187.

5. Пале С. Е. Китай, Австралия и страны Океании: кто с кем против кого // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Т. 2. №. 2 (55). С. 64–73.

6. Пале С. Е. Роль Форума тихоокеанских островов в большой игре мировых держав // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Т. 4. №. 4 (57). С. 72–83.

7. Портякова Н. США откупились от китайской угрозы // Коммерсантъ. 10.03.2024. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6561342 (дата обращения: 26.06.2024).

8. Степанов А.С. Океания, Австралия и Новая Зеландия в контексте американо-китайского соперничества // США & Канада. 2020. №12 (50). С. 62–71.

9. Шитов А.В. "Цепи островов" в понимании китайских специалистов // Центр военно-политических исследований. 11.09.2020. URL: http://eurasian-defence.ru/?q=node/47571 (дата обращения: 30.06.2024).

10. Agreement Between the United States of America and Papua New Guinea Signed at Port Moresby. 22.05.2023 // The State Department. Official Web site. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2023/10/63374-Papua-New-Guinea-Defense-08.16.2023.pdf (дата обращения: 04.07.2024).

11. Australia and Oceania: Resources // National Geographic Society. URL: https://education.nationalgeographic.org/resource/oceania-resources/ (дата обращения: 01.07.2024).

12. Barrett J. China plans to revive strategic Pacific airstrip, Kiribati lawmaker says// Reuters. 5.05.2021. URL: https://www.reuters.com/article/world/china-plans-to-revive-strategic-pacific-airstrip-kiribati-lawmaker-says-idUSKBN2CM0IY/ (дата обращения: 29.06.2024).

13. China and tsunami-hit Tonga hold aid ceremony on eve of Blinken Pacific meeting // South China Morning Post. 11.02.2022. URL: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3166652/china-and-tsunami-hit-tonga-hold-aid-ceremony-day-blinken (дата обращения: 30.06.2024).

14. China Trade Statistics// World Integrated Trade Solutions. URL: https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/CHN (дата обращения: 01.07.2024).

15. China's Position Paper on Mutual Respect and Common Development with Pacific Island Countries. 30.05.2022 // Embassy of the People's Republic of China in the United States of America. Official Web site. URL: https://us.china-embassy.gov.cn/eng/zgyw/202205/t20220531_10694923.htm (дата обращения: 31.07.2024).

16. China-Pacific (PIF) Cooperation fund 2020 to support Trade, Pacific COVID19 response // Pacific Island Forum. 30.09.2020. URL: https://forumsec.org/publications/china-pacific-pif-cooperation-fund-2020-support-trade-pacific-covid19-response (дата обращения: 28.06.2024).

17. Connolly P. The Belt and Road comes to Papua New Guinea: Chinese geoeconomics with Melanesian characteristics? // Security Challenges. 2020. Vol. 16. N. 4, Geo-Economics in the Indo-Pacific. P. 41–64.

18. Eversden A. New Space Fence radar is officially online// C4IRP Net. 31.03.2020. URL: https://www.c4isrnet.com/intel-geoint/isr/2020/03/30/new-space-fence-radar-is-officially-online/ (дата обращения: 30.06.2024).

19. Fact Sheet: Cooperation Between China and Pacific Island Countries. 24.05.2022 // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. Official Web site. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/202205/t20220524_10691917.html (дата обращения: 01.07.2024).

20. Fifty-Second Pacific Islands Forum Rarotonga, Cook Islands. 6-10.11.2023 // Pacific Islands Forum Secretariat. Official Web site. URL: https://forumsec.org/sites/default/files/2024-03/52nd%20Pacific%20Islands%20Forum%20Communique%2020231109.pdf (дата обращения: 01.07.2024).

21. Hester W. Task Force Koa Moana: Building from the Basics // US INDOPACOM. 24.06.2016. URL: https://www.pacom.mil/Media/News/News-Article-View/Article/812323/task-force-koa-moana-building-from-the-basics/ (дата обращения: 01.07.2024).

22. Hollingsworth J. Why China is challenging Australia for influence over the Pacific Islands // CNN. 22.07.2019. URL: https://edition.cnn.com/2019/07/22/asia/china-australia-pacific-investment-intl-hnk/index.html (дата обращения: 26.07.2024).

23. McDougall D. China ups the ante: the new Chinese security agreement with Solomon Islands // The Round Table. The Commonwealth Journal of International Affairs. 2022. Vol. 111. №. 3. P. 453–454.

24. Miller M. E., Abbott M. China hoped Fiji would be a template for the Pacific. Its plan backfired // The Washington Post. 21.08.2023. URL: https://www.washingtonpost.com/world/interactive/2023/china-fiji-police-mou-pacific-islands/ (дата обращения: 02.07.2024).

25. Movono L, Dziedzic S. Fiji PM orders Chinese police out of country, saying no need for them in Pacific police force // ABC.net News. 28.03.2024. URL: https://www.abc.net.au/news/2024-03-28/fiji-orders-chinese-police-to-leave-the-country/103640992 (дата обращения: 10.07.2024).

26. Pacific Partnership Strategy of the United States // The White House. Official Web site. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/09/Pacific-Partnership-Strategy.pdf (дата обращения: 30.06.2024).

27. Panapasa G. US announces new embassies in major Pacific push as it jostles with China for influence in region // The Guardian. 12.07.2022. URL: https://www.theguardian.com/world/2022/jul/12/us-to-open-two-new-embassies-in-pacific-as-it-jostles-with-china-for-influence-in-region (дата обращения: 30.07.2024).

28. Piringi C. Solomon Islands chooses China-friendly ex-diplomat Jeremiah Manele as new prime minister // The Guardian. 2.05.2024. URL: https://www.theguardian.com/world/2024/may/02/solomon-islands-new-pm-prime-minister-jeremiah-manele (дата обращения: 26.06.2024).

29. Qin Gang Meets with Minister of Foreign Affairs of Papua New Guinea Justin Tkachenko // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. Official Web site. 30.03.2023. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/wjb_663304/wjbz_663308/activities_663312/202303/t20230331_11052360.html (дата обращения: 23.06.2024).

30. Readout of Senior Administration Travel to Hawaii, Fiji, Papua New Guinea, and Solomon Islands. 22.04.2022 // The White House. Official Web site. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/04/22/readout-of-senior-administration-travel-to-hawaii-fiji-papua-new-guinea-and-solomon-islands/ (дата обращения: 24.06.2024).

31. Reklai L.N. Patriot missile plan stirs debate in Palau // Benar News. 4.10.2023. URL: https://www.rfa.org/english/news/pacific/palau-missile-10042023223611.html (дата обращения: 24.06.2024).

32. Remarks: PIF SG Henry Puna at the 2023 Pacific Power Up Meeting // Pacific Island Forum. 26.10.2023. URL: https://forumsec.org/publications/remarks-pif-sg-henry-puna-2023-pacific-power-meeting (дата обращения: 28.06.2024).

33. Roadmap for a 21st-Century U.S.-Pacific Island Partnership 2022 // The White House. Official Web site. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/09/29/fact-sheet-roadmap-for-a-21st-century-u-s-pacific-island-partnership/ (дата обращения: 26.06.2024).

34. Secretary Antony J. Blinken and Acting Fijian Prime Minister Aiyaz Sayed-Khaiyum at a Joint Press Availability. Remarks. 12.02.2022 // The State Department. Official Web site. URL: https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-and-acting-fijian-prime-minister-aiyaz-sayed-khaiyum-at-a-joint-press-availability/ (дата обращения: 05.07.2024).

35. Statement by Australia, Japan, New Zealand, the United Kingdom, and the United States on the Establishment of the Partners in the Blue Pacific (PBP), 2022 // The White House. Official Web site. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/24/statement-byaustralia-japan-new-zealand-the-united-kingdom-and-the-united-states-on-theestablishment-of-the-partners-in-the-blue-pacific-pbp (дата обращения: 04.07.2024).

36. The Global Chinese Diaspora Today. Overview and Mission Trends // China Source. 11.03.2024. URL: https://www.chinasource.org/resource-library/articles/the-global-chinese-diaspora-today/ (дата обращения: 24.07.2024).

37. The Pacific Aid Map // The Lowy Institute. 2021. URL: https://pacificaidmap.lowyinstitute.org/ (дата обращения: 11.07.2024).

38. Tirziu A. China is making waves in the Pacific // GIS Report. URL: https://www.gisreportsonline.com/r/china-pacific-conflict/ (дата обращения: 06.07.2024).

39. Uddin M. J., Lau R. K. S. Rules-based International Order and US Indo-Pacific Strategy: What Does It Mean for China's BRI? // Journal of Liberty and International Affairs. 2023. Vol. 9. N 1. P. 386–400.

40. US Coast Guard to tackle China 'illegal' fishing in Pacific. // The Philippine Star. 25.10.2020. URL: https://qa.philstar.com/headlines/2020/10/25/2052094/us-coast-guard-tackle-china-illegal-fishing-pacific (дата обращения: 28.06.2024).

41. U.S. - Pacific Island Forum Leader's Summit. 25–26.09.2023 // The State Department. Official Web site. URL: https://www.state.gov/u-s-pacific-island-forum-leaders-summit/#:~:text=September%2025%2D26%2C%202023%20in,taking%20place%20September%2025%2D26 (дата обращения: 05.07.2024).

42. U.S. reassessing aid to Solomon Islands after Taiwan ties cut // Reuters. 19.09.2019. URL: https://www.reuters.com/article/idUSKBN1W32RK/ (дата обращения: 05.07.2024).

43. Wallis J., Geyi X., Waqavakatoga W., Priestley H., and Koro M. Ordering the islands? Pacific responses to China's strategic narratives // The Chinese Journal of International Politics. 2023. Vol. 16, №. 4. P. 457–481.

44. Williams A. PM Brown arrives in Japan for G7 Summit// Cook Islands News. 19.05.2023. URL: https://www.cookislandsnews.com/uncategorised/internal/national/economy/pm-brown-arrives-in-japan-for-g7-summit/ (дата обращения: 28.06.2024).

References

1. Garin A.A., Pale S.E. The place of the Solomon Islands and Kiribati in the geopolitical thinking of China // Southeast Asia: current problems of development. 2021. No. 3 (52). P. 234–253. (In Russ.).

2. Garin A.A. The role of the United States in Oceania: attempts to restore its presence in the region against the backdrop of the growing influence of the PRC // Southeast Asia: current problems of development. 2022. No. 3 (56). P. 204–212. (In Russ.).

3. Zolotukhin I.N. Geopolitical dimension of the Indo-Pacific security architecture: challenges, scenarios, consequences // Oriental Institute Journal. 2021. No. 4 (53). P. 107–115. (In Russ.).

4. Muratshina K.G. China and the countries of Oceania during the COVID-19 pandemic: assistance with Chinese characteristics // Southeast Asia: current problems of development. 2023. No. 4 (61). P. 178–187. (In Russ.).
5. Pale S. E. China, Australia and the countries of Oceania: who is with whom against whom // Southeast Asia: current problems of development. 2022. T. 2. No. 2 (55). P. 64–73. (In Russ.).
6. Pale S. E. The role of the Pacific Islands Forum in the great game of world powers // Southeast Asia: current problems of development. 2022. T. 4. No. 4 (57). P. 72–83. (In Russ.).
7. Portyakova N. The United States bought off the Chinese threat // Kommersant. 10.03.2024. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6561342 (accessed 26.06.2024) (In Russ.).
8. Stepanov A.S. Oceania, Australia and New Zealand in the context of US-Chinese rivalry // USA & Canada. 2020. No. 12 (50). P. 62–71. (In Russ.).
9. Shitov A.V. "Chains of islands" in the understanding of Chinese specialists // Center for Military-Political Research. 09/11/2020. URL: http://eurasian-defence.ru/?q=node/47571 (accessed 30.06.2024) (In Russ.).
10. Agreement Between the United States Of America And Papua New Guinea Signed at Port Moresby. May 22, 2023 // The State Department Official Web site. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2023/10/63374-Papua-New-Guinea-Defense-08.16.2023.pdf (accessed 04.07.2024).
11. Australia and Oceania: Resources // National Geographic Society. URL: https://education.nationalgeographic.org/resource/oceania-resources/ (accessed 01.07.2024).
12. Barrett J. China plans to revive strategic Pacific airstrip, Kiribati lawmaker says// Reuters May 5, 2021. URL: https://www.reuters.com/article/world/china-plans-to-revive-strategic-pacific-airstrip-kiribati-lawmaker-says-idUSKBN2CM0IY/ (accessed 29.06.2024).
13. China and tsunami-hit Tonga hold aid ceremony on eve of Blinken Pacific meeting // South China Morning Post. February 11, 2022. URL: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3166652/china-and-tsunami-hit-tonga-hold-aid-ceremony-day-blinken (accessed 30.06.2024).
14. China Trade Statistics// World Integrated Trade Solutions. URL: https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/CHN (accessed 01.07.2024).
15. China's Position Paper on Mutual Respect and Common Development with Pacific Island Countries. 30.05.2022 // Embassy of the People's Republic of China in the United States of America. Official Web site. URL: https://us.china-embassy.gov.cn/eng/zgyw/202205/t20220531_10694923.htm (accessed 31.07.2024).
16. China-Pacific (PIF) Cooperation fund 2020 to support Trade, Pacific COVID19 response // Pacific Island Forum. 30.09.2020. URL: https://forumsec.org/publications/china-pacific-pif-cooperation-fund-2020-support-trade-pacific-covid19-response (accessed 28.06.2024).
17. Connolly P. The Belt and Road comes to Papua New Guinea: Chinese geoeconomics with Melanesian characteristics? // Security Challenges. 2020. Vol. 16. No. 4, Geo-Economics in the Indo-Pacific. P. 41–64.
18. Eversden A. New Space Fence radar is officially online// C4IRP Net. 31.03.2020. URL: https://www.c4isrnet.com/intel-geoint/isr/2020/03/30/new-space-fence-radar-is-officially-online/ (accessed 30.06.2024).
19. Fact Sheet: Cooperation Between China and Pacific Island Countries. 24.05.2022 // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. Official Web site. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/202205/t20220524_10691917.html (accessed 01.07.2024).
20. Fifty-Second Pacific Islands Forum Rarotonga, Cook Islands. 6-10.11.2023 // Pacific Islands Forum Secretariat. Official Web site. URL: https://forumsec.org/sites/default/files/2024-03/52nd%20Pacific%20Islands%20Forum%20Communique%2020231109.pdf (accessed 01.07.2024).
21. Hester W. Task Force Koa Moana: Building from the Basics // US INDOPACOM. 24.06.2016. URL: https://www.pacom.mil/Media/News/News-Article-View/Article/812323/task-force-koa-moana-building-from-the-basics/ (accessed 01.07.2024).
22. Hollingsworth J. Why China is challenging Australia for influence over the Pacific Islands // CNN. 22.07.2019. URL: https://edition.cnn.com/2019/07/22/asia/china-australia-pacific-investment-intl-hnk/index.html (accessed 26.07.2024).
23. McDougall D. China ups the ante: the new Chinese security agreement with Solomon Islands // The Round Table. The Commonwealth Journal of International Affairs. 2022. Vol. 111. No. 3. P. 453–454.
24. Miller M. E., Abbott M. China hoped Fiji would be a template for the Pacific. Its plan backfired // The Washington Post. 21.08.2023. URL: https://www.washingtonpost.com/world/interactive/2023/china-fiji-police-mou-pacific-islands/ (accessed 02.07.2024).
25. Movono L, Dziedzic S. Fiji PM orders Chinese police out of country, saying no need for them in Pacific police force // ABC.net News. 28.03.2024. URL: https://www.abc.net.au/news/2024-03-28/fiji-orders-chinese-police-to-leave-the-country/103640992 (accessed 10.07.2024).
26. Pacific Partnership Strategy of the United States // The White House. Official Web site. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/09/Pacific-Partnership-Strategy.pdf (accessed 30.06.2024).
27. Panapasa G. US announces new embassies in major Pacific push as it jostles with China for influence in region // The Guardian. 12.07.2022. URL: https://www.theguardian.com/world/2022/jul/12/

us-to-open-two-new-embassies-in-pacific-as-it-jostles-with-china-for-influence-in-region (accessed 30.07.2024).

28. Piringi C. Solomon Islands chooses China-friendly ex-diplomat Jeremiah Manele as new prime minister // The Guardian. 2.05.2024. URL: https://www.theguardian.com/world/2024/may/02/solomon-islands-new-pm-prime-minister-jeremiah-manele (accessed 26.06.2024).

29. Qin Gang Meets with Minister of Foreign Affairs of Papua New Guinea Justin Tkachenko // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. Official Web site. 30.03.2023. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/wjb_663304/wjbz_663308/activities_663312/202303/t20230331_11052360.html (accessed 23.06.2024).

30. Readout of Senior Administration Travel to Hawaii, Fiji, Papua New Guinea, and Solomon Islands. 22.04.2022 // The White House. Official Web site. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/04/22/readout-of-senior-administration-travel-to-hawaii-fiji-papua-new-guinea-and-solomon-islands/ (accessed 24.06.2024).

31. Reklai L.N. Patriot missile plan stirs debate in Palau // Benar News. 4.10.2023. URL: https://www.rfa.org/english/news/pacific/palau-missile-10042023223611.html (accessed 24.06.2024).

32. Remarks: PIF SG Henry Puna at the 2023 Pacific Power Up Meeting // Pacific Island Forum. 26.10.2023. URL: https://forumsec.org/publications/remarks-pif-sg-henry-puna-2023-pacific-power-meeting (accessed 28.06.2024).

33. Roadmap for a 21st-Century U.S.-Pacific Island Partnership 2022 // The White House. Official Web site. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/09/29/fact-sheet-roadmap-for-a-21st-century-u-s-pacific-island-partnership/ (accessed 26.06.2024).

34. Secretary Antony J. Blinken and Acting Fijian Prime Minister Aiyaz Sayed-Khaiyum at a Joint Press Availability. Remarks. 12.02.2022 // The State Department. Official Web site. URL: https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-and-acting-fijian-prime-minister-aiyaz-sayed-khaiyum-at-a-joint-press-availability/ (accessed 05.07.2024).

35. Statement by Australia, Japan, New Zealand, the United Kingdom, and the United States on the Establishment of the Partners in the Blue Pacific (PBP), 2022 // The White House. Official Web site. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/24/statement-byaustralia-japan-new-zealand-the-united-kingdom-and-the-united-states-on-theestablishment-of-the-partners-in-the-blue-pacific-pbp (accessed 04.07.2024).

36. The Global Chinese Diaspora Today. Overview and Mission Trends // China Source. 11.03.2024. URL: https://www.chinasource.org/resource-library/articles/the-global-chinese-diaspora-today/ (accessed 24.07.2024).

37. The Pacific Aid Map // The Lowy Institute. 2021. URL: https://pacificaidmap.lowyinstitute.org/ (accessed 11.07.2024).

38. Tirziu A. China is making waves in the Pacific // GIS Report. URL: https://www.gisreportsonline.com/r/china-pacific-conflict/ (accessed 06.07.2024).

39. Uddin M. J., Lau R. K. S. Rules-based International Order and US Indo-Pacific Strategy: What Does It Mean for China's BRI? // Journal of Liberty and International Affairs. 2023. Vol. 9. No 1. P. 386–400.

40. US Coast Guard to tackle China 'illegal' fishing in Pacific. // The Philippine Star. 25.10.2020. URL: https://qa.philstar.com/headlines/2020/10/25/2052094/us-coast-guard-tackle-china-illegal-fishing-pacific (accessed 28.06.2024).

41. U.S. - Pacific Island Forum Leader's Summit. 25-26.09.2023 // The State Department. Official Web site. URL: https://www.state.gov/u-s-pacific-island-forum-leaders-summit/#:~:text=September%2025%2D26%2C%202023%20in,taking%20place%20September%2025%2D26 (accessed 05.07.2024).

42. U.S. reassessing aid to Solomon Islands after Taiwan ties cut // Reuters. 19.09.2019. URL: https://www.reuters.com/article/idUSKBN1W32RK/ (accessed 05.07.2024).

43. Wallis J., Geyi X., Waqavakatoga W., Priestley H., and Koro M. Ordering the islands? Pacific responses to China's strategic narratives // The Chinese Journal of International Politics. 2023. Vol. 16. N. 4. P. 457–481.

44. Williams A. PM Brown arrives in Japan for G7 Summit// Cook Islands News. 19.05.2023. URL: https://www.cookislandsnews.com/uncategorised/internal/national/economy/pm-brown-arrives-in-japan-for-g7-summit/ (accessed 28.06.2024).

◆

Информация об авторах

Иван Николаевич Золотухин, канд. полит. наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: zolivnik@mail.ru

Анастасия Алексеевна Леонова, студент Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: leonova.aal@dvfu.ru

Ярослав Юрьевич Найдин, студент Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: naidin.yy@dvfu.ru

Information about the authors

Ivan N. Zolotukhin, Candidate of Political Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: zolivnik@mail.ru

Anastasia A. Leonova, Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: leonova.aal@dvfu.ru

Yaroslav Yu. Naydin, Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: naidin.yy@dvfu.ru

Поступила в редакцию 12.07.2023 Одобрена после рецензирования 09.08.2024 Принята к публикации 28.08.2024

Received 12.07.2023 Approved 09.08.2024 Accepted 28.08.2024

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 124–129.
Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 124–129.

Научная статья
УДК 030+93/94+908
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/124-129

О некоторых вопросах методики создания энциклопедии Якутии

Александр Сергеевич Андросов
Академия наук Республики Саха (Якутия), Якутск. Россия, argulet@mail.ru

Аннотация. В статье отражено развитие региональной энциклопедистики в Якутии, приведены методы составления энциклопедии Якутии (работа с методическими схемами, создание временных творческих коллективов, работа с научными организациями и авторами, проверка сведений в предоставленных статьях и др.), рассмотрена организация работы редакции "Энциклопедии Якутии" и тонкости взаимодействия редакторов и авторов статей в энциклопедическом издании. Выявлен круг проблем в деле создания региональной энциклопедии и на примерах из практики энциклопедистов Якутии предложены возможные варианты их решения.
Ключевые слова: *история, энциклопедия, региональная энциклопедистика, регионоведение, онлайн энциклопедия, научное книгоиздание*
Для цитирования: Андросов А. С. О некоторых вопросах методики создания энциклопедии Якутии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 124–129. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/124-129

Original article
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/124-129

About some issues of the methodology of creating an encyclopedia of Yakutia

Aleksander S. Androsov
Academy of Sciences Republic of Sakha (Yakutia). Yakutsk, Russia, argulet@mail.ru

Abstract. The article reflects the development of regional encyclopedistics in Yakutia, describes the methods of compiling the encyclopedia of Yakutia, examines the organization editors of the Encyclopedia of Yakutia and the subtleties of interaction between editors and authors of articles in encyclopedic work. A range of problems in the creation of a regional encyclopedia has been identified and using examples from the practice of encyclopedists of Yakutia, solutions to them have been proposed.
Key words: *history, encyclopedia, regional encyclopedistics, regional studies, online encyclopedia, scientific book publishing*
For citation: Androsov A. S. About some issues of the methodology of creating an encyclopedia of Yakutia // Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 124–129. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/124-129

Введение

"Энциклопедия Якутии" представляет собой универсальное справочно-энциклопедическое издание, в котором собраны сведения об административном устройстве, истории, науке и культуре Якутии, а также общественно-политической жизни, архитектуре, экономическом развитии и природно-климатических условиях. В энциклопедии содержатся краткие биографии людей, оставивших значимый след в истории или внёсших значительный вклад в развитие региона. Созданием региональной энциклопедии занимается отдел энциклопедистики Академии наук Республики Саха (Якутия). Не принижая значение предшествующих изданий справочно-энциклопедического характера в регионе, можно отметить, что для Якутии это первая попытка составления по правилам российской энциклопедистики универсальной 4-томной энциклопедии. Задачей публикации является освещение ряда важных вопросов составления энциклопедического труда: составление словника и разделов, что является началом энциклопедии и даёт ей направление развития; появление двух форматов (книжного и электронного) энциклопедии, что обусловлено развитием ИТ-технологий; взаимодействие редакторского коллектива с авторами статей энциклопедии, поскольку энциклопедия не может полностью составляться только редакторским коллективом и привлечение авторов является неизбежной необходимостью. У энцикопедистов Якутии есть первые успехи в виде собранного 1-го тома энциклопедии и действующего интернет-портала энциклопедии. В целях научного обмена опытом, в статье приведена информация о ходе работы редакции "Энциклопедии Якутии" и

© Андросов А. С., 2024

примеры из практической деятельности редакторов по ряду вопросов методики составления региональной энциклопедии.

Развитие энциклопедистики в Якутии и подготовка "Энциклопедии Якутии"

Деятельности отдела энциклопедистики предшествовала работа, начатая с 1990-х гг. по составлению двух томов "Энциклопедии Якутии" под редакцией д.и.н. Ф.Г. Сафронова, изданных в 2000 и 2007 гг. Этот труд был основан на принципе отраслевого комплектования томов: в 1-м томе статьи по истории, народному образованию и культуре, языкознанию, фольклору; во 2-м томе статьи по географии, биологии, геологии, сельскому хозяйству, медицине, архитектуре. "Издание же запланированного 3-го тома энциклопедии не было завершено" **[3, с. 46.]**.

Уже в рамках деятельности отдела энциклопедистики Академии наук Республики Саха (Якутия) был издан "Энциклопедический словарь Якутии" (2018, около 6 тыс. статей), созданный на другом принципе комплектования – алфавитном (от А до Я) **[5]**. Эта работа была продолжена в расширенном проекте создания универсальной "Энциклопедии Якутии". В 2021 г. была утверждена концепция этого труда и словник (перечень статей) в более чем 12 тыс. наименований, сформированный отделом энциклопедистики с привлечением известных в своих отраслях науки учёных, краеведов, с учётом предложений республиканских научных институтов, учреждений культуры, образования и др. **[2]**. Так, в словник были включены понятия, отражающие специфику региона: климатические особенности и наличие многолетней мерзлоты и, соответственно, особенности эксплуатации техники и технологий в условиях Севера и развития сельского хозяйства, научное мерзлотоведение; огромные пространства со сложным рельефом и геологическим строением, разнообразием растительного и животного мира; этнический состав населения; богатую историю, начиная с каменного века до начала XXI в. В словник были включены биографии персон, внёсших вклад в развитие региона и имеющих историческую известность или государственное признание, включая факты увековечения имени, наличие государственных наград и званий (ордена, звания заслуженных работников той или иной отрасли союзного/российского уровня, для некоторых категорий – специализированные, например для геологов – звание "первооткрыватель месторождения", для артистов – "народный артист" и др.).

В основе методологии энциклопедии Якутии лежит дескриптивный (описательный) подход. Но для составителей энциклопедии важно то, что, составив системный свод знаний о регионе на текущий момент, учёные и исследователи получат понимание, какие лакуны нуждаются в дополнительном изучении и какие разделы энциклопедии можно и нужно пополнять. С учётом развития электронных технологий, уже после издания книжных томов, энциклопедия будет пополняться и расширяться. Поскольку энциклопедия является региональной, то основной фильтр при вопросе о включении темы или персоны в словник – это принадлежность к истории и развитию Якутии. Также важно соблюдение определенного баланса между количеством понятийных статей и количеством биографий (в идеале соотношение 50 на 50%, но этот параметр довольно гибкий). Подготовка Энциклопедии Якутии идёт по 21 разделу и 61 подразделу, в конечном виде материалы издания будут представлены в алфавитном порядке от А до Я. Научно-методическую поддержку отделу энциклопедистики Академии наук РС(Я) предоставили коллеги из ГАУН Республики Башкортостан "Башкирская энциклопедия" и Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан. Предполагается создание 4-х томов "Энциклопедии Якутии", 1-й том охватывает статьи от А до В (более 2000 статей). Издание готовится в двух форматах: книжном и электронном (Интернет-портал). Интернет-портал действует на базе электронного модуля Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия) и является совместным проектом библиотеки и Академии наук Якутии **[6]**. Наличие электронной энциклопедии позволяет создателям проекта оперативно вносить коррективы в имеющиеся статьи, дополнять их медиафайлами (иллюстрации, аудио- и видеофайлы), в перспективе включать после издания печатной книги в энциклопедию новые статьи. Особенностью

электронного формата стало возвращение к отраслевому делению на разделы, в которые сгруппированы статьи, в то время как в книжном издании алфавитный принцип составления томов сохранился. Поскольку изначально в Концепции не было предусмотрено наличие интернет-портала и электронного формата энциклопедии, которые стали реальностью в процессе сотрудничества с Национальной библиотекой Республики Саха (Якутия), то энциклопедистам пришлось расширять фронт работы и наполнять базу данных созданного интернет-портала энциклопедии параллельно с работой над книжным томом. В электронном виде энциклопедические статьи даны без сокращений, которые присущи книге, в них предусмотрено больше иллюстративного и сопровождающего материала, курсивная отсылка из просматриваемого текста при нажатии на ссылку сразу выводит пользователя портала на страницу соответствующей статьи. Особенностью электронного формата является возможность при ознакомлении со списком литературы статьи ознакомиться с источниками в отдельности, при их наличии в фондах Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия).

Для создания статей энциклопедии в 2021 и 2022 гг. во временные творческие коллективы были приглашены ведущие ученые республики и специалисты в своих отраслях и сферах деятельности. Кроме того, было налажено сотрудничество с научными институтами, учреждениями культуры, образования и др., статьи принимались и от авторов на общественных началах, а также приветствовалось взаимодействие с лицами, предоставлявшими недостающие сведения, литературу, иллюстративные материалы. Несмотря на высокий научный уровень большинства представленных авторами статей, каждая из них требует внимания и времени, ведь после завершения работы временного творческого коллектива у редакторов идёт продолжительный этап работы по редактированию авторских статей, проверке изложенных в них сведений, подбору подходящего иллюстративного материала и параллельно – актуализации и пополнению словника, составлению статей по персоналиям и понятиям, для которых не нашлось авторов. Работа над размещением статей 1-го тома в электронном формате и работа по подготовке и изданию книжной версии 1-го тома "Энциклопедии Якутии" идут параллельно, но Интернет-портал открыт раньше издания печатной книги в целях научного рецензирования, ознакомления общественности, выявления и исправления тех или иных ошибок.

Вопросы методики работы над региональной энциклопедией

Процесс и требования по созданию статей для "Энциклопедии Якутии" уже знакомы многим ученым Якутии и некоторых других российских регионов. Энциклопедисты Якутии вынесли из своей практики ряд наблюдений, учёт которых может быть полезным как авторам статей энциклопедических и справочных изданий, так и энциклопедистам других регионов в их работе. Существуют свои правила составления и оформления включённых в энциклопедическое издание статей. Хотя наличие авторства у той или иной статьи приветствуется, в силу необходимости отражения в статье профессиональных знаний, которыми обладает привлеченный автор, но в энциклопедии должна быть и определённая унификация составления и оформления представляемых статей, что иногда приводит к противоречию между авторским взглядом и присущим автору стилем написания текстов с одной стороны и требованиями редакционной политики с другой. Прежде всего, это касается отбора необходимых сведений и объёма статей. Для любого энциклопедического издания существуют методические схемы, в которых перечислены те сведения, которые необходимо отразить в материале. То, что сверх списка необходимых сведений – необязательно, а часто и не нужно для статьи, для которой требуется краткость и сжатость излагаемой информации. Объём статьи также должен иметь верхние и нижние границы допустимого. В практике редакторов были случаи предоставления авторами статей в объёме десятков тысяч печатных знаков каждая при норме в 2–5 тысяч знаков, что вынуждало к отказу от приёма подобных материалов на редактирование. Конечно, инструктирование авторов статей ведётся, как и снабжение методическими материалами, и это помогает для налаживания эффективной работы, но влияние человеческого

фактора, когда автор забыл, или посчитал неважным то или иное требование редакторов, исключить нельзя.

Методические схемы для различных разделов и разных видов статей (по персоналиям или по понятиям) различаются. За основу в деятельности отдела энциклопедистики были взяты методические схемы "Башкирской энциклопедии", приспособленные под требования нашего издания **[4]**. При необходимости, для той или иной появившейся категории статей составляются новые методические схемы. Можно привести пример составленной методической схемы по медицинской науке/направлению (такие как ангиология, акушерство и гинекология и др.).

Методическая схема по медицинской науке / направлению

1. Название;
2. Дефиниция. Область науки и её место в системе медицины/здравоохранения;
3. История развития в регионе. Основные этапы, школы и направления. Важнейшие достижения и проблемы (с указанием фамилий учёных, внёсших фундаментальный вклад и организаторов);
4. Крупнейшие специализированные учреждения здравоохранения данного направления с датами создания;
5. Литература.

Таким же образом, по мере необходимости, на уровне редакторского коллектива можно составить методические схемы и для других категорий статей или разделов, в случае отсутствия нужной схемы в научно-методической литературе.

В процессе составления статей могут возникнуть также расхождения между принятыми в сфере профессиональной деятельности автора правилами оформления научной статьи и требуемыми правилами оформления статьи в энциклопедистике. Так, для авторов по биологии привычно выделять в тексте курсивом термины на латыни, что является для научной литературы по биологии нормой, в то время как в энциклопедистике курсивом принято в тексте выделять только отсылки на другие статьи в энциклопедии. Подобные расхождения в правилах оформления научных текстов в различных отраслях науки могут проявляться уже в процессе совместной работы редакторов и авторов статей и требовать дополнительного разъяснения и редактирования.

Отдельным вопросом является использование авторами при составлении своих статей открытых данных, прежде всего, материалов интернет-энциклопедии "Википедия". Онлайн-энциклопедии (Wiki-платформы) являются удобными в пользовании ресурсами, но отличаются привлечением широкого круга пользователей в качестве авторов статей, с чем связаны проблемы достоверности, верификации сведений **[1, с. 251]**. Поскольку сведения из "Википедии" нередко ошибочны, использовать этот ресурс необходимо с осторожностью и с проведением проверки данных, что может быть трудной задачей для авторов, привыкших в эпоху цифровизации полагаться на общедоступные ресурсы. Кроме того, тот или иной материал онлайн-энциклопедий дублируется на многих ресурсах, создавая впечатление точности информации, в силу её многократного повтора, хотя это может быть один и тот же текст. Проверку данных из подобных ресурсов редакторы старались проводить по первоисточникам и специальной литературе.

Сложность возникает и при сборе информации по персоналиям, малоизвестным за пределами узкой отрасли или сферы деятельности. По методической схеме о персоналиях необходимо отразить сведения о датах жизни и местах рождения и смерти, наименовании и дате окончания учебного учреждения, трудовой биографии, вкладе персоналии в развитие региона, или роли в истории, наградах и почётных званиях, привести качественное фото. Архивы могут отказать в сведениях о персоналиях, которые обычно предоставляются только лицам, имеющим родственные связи с искомой персоной, либо могут предоставлять сведения в рамках оказания коммерческих услуг, что является маловероятным вариантом для бюджетного учреждения при задаче поиска сведений по сотням и тысячам персоналий. Иногда удачным, но не оптимальным решением может стать обращение в организацию, в которой трудился человек, если такая продолжает действовать в наше время, либо получение сведений от общественных организаций (например, землячество района ре-

спублики, уроженцем которого была искомая персона). Но и такое решение может не дать результатов, особенно в условиях Якутии, когда значительная часть населения, резко увеличившегося в советский период за счёт притока специалистов в целях социально-экономического развития края, в постсоветское время выехала за пределы региона. Это же обстоятельство касается и людей некоторых профессий, например геологи могли работать в разных частях страны и имея вклад в развитие Якутии, являясь первооткрывателями её месторождений, продолжить свою трудовую деятельность в совсем другом регионе и выйти на заслуженный отдых в третьем, оставив в неизвестности о своей судьбе современных энциклопедистов. При невозможности составления полной биографической статьи приходится оставлять лакуны в биографиях, в слабой надежде когда-нибудь найти недостающие для статьи факты.

Ещё одним препятствием на пути поиска информации может стать наличие ошибочных данных на интернет-сайтах государственных и муниципальных учреждений. Отдел энциклопедистики столкнулся с затруднением, когда при составлении статей, в частности по административно-территориальному устройству (муниципальные районы республики, населённые пункты), на интернет-сайтах некоторых муниципальных образований в справочных данных об их истории были скопированы сведения из "Википедии" и её аналогов, либо подобные сведения отсутствовали. По истории населенных пунктов хорошим подспорьем может стать краеведческая литература, но не по каждому населённому пункту такая имеется. Также при составлении статей по населённым пунктам по методической схеме требуется отразить сведения о расположенных в них учреждениях здравоохранения, культуры и образования, а их устаревший список может быть в паспорте села или поселка с давностью в несколько лет, что вынуждает составителя статьи перепроверять сведения по другим источникам: отчётам правительства Якутии и глав муниципальных образований перед населением, открытым данным Федеральной налоговой службы России, спискам действующих организаций (например, на сайте rusprofile.ru), СМИ и др. Такие ситуации с недостаточностью или ошибочностью общедоступной информации часты, что сильно замедляет процесс создания статей, но долгое время подготовки энциклопедии является залогом полноты и достоверности составляющих её статей.

Когда набирается уже достаточно большое количество отредактированных статей, начинается этап ознакомления авторов с их материалами в предфинальном виде и сбора форм согласий на публикацию. Сбор согласий авторов стал одним из самых продолжительных по времени этапов уже в силу того, что согласия необходимы для тысяч статей, кроме того, некоторые авторы могли затянуть процесс в связи с несогласием с редакторскими правками того или иного текста или игнорированием необходимости заполнения форм согласия. Практика показала, что имеет смысл подумать над корректировкой сроков и условий сбора авторских согласий на публикацию статей.

Часть подобных рабочих моментов может быть типичной в деятельности коллективов составителей энциклопедических трудов, часть – иметь свою специфику в разных регионах.

Заключение

Процесс составления 1-го тома энциклопедии Якутии принёс определённые успехи, но также выявил некоторые затруднения в деятельности энциклопедистов Якутии, связанные с отсутствием ранее подобного опыта у составителей и авторов статей универсальной региональной энциклопедии и, соответственно, отсутствием наработанной методики работы. В то же время, отдел энциклопедистики организовал плодотворное сотрудничество как с отдельными учеными, так и с научными коллективами Якутии, рассчитанное на многолетнюю научную работу, что будет способствовать развитию краеведения и систематизации научных знаний о регионе. Успешное начало работы энциклопедистов стало возможным благодаря составлению словника с учётом предложений научных институтов, учреждений культуры, образования, предприятий, что сбалансировало разделы энциклопедии и позволило охватить самые разные отрасли знаний и хозяйства республики; сотрудничеству с Национальной библиотекой Якутии, что позволило создать Интернет-портал энциклопедии; привлечению авторов для написания статей, что значитель-

но ускорило процесс составления энциклопедии и также обеспечило качество сведений, представленных в статьях авторов – известных в своих отраслях знаний ученых и специалистов.

Знакомство с методикой составления того или иного энциклопедического издания и возможными затруднениями в рабочем процессе при составлении и редактировании статей является полезным знанием для авторов и редакторов энциклопедических и справочных изданий. Опыт и знания коллектива "Энциклопедии Якутии" будут регулярно обогащаться с учётом предстоящей работы по составлению следующих томов, что имеет свою ценность для развития региональной энциклопедистики в России.

Литература

1. Аглиуллина К. И., Гибадуллина Л. Н. Обзор региональных энциклопедических ресурсов субъектов РФ: к вопросу о региональном контенте общенационального энциклопедического портала // Современные наукоемкие технологии. 2020. № 11. С. 249–253.

2. Андросов А. С., Гоголева Д. А., Прокопьева Н. И., Филиппова В. В. Словник издания "Энциклопедия Якутии" на бумажном и электронном носителях. База данных. № 2022621105 от 18.05.2022 г.

3. Брагина Д. Г. Проблемы и опыт создания энциклопедических изданий в Республике Саха (Якутия) // Современная российская региональная энциклопедистика: место и роль в обществе, перспективы развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Уфа, 21–22 ноября 2019 г.). Уфа: [Башк. энцикл.], 2019. С. 46–49.

4. В помощь автору статей энциклопедических и справочных изданий: Методическое пособие. Уфа: Башкирская энциклопедия, 1998. 56 с.

5. Энциклопедический словарь Якутии / ред. кол.: Е. А. Борисов, д. экон. н. (гл. ред.); А. И. Гоголев, д.и.н., проф. (зам. гл. ред.), А. Н. Алексеев, д.и.н., проф. и др.; Акад. наук РС(Я). Новосибирск: Наука, 2018. 518 с.

6. Энциклопедия Якутии: квинтэссенция научных знаний // Виртуальная выставка. URL: https://old.nlrs.ru/exhibitions/ens-yakutia/ (дата обращения: 18.10.2023).

References

1. Agliullina K.I., Gibadullina L.N. Review of regional encyclopedic resources of the subjects of the Russian Federation: on the issue of the regional content of the national encyclopedic portal // Modern high technologies. 2020. No. 11. P. 249–253. (In Russ.).

2. Androsov A.S., Gogoleva D.A., Prokopyeva N.I., Filippova V.V. Dictionary of the publication "Encyclopedia of Yakutia" on paper and electronic media. Database. 2022. No. 2022621105 dated 05.18.2022. (In Russ.).

3. Bragina D.G. Problems and experience of creating encyclopedic publications in the Republic of Sakha (Yakutia) // Modern Russian regional Encyclopedistics: place and role in society, prospects for development: materials of the All-russian scientific and practical conference with the international participation (Ufa, November 21-22, 2019). Ufa: Bashk. encycl, 2019. P. 46–49. (In Russ.).

4. To help the author of articles in encyclopedic and reference publications: A methodological guide. Ufa: Bashkirskaya Encyclopedia, 1998. 56 p. (In Russ.).

5. Borisov E.A., Gogolev A.I., Alekseev A.N. ed. Encyclopedic Dictionary of Yakutia. Novosibirsk: The science, 2018. 518 p. (In Russ.).

6. Encyclopedia of Yakutia: the quintessence of scientific knowledge. Virtual exhibition. URL: https://old.nlrs.ru/exhibitions/ens-yakutia/ (accessed 18.10.2023). (In Russ.).

◆

Информация об авторе

Александр Сергеевич Андросов, научный сотрудник отдела энциклопедистки Академии наук Республики Саха (Якутия), Якутск, Россия, e-mail: argulet@mail.ru

Information about the author

Aleksander S. Androsov, Researcher Department of Encyclopedistics, Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Russia, e-mail: argulet@mail.ru

Поступила в редакцию 15.04.2023 Одобрена после рецензирования 12.08.2024 Принята к публикации 28.08.2024

Received 15.04.2023 Approved 12.08.2024 Accepted 28.08.2024

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 130–133.
Oikumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 130–133.

Рецензия
УДК 336.018(045)
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/130-133

Рецензия на сборник документов "Славной памяти 1812 года": Южный Урал и южноуральцы в Отечественной войне и Заграничном походе русской армии"

Сергей Дмитриевич Батищев
Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия, batischew.sergey2015@yandex.ru

Аннотация. В рецензии даётся оценка и анализ сборника документов, в который вошёл ряд исторических источников, демонстрирующих участие Южного Урала в Отечественной войне 1812 г. и в Заграничном походе русской армии в 1813 и 1814 гг. Автор рецензии выделяет два условных тематических блока, на которые можно разделить опубликованные документы, и представляет источники, вошедшие в них. Делаются выводы о важности таких изданий не только для отдельно взятого региона, но и для страны в целом.
Ключевые слова: *Южный Урал, Отечественная война 1812 г., мемориализация, память*
Для цитирования: Батищев С. Д. Рецензия на сборник документов "Славной памяти 1812 года": Южный Урал и южноуральцы в Отечественной войне и Заграничном походе русской армии" // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 130–133. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/130-133

Review
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/130-133

Review of the collection of documents "Glorious Memory of 1812": The Southern Urals and South Urals in the Patriotic War and the Foreign campaign of the Russian army"

Sergey D. Batishchev
Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, batischew.sergey2015@yandex.ru

Abstract. The review presents and analyzes a collection of documents, which includes sources showing the participation of the Southern Urals in the Patriotic War of 1812 and in the foreign campaign of the Russian army in 1813 and 1814. The author of the review identifies two conditional thematic blocks into which the published documents can be divided, and presents the sources included in them. Conclusions are drawn about the importance of such publications not only for a particular region, but also for the country as a whole.
Key words: *The Southern Urals, the Patriotic War of 1812, memorialization, memory*
For citation: Batishchev S. D. Review of the collection of documents "Glorious Memory of 1812": The Southern Urals and South Urals in the Patriotic War and the Foreign campaign of the Russian army" // Oikumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 130–133. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/130-133

Отечественная война 1812 г. и Заграничный поход русской армии в 1813–1814 гг. получили полноценное освещение в отечественной историографии. Издавались и сборники документов, презентовавших эту тему. При этом, необходимо отметить, что на материалах Урала таких изданий долгое время не существовало.

В 2022 г. этот пробел был восполнен. В Челябинске вышел сборник документов, посвященный вкладу Урала в события Отечественной войны 1812 г. и отражению их в памяти жителей региона[1]. Составителем сборника и автором вступительных статей стал к.и.н., доцент кафедры отечественной истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета Игорь Александрович Новиков.

Сборник открывают две вводные статьи И.А. Новикова. В первой из них "Южный Урал и южноуральцы в Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе русской армии 1813–1814 гг.", дается исчерпывающий историографический и библиографический обзор по данной теме. Во второй статье "Историческая и культурная память народов Южного Урала об Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе русской армии 1813–1814 гг." автор постарался проследить, каким образом память об этих событиях отразилась на Южном Урале. Эволюция проводится автором от сер. XIX в. до 2022 г. В частности,

[1] "Славной памяти 1812 года": Южный Урал и южноуральцы в Отечественной войне и Заграничном походе русской армии: сб. док. и материалов / сост., науч. ред. И. А. Новиков. Челябинск: Фонд содействия сохранению культурного наследия "Общественный фонд "Южный Урал"", 2022. 313 с.

© Батищев С. Д., 2024

по мнению исследователя, произошли некоторые изменения в местной топонимике. Например, отмечается, что ряд поселков получили названия в честь сражений, произошедших в ходе войны. Так в современной Челябинской области появился свой Париж, а также Лейпциг, Тарутино, Бреда и другие населенные пункты.

После обширных вводных статей, которые занимают более сорока страниц от общего объёма книги, непосредственно помещены документальные источники.

В сборнике представлено 168 документов и 123 иллюстрации. Документы извлечены из шести архивов. Преобладают документы из фондов Объединенного государственного архива Челябинской области, Государственного архива Свердловской области и Архива Златоустовского городского округа. Помимо архивных источников автор использовал материалы периодической печати, которые освещали, прежде всего, мемориализацию этих событий у потомков.

К сожалению, систематизация документов производится не по тематическим блокам, что может затруднять поиск необходимых источников у читателя сборника.

Ниже мы попробуем предложить свою тематическую классификацию документов из этого сборника, а также обратимся к некоторым документам, которые привлекли наше внимание. Мы выделим лишь два крупных блока.

Первый тематический блок условно можно назвать "Заводы и города Южного Урала и их вклад в победу в Отечественной войне 1812 г.". Этот раздел самый обширный. Вклад заводов, разумеется, прежде всего заключался в изготовлении всякого рода оружия, боеприпасов, снарядов и проч. В этом блоке приводятся многочисленные ведомости по отдельным горным заводам (Златоустовский, Саткинский, Кусинский, Кыштымский, Каслинский, Нязепетровский, Симский, Уфалейский и др.), в которых отражена информация о общем количестве и весе производимой ими продукции: ядер, бомб, гранат, картечей. Это, например, документы №№ 4–10, 16, 21, 22, 29, 51.

К этому разделу можно отнести и документ под № 17 "Из представления Пермского горного правления пермскому берг-инспектору П. Е. Томилову об отправке горных чиновников на частные заводы для усиления надзора за литьём снарядов", датированному 1811 г. Из него мы узнаем, что литьё зарядов на некоторых заводах происходило медленно, с задержкой. В связи с этим обстоятельством было решено по распоряжению министра финансов "употребить к разъездам по заводам для личного за успехами в отливке надзора, особых горных чиновников, каковых буде правление не имеет, и требовать на сей предмет от горных начальников и таким образом настоять, чтобы все число снарядов, какое на каждый завод возложено, отлито и сдано было непременно в течении нынешнего года" и "заводских прикащиков по заводам, где отливка производится медленно и нерадиво, строжайше понуждали к умножению отливки и смотрели внимательно без малейшего упущения и послабления по всем вообще заводам" (с. 72). Из этого документа видно, что государственные органы власти загодя были обеспокоены отставанием некоторых заводов от планов по производству снарядов.

К этому же блоку можно отнести и документы, демонстрирующие выполнение отдельными заводами, например, Златоустовского рекрутского набора.

Интересны документы, показывающие организацию сбора пожертвований, как деньгами, так и вещами в действующую армию в г. Челябинске.

Сюда можно отнести публикации извлечений формулярных и послужных списков о южноуральцах, принявших участие в боевых действиях. В этих документах зафиксированы факты награждения особо отличившихся военнослужащих с описанием их подвигов. Опубликован также формулярный список будущего главного начальника Уральских горных заводов В.А. Глинки. Опубликован и список мещеряков[2] 1-го Мещерякского кантона – участников Заграничного похода 1813–1814 гг. (документ № 85). Конечно, его сложно отнести к условно выделенному тематическом блоку, но он также показывает

[2] Мещеряки – Мишари (устар. мещеряки, тат. мишәр, mişər) этническая группа татар. В отличие от казанских татар, формирование этноса мишарей происходило на правобережье Волги, вплоть до правобережья Оки на севере.

конкретные личности, набиравшихся из разных поселений Южного Урала, внесших свой вклад в общее дело.

Второй условный блок, который мы можем выделить, "Коммеморация события Отечественной войны 1812 г. на Южном Урале". Этот раздел, на наш взгляд, выглядит наиболее интересно. В последние годы в отечественной исторической науке усиливается интерес к такому направлению в исследованиях, как коммеморативные практики. На региональном уровне, к сожалению, таких работ пока немного. И этот раздел сборника внесёт свой вклад в популяризацию данного направления. В 1912 г. в Российской империи в целом и на Урале в частности широко отмечали столетний юбилей событий 1812 г. Большой массив документов, показывающий подготовку к празднованию на местах, и был опубликован в сборнике.

Так, в документе № 92 "Представление оренбургского вице-губернатора челябинскому городскому голове В. А. Семеину объявления акционерного общества "Бородино" о предстоящем 100-летии Отечественной войны" чётко прослеживаются мотивы празднования, видны цели этого мероприятия. Читаем в документе: "Чествование "священной памяти 1812 г." должно иметь громадное воспитательное значение для народа и в особенности для войск. Пусть они проникнуться сознанием долга, что каждый военнослужащий, каждый гражданин обязан защищать свою Родину, своё Отечество, свою независимость, честь народную, и свою веру и защищать с полным самоотвержением, не щадя жизни" (с. 163). Исходя из этой цитаты видно, что основной акцент делался на патриотическом воспитании гражданского и военнообязанного населения.

Публикуемые документы продемонстрировали, что "программа" праздничных мероприятий на уральских заводах была стандартизирована. Предполагался благодарственный молебен, чтение специальной брошюры о войне с последующей её бесплатной раздачей и чаепитие для рабочих. На некоторых заводах для угощения рабочих закалывали скот.

Во время Великой Отечественной войны в Челябинске с аншлагом прошел спектакль по роману Л.Н. Толстого "Война и мир". Составитель сборника включил отзывы зрителей об этом культурном мероприятии, в которых проводились параллели между двумя войнами (с. 214).

Активно отмечалось праздновании победы в войне с французами и в 1962 г.. В сборники приводятся более десятка газетных публикаций в СМИ тех лет, в которых описывались торжественные и не очень мероприятия.

В сборнике опубликованы две статьи, которые касались Отечественной войны 1812 г. Обе они ранее не публиковались, а хранились в личных фондах их авторов.

Первая из них датирована 1941 г. Её подготовил научный сотрудник Челябинского архива П.В. Мещеряков. Статья носит ярко выраженный публицистический характер. Вероятно, он был зачитан в виде доклада на каких-либо встречах с общественностью. В статье проводятся прямые параллели Наполеона Бонапарта с Гитлером: "Современный международный фашистский разбойник и людоед Гитлер, страдая манией величия, также, как и Наполеон стремится к устройству мировой фашистской империи, и порабощение народов мира" (с. 211).

Вторая статья датирована 1972 г. Её автором стал к.и.н. В.Е. Четин. В сравнении со статьей Мещерякова, публикация носит научный характер: в ней сжато представлена информация о полка́х, которые были сформированы на Урале и принимали участие в военных действиях (с. 232).

В заключении этой условной части сборника приведены некоторые документы, связанные с организацией в 2012 г. в Челябинской области экспедиции "Во славу русского оружия", которая была посвящена двухсотлетнему юбилею Отечественной войны 1812 г. (с. 241).

В заключении книги приведена обширная библиография, включающая более 300 наименований разнообразных публикаций по теме, которую раскрывает рецензируемый сборник. Любой желающий сможет подобрать из него литературу для более полного погружения в тему.

Мы постарались в своём отзыве выделить условные тематические блоки этого сборника документов и презентовать источники, вошедшие в них. На наш взгляд, это региональное издание представляет интерес не только для историков Урала, но и для специалистов по военной истории и истории

памяти. Также документы из этого сборника можно активно использовать и в педагогической деятельности в школах, тем самым формируя навыки читательской грамотности.

◆

Информация об авторе

Сергей Дмитриевич Батищев, младший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия, e-mail: batischew.sergey2015@yandex.ru

Information about the author

Sergey D. Batishchev, Junior Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, e-mail: batischew.sergey2015@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.05.2024
Received 26.05.2024

Принята к публикации 28.08.2024
Accepted 28.08.2024

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 134–137.
Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 134–137.

Рецензия
УДК 325.111
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/134-137

"Страус", "пластилин" или "кузнец своего счастья": стратегии сельско-городских мигрантов Хакасии

Анатолий Сергеевич Бреславский
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия, breslavsky@imbt.ru

Аннотация. Рецензируемая книга посвящена анализу проблем, связанных с изучением процессов урбанизации и этносоциального развития Республики Хакасия на современном этапе. Содержание монографии раскрывает весьма актуальные вопросы: в ней рассматриваются общий ход развития урбанизации в исследуемом регионе в период 1990-х–2010-х гг. и даётся оценка того, насколько успешно проходит адаптация сельских мигрантов (хакасов и русских) в городском пространстве. При этом выводы, представленные в монографии, важны не только в плане перспективных сравнительных исследований, но и с практической точки зрения: они могут быть востребованы в реализации национальной и социально-экономической региональной политики, при разработке стратегии развития хакасского народа и пр.
Ключевые слова: *урбанизация, сельско-городская миграция, мигранты, стратегии адаптации, Хакасия*
Для цитирования: Бреславский А. С. "Страус", "пластилин" или "кузнец своего счастья": стратегии сельско-городских мигрантов Хакасии" // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 134–137. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/134-137

Review
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/134-137

"Ostrich", "Plasticine" or "Blacksmith of One's Own Happiness": Strategies of Rural-Urban Migrants of Khakassia

Anatoly S. Breslavsky
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia, breslavsky@imbt.ru

Abstract. The book under review is devoted to the analysis of problems related to the study of urbanization processes and ethnosocial development of the Republic of Khakassia at the present stage. The content of the monograph reveals very topical issues: it examines the general course of urbanization development in the region under study in the period of the 1990s–2010s and provides an assessment of how successfully rural migrants (Khakass and Russians) are adapting to the urban space. At the same time, the conclusions presented in the monograph are important not only in terms of promising comparative studies, but also from a practical point of view: they can be in demand in the implementation of national and socio-economic regional policies, in the development of a strategy for the development of the Khakass people, etc.
Key words: *urbanization, rural-urban migration, migrants, adaptation strategies, Khakassia*
For citation: Breslavsky A. S. "Ostrich", "Plasticine" or "Blacksmith of One's Own Happiness": Strategies of Rural-Urban Migrants of Khakassia" // Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 134–137. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/134-137

В фокусе внимания – монография сотрудниц Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории – Е. Е. Тиниковой и О. Л. Лушниковой "Урбанизация и адаптация сельских жителей Хакасии к городским условиям" (Абакан: Бригантина, 2024. 222 с.). Авторы много лет работают в этом предметном поле, а обсуждаемый труд, как представляется, стал попыткой симбиоза их индивидуальных исследовательских программ, связанных с изучением истории урбанизации Хакасии, вопросами этносоциального развития республики на современном этапе.

В аннотации авторы отмечают, что книга посвящена "проблеме влияния урбанизации на развитие основных этнических групп Хакасии". Содержание монографии, удачно оформленное в её наименовании, на мой взгляд, раскрывает несколько иные вопросы: в ней анализируется общий ход развития урбанизации в республике в рассматриваемый период (1990–2010-е гг.) и дана оценка адаптационных процессов среди сельских мигрантов (хакасов и русских) в городской среде. Иными словами, проблема влияния урбанизации на развитие основных этнических групп Хакасии – русских и хакасов – рассмотрена лишь в этих значимых аспектах, в то время как в стороне остались вопросы связанные, например, с влиянием урбанизации на такие параметры развития этнических групп хакасов и русских, как уровень образования, демографическое поведение, занятость и пр.

Собственно анализу процессов социальной адаптации сельских жителей Хакасии к городским условиям, представленному в заключительной –

© Бреславский А. С., 2024

третьей главе книги, предшествуют две главы, посвящённые теоретико-методологическому и социально-демографическому контексту исследования.

В первой главе "Теоретико-методологические аспекты изучения урбанизации и адаптации" авторы рассматривают основные подходы к исследованию урбанизации в отечественной науке, а также социологический подход к исследованию проблемы адаптации. В первом параграфе этой главы представлен объёмный экскурс в проблематику отечественных исследований урбанизации, дающий читателю помимо прочего широкое представление о внутренних противоречиях в исследовании и оценках этого процесса. К сожалению, в параграфе, безусловно полезном для исследователей отечественной урбанизации, на наш взгляд, не нашли должного отражения вопросы концептуального осмысления урбанизации национальных регионов страны, обзор отечественной историографии по этой теме, в то время как такой материал мог бы составить одну из важнейших основ рецензируемой книги, определить её место в ряду подобных исследований.

Во втором параграфе первой главы, анализируя научную литературу, посвящённую проблеме адаптации, авторы раскрывают содержание соответствующего понятия, в том числе в контексте сельско-городской миграции, весьма подробно рассматривают возможные этапы, показатели, условия, факторы и стратегии адаптации сельских мигрантов, обращаясь в том числе к исследованиям коллег. За счёт этой работы в целом оказывается понятной структура проведённого ими полевого исследования – опроса 2018 г., в котором приняли участие 1 500 чел. **[1, с. 7]**.

Во второй главе "Урбанизация Хакасии в постсоветский период (1991–2020 гг.)" авторы дают представление о динамике численности городского населения региона, исторических особенностях его распределения и перераспределения по территории республики, национальном и ином составе городского населения (по занятости, возрасту, полу, образованию и пр.) и процессах формирования городской среды, качество которой также влияет на стратегии сельских мигрантов. Учитывая ограниченность отечественной статистики в отношении внутренних, в том числе сельско-городских и маятниковых миграций, данный раздел представляется более чем уместным в контексте рассматриваемой темы, поскольку позволяет оценить, во-первых, направления и масштабы перераспределения населения в республике в постсоветские десятилетия, а во-вторых, общие результаты урбанизации региона в конце 1980-х и 2010-х гг. Обращает на себя внимание вывод о том, что "Хакасию практически не затронул общероссийский постсоветский процесс рурализации" **[1, с. 86]**, в то время как в регионе имела место распространённая в России в последние десятилетия практика так называемой "административной рурализации", связанная, в частности, с преобразованием посёлков городского типа (пгт) в сельские населённые пункты **[1, с. 72, 73]**. Одновременно доля городского населения региона в рассматриваемый период сократилась с 72,4% до 68,4% **[1, с. 69]**. Важным для понимания сложности адаптации сельских хакасов к городской жизни в этот период было как минимум то обстоятельство, что доля хакасов в городском населении республики в конце 1980-х гг. "была весьма скромной – всего 5,5%", не существенно увеличилась она и к началу 2020-х гг. (6,8%) **[1, с. 96–97]**, при этом "численность городских хакасов снизилась за эти годы почти на 4 тыс. чел." **[1, с. 98]**. Уже в этой главе авторы используют результаты проведённого опроса, иллюстрирующие, в частности, основные причины сельско-городской миграции (они оказываются в общем универсальными), распределение мигрантов по месту выбытия, особенностям самоидентификации и пр. Авторы отмечают, что в рассматриваемый ими период "адаптация хакасов-мигрантов к городским условиям протекала спокойнее, чем в предыдущие годы. Связано это с тем, что сегодня уже сложно провести чёткую границу между городом и селом. Особенно если речь идёт о крупных сёлах или расположенных близко к городским поселениям" **[1, с. 97]**. К слову, недоучтёнными в исследовании, как представляется, оказались региональные пригороды (как городские, так и сельские поселения), динамика населения которых могла быть рассмотрена при анализе городского расселения, а размещение в них сельских мигрантов проанализировано как одна из возможных стратегий их оседания в том или ином городе.

Переходя к анализу социальной адаптации сельских жителей Хакасии к городским условиям (глава 3), авторы выделяют следующие трудности, с которыми сельские мигранты сталкиваются на своём пути: экономические (трудоустройство, отсутствие собственного жилья, нехватка финансовых средств и пр.), психологические (стресс от переезда, дезориентация в городском пространстве и пр.), правовые (неопределённый статус, сложности регистрации и пр.), экологические (худшие экологические условия проживания по сравнению с местом выезда) **[1, с. 129–159]**. Рассуждая о перспективах возвратной миграции сельчан, авторы монографии отмечают, что "почти каждый третий приезжий из села хакас (который в принципе допускает для себя вероятность возвращения обратно в село) называет в качестве основной причины – именно отсутствие собственного жилья. Среди представителей русской национальности таких респондентов гораздо меньше – всего одна пятая часть опрошенных" **[1, с. 154]**.

Опираясь на результаты опроса, к числу важнейших факторов адаптации сельских мигрантов авторы отнесли четыре (из более широкого ряда выявленных ими): удовлетворённость своей жизнью, характер труда, жилищные условия и материальное положение. При этом "на успешность включения сельских мигрантов в условия города не оказывали определяющего влияния ни их возраст, ни уровень образования, ни семейное положение" **[1, с. 181]**. Резюмируя, авторы отмечают: "решающую роль в процессе адаптации оказывает субъективный настрой человека – его принятие имеющихся условий жизни. Отсутствие собственного жилья, необходимость проживать в съёмном жилье, невысокий уровень доходов, не очень "престижная" работа – все эти факторы в процессе адаптации "сглаживаются", если человек принимает эти условия на данном этапе своей жизни как вполне естественные, и не испытывает при этом дискомфорта (неудовлетворённости)" **[1, с. 183]**.

Завершает третью главу анализ стратегий адаптации сельских жителей к городской среде. Исходя из таких факторов, как мотивация, целевая установка, трудоустройство, взаимодействие с акторами, городской образ жизни и идентичность, авторами были выявлены и названы такие адаптационные стратегии сельских мигрантов как "страус, прячущий голову в песок" (пассивно-пессимистическая), "пластилин" (активно-пессимистическая) и "кузнец своего счастья" (активно-оптимистическая) **[1, с. 94]**. Результаты исследования показали, что ориентация на пассивные типы адаптационных стратегий не определяет успешность адаптации: среди таких приезжих примерно одинаковое число мигрантов с разными уровнями адаптированности. Однако следование активным стратегиям адаптивного поведения положительно сказывается на успешности включения в городскую среду: среди таких опрошенных оказалось больше всего мигрантов с высоким уровнем адаптированности **[1, с. 203]**.

Рассуждая о стратегиях адаптации сельских жителей к городской среде, авторы, как представляется, оставили в стороне некоторые важные сюжеты, связанные, с выявлением этих стратегий. Так, было бы интересно узнать, какое значение при адаптации и устройстве в городе имеют для сельчан земляческие связи, поддержка родственников, готовность мигрантов к получению нового образования, освоению новых профессий и пр.

В отдельных фрагментах книги не хватает плотности ссылочного аппарата, что, в общем, принципиально для научной монографии. Так, например, уже во введении авторы отмечают, что придерживаются концепции ассимиляции, предложенной Е. Моравска **[1, с. 5–6]**, однако не приводят ни одной ссылки на её работы на страницах книги. А говоря о влиянии миграции на население отдельных городов республики не везде ссылаются на статистические и иные исследования. Так, не ясно, но очень интересно, например, как был посчитан ежедневный поток маятниковых мигрантов между Абаканом и Минусинском **[1, с. 91]**, кто в советские годы вёл речь о создании единой Абакано-Черногорской агломерации **[1, с. 91]** и пр. К надёжности этих сведений не возникает вопросов, однако ссылки здесь были бы весьма кстати.

Завершая знакомство с книгой, необходимо отметить, что она, безусловно, будет востребована как среди специалистов, занимающихся изучением урбанизационного процесса в России, так и среди этносоциологов, специалистов в области миграции населения. При этом её выводы оказываются важ-

ны не только в плане перспективных сравнительных исследований, но и с практической точки зрения: они могут быть востребованы в реализации национальной и социально-экономической политики в регионе, при разработке стратегии развития хакасского народа и пр. Перспективной представляется и предложенная авторами схема исследования, опирающаяся на творческое сочетание исторического и социологического подходов, которые, возможно, далеко не везде хорошо согласуются, но дают необходимую широту и глубину взгляда на рассматриваемые проблемы.

Литература

1. Тиникова Е. Е., Лушникова О. Л. Урбанизация и адаптация сельских жителей Хакасии к городским условиям. Абакан: Бригантина, 2024. 222 с.

References

1. Tinikova E. E., Lushnikova O. L. Urbanization and adaptation of rural migrants of Khakassia to urban conditions. Abakan: Brigantine, 2024. 222 p.

◆

Информация об авторе

Анатолий Сергеевич Бреславский, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ, Россия, e-mail: breslavsky@imbt.ru

Information about the author

Anatoly S. Breslavsky, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia, e-mail: breslavsky@imbt.ru

Поступила в редакцию 26.08.2024 Принята к публикации 28.08.2024

Received 26.08.2024 Accepted 28.08.2024

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 138–143.
Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 138–143.

Сообщение
УДК 947: 001 (571.65)
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/138-143

Ведущие ученые Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института (СВКНИИ) имени Н.А. Шило ДВО РАН. Часть 2

Светлана Михайловна Дударёнок
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, dudarenoksv@gmail.com

Аннотация. В статье характеризуются научные достижения ведущих ученых Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института имени А.Н. Шило Дальневосточного отделения Российской академии наук. Основное внимание сосредоточено на достижениях ведущих магаданских ученых в изучении геологии и геофизики зон перехода континент-океан Северной Пацифики, истории, экономики и социальных проблем Северо-Востока России; отмечено, что благодаря работам ведущих ученых, Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт имени А.Н. Шило стал значимым академическим исследовательским центром на Северо-Востоке страны.
Ключевые слова: *Магадан, Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт, Дальневосточное отделение Российской академии наук, доктора наук, научные достижения, направления научной деятельности, научные труды*
Для цитирования: Дударёнок С. М. Ведущие ученые Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института (СВКНИИ) имени Н.А. Шило ДВО РАН. Часть 2 // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 138–143. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/138-143

Message
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/138-143

Leading scientists of the North-Eastern Complex Research Institute (SVKNII) named after N.A. Shilo of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Part 2

Svetlana M. Dudarenok
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East,
Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, Russia, dudarenoksv@gmail.com

Abstract. The article characterizes the scientific achievements of the leading scientists of the North-Eastern Complex Research Institute named after A.N. Shilo of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. The main attention is focused on the achievements of leading Magadan scientists in the study of geology and geophysics of the continent-ocean transition zones of the North Pacific, the history, economy and social problems of the North-East of Russia; It was noted that thanks to the work of leading scientists, the North-Eastern Complex Research Institute named after A.N. Shilo has become a significant academic research center in the North-East of the country.
Key words: *Magadan, North-Eastern Complex Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Doctors of Sciences, scientific achievements, areas of scientific activity, scientific works*
For citation: Dudarenok S. M. Leading scientists of the North-Eastern Complex Research Institute (SVKNII) named after N.A. Shilo of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Part 2 // Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 138–143. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/138-143

Ведущие экономисты СВКНИИ и их достижения в изучении экономики Северо-Востока России

Проведение в СВКНИИ систематических академических исследований экономики Северо-Востока России началось с 1961 г., когда к.э.н. В.В. Яновским была организована лаборатория экономики. Среди руководителей экономических лабораторий были известные ученые: д.э.н. Н.И. Цветков, д.э.н. В.С. Никитин, д.э.н. Б.Х. Краснопольский, д.г.н. А.Н. Пилясов. С 1997 г. лабораторию экономики природопользования возглавляет д.э.н. Н.В. Гальцева.

Доктор экономических наук, профессор **Николай Иванович Цветков** (1938–1999 гг.), работал в СВКНИИ в 1970–1977 гг. Он занимался исследованиями математического моделирования и оптимизации топливно-энергетического хозяйства и горнодобывающей промышленности на Северо-Востоке, проблемами комплексного освоения природных ресурсов, экономической оценкой месторождений полезных ископаемых и пр. *("Методы и модели эко-*

Окончание – начало см.: Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 158–167.

© Дударёнок С. М., 2024

номической оценки месторождений минерального сырья в районах нового освоения" М.: Наука, 1982 и др.). Н.И. Цветков автор более 85 научных работ, в том числе 2-х монографий и учебного пособия.

Доктор экономических наук, профессор **Вадим Семёнович Никитин** (род. 1938), работал в СВКНИИ в 1970–1987 гг. Он проводил исследования в области экономики горной промышленности, её минерально-сырьевой базы и обеспечивающих отраслей – энергетики и транспорта (*"Прогнозирование развития регионального горнопромышленного комплекса". М.: Наука, 1982; "Теория и методы прогнозной экономической оценки минерально-сырьевых ресурсов". М.: Наука, 1988 и др.*). В.С. Никитин автор более 115 научных работ, в том числе 2-х монографий.

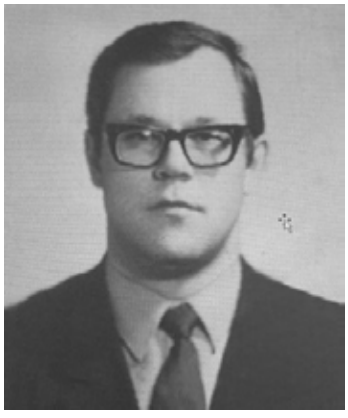
Доктор экономических наук, профессор **Борис Хананович Краснопольский** (род. 1943), работал в СВКНИИ в 1971–1992 гг. Его интересовали проблемы совершенствования перспективного планирования инфраструктуры в горнопромышленных районах Дальнего Севера (на примере Северо-Востока СССР). Им разработаны методологические подходы и приемы исследования инфраструктурных подсистем пространственно-хозяйственных образований различного иерархического уровня, оценки их роли в самоорганизации, адаптации и повышении социально-экономической эффективности (*"Методические вопросы изучения природно-хозяйственных систем Северо-Востока". 1989. Магадан, 1989; "Комплексные программы развития районов Севера. 1985. М.: Наука, 1985 (в соавт.); "Совершенствование регионального планирования в районах Севера СССР". 1982. М.: Наука, 1982 (в соавт.) и др.*).

Б.Х Краснопольским и сотрудниками его лаборатории был сделан важный вывод о том, что в ходе реализации экономических реформ на Северо-Востоке России "резко возросла хищническая и бесконтрольная эксплуатация природных ресурсов практически всеми хозяйственными субъектами, вне зависимости от форм собственности, в том числе и населением" **[НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1045. Л. 15]**, что подконтрольность природоохранным органам в природопользовательской деятельности в регионе резко снизилась.

Б.Х. Краснопольский – автор и соавтор более 294 научных работ, в том числе 18 монографий и 31 учебного пособия.

Доктор географических наук, профессор **Александр Николаевич Пилясов** (род. 1962), работал в СВКНИИ в 1987–1997 гг. Занимался эколого-географическим исследованием населения Колымо-Магаданского промышленного района, закономерностями и особенностями освоения Северо-Востока России, экономическим развитием регионов российского и зарубежного Севера и Арктики (*"Динамика сельскохозяйственного производства в Магаданской области (195–1990*

Н.И. Цветков
N.I. Tsvetkov



В.С. Никитин
V.S. Nikitin

Б.Х. Краснопольский
B.Kh. Krasnopol'skij

А.Н. Пилясов
A.N. Pilyasov

Н.В. Гальцева
N.V. Gal'tseva

гг.)". Магадан, 1992; "Закономерности и особенности освоение Северо-Востока России (ретроспектива и прогноз). Магадан, 1996 и др.). А.Н. Пилясов автор более 300 научных работ, в том числе 44 монографий.

Доктор экономических наук, доцент **Гальцева Наталья Васильевна** (род. 1957), работает в СВКНИИ с 1984 г., с 2015 г. является заместителем директора института по научной работе. Сферой научных интересов Н.В. Гальцевой являются проблемы социально-экономического развития северных и арктических регионов России; перспективы и условия освоения ресурсов минерального сырья; инвестиционная привлекательность регионов.

Н.В. Гальцевой сделан вывод о зависимости социально-экономического развития ресурсных регионов от свойств природных активов и возраста базовых отраслей; обоснована целесообразность отнесения проблемных регионов ресурсной специализации к категории старопромышленных; разработан методологический подход определения экономического возраста монопрофильных регионов по возрасту базовой отрасли; введено в научный оборот понятие "старопромышленные регионы ресурсной специализации". В результате анализа социально-экономического развития старопромышленных и ресурсных регионов установлена общая объективная природа их депрессивности – старение экономической структуры, что позволяет к категории старопромышленных отнести не только высокоиндустриальные регионы, но и добывающие; предложен методологический подход определения экономического возраста по возрасту базовой отрасли для монопрофильных старопромышленных регионов ресурсного типа (*"Предпосылки и перспективы реструктуризации экономики Магаданской области". М.: КомКнига, 2009; "Реструктуризация экономики монопрофильного старопромышленного региона ресурсной специализации: на примере Магаданской области: диссертация ... доктора экономических наук. Магадан, 2010 и др.*).

Н.В. Гальцева – автор более 160 научных работ, в том числе 1 индивидуальной и 5 коллективных монографий.

Ведущие историки СВКНИИ и их достижения в изучении истории и археологии Северо-Востока России

У истоков направления археологии и истории Северо-Востока стоял член-корреспондент АН СССР, доктор исторических наук, профессор **Николай Николаевич Диков** (1925–1996 гг.), который был организатором (1960) и руководителем лаборатории истории, археологии, этнографии и языка малых народов Северо-Востока СВКНИИ. Под его руководством проводились широкомасштабные исследования на Камчатке, Чукотке, Охотском побережье, Колыме. Этнографическими исследованиями были охвачены аборигенные народы региона, а также русские старожилы. Исторические исследования охватывали: историю добывающей промышленности, сельского хозяйства и других отраслей экономики; развитие сферы культуры и просвещения; историю репрессивной политики.

Главнейшим научным достижением Н.Н. Дикова считается открытие палеолита на Камчатке, Чукотке и Колыме. *Долгие годы он вел масштабные исследования на Крайнем Северо-Востоке России, которые во многом*

определили теоретические и методологические пути развития археологической науки в регионе. Ключевое место в его концептуальном подходе занимало видение исторических явлений как этногенетических и этнических процессов. Открываемые на Крайнем Северо-Востоке археологические стоянки он рассматривал в этнических координатах, полагая такую "привязку" обязательным элементом исторического прочтения ископаемых древностей.

Н.Н. Диков
N.N. Dikov

Особое внимание в своих исследованиях Н.Н. Диков уделял проблеме заселения Америки. Он подчеркивал ключевую роль Крайнего Северо-Востока как места формирования предков коренных американцев, поскольку, по его мнению, Берингийский перекресток – не отсталый культурно-исторический тупик планеты, а совсем наоборот – открытый, весьма оживленный путь из одного континента в другой. Решающим событием в конкретном воплощении взглядов Н.Н. Дикова стало открытие и исследование стоянки Ушки на Камчатке, содержащей семь хорошо стратифицированных культурных горизонтов, в каждом из которых обнаружены ископаемые артефакты. Носителей этих археологических культур ученый идентифицировал в качестве предков этнографически известных народов.

М.А. Дикова (Кирьяк)
M.A. Dikova (Kir'yak)

Н.Н. Диков предложил собственную этническую периодизацию, которая представляет собой развитие классической теории общественно-экономических формаций, так как осевым стержнем, на который нанизываются все другие последовательности, является разделение истории человечества на сменяющие друг друга этапы общественного строя (*"Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы". М.: Наука, 1977; "Древние костры Камчатки и Чукотки: 15 тысяч лет истории". Магадан, 1969; "Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности". М.: Наука, 1979; "Наскальные загадки древней Чукотки: петроглифы Пегтымеля". М.: Наука, 1971; "Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки". Магадан, 1993; "По следам древних костров. Археологи идут по Чукотке". Магадан, 1960; "Чинийский могильник (к истории морских зверобоев Берингова пролива)". Новосибирск: Наука, 1974 и др.*).

Исследования Н.Н. Дикова составили целую эпоху в региональной исторической науке, которая была отмечена археологическими открытиями мирового уровня, разработкой глобальных исторических концепций, обширными теоретическими обобщениями. Археологический материал Н.Н. Диков осмысливал как культурное наследие предков современных этносов. Поэтому историческое познание древних эпох большой временной протяженности в его научно-исследовательской программе приобрело характер этнографического подхода, предполагавшего изучение исторических явлений в этническом "разрезе". Н.Н. Диков автор более 210 научных работ, в том числе 9 монографий **[2; 3]**.

В 1995–1996 годах лабораторию истории, археологии, этнографии и языка малых народов Северо-Востока возглавляла доктор исторических наук, профессор **Маргарита Александровна Дикова** (Кирьяк) (1937–2017 гг.). Сфера научных интересов М.А. Диковой – памятники древнего искусства, их семантическая и этническая интерпретация. В рамках темы "Археология Западной Чукотки в связи с юкагирской проблемой" она провела широкие изыскания, в результате которых в верховьях Малого Анюя на озере Тытыль

А.И. Лебединцев

A.I. Lebedintsev

впервые на западе Чукотки были обнаружены археологические памятники, относящиеся к среднему и раннему голоцену (*"Археология Западной Чукотки в связи с юкагирской проблемой". М.: Наука, 1993; "Древнее искусство севера Дальнего Востока как исторический источник". Магадан, 2003; "Загадочный мир древних граффити". Магадан, 2012; "Каменный век Чукотки". Магадан, 2005 и др.*).

Каменному веку Чукотки М.А. Дикова посвятила более 50 лет своей жизни. За эти годы в поисках следов древнего человека ею пройдены по тундре и рекам тысячи километров, обнаружены более 100 местонахождений. Она автор более 127 научных работ, из них 5 индивидуальных и 1 коллективная монографии, 3 из которых переизданы за рубежом (в США и Великобритании) **[1; 4]**.

С 1997 г. историческую лабораторию возглавляет кандидат исторических наук **Александр Иванович Лебединцев** (род. 1952). Область его научных интересов – неолит, палеометалл, железный век Севера Дальнего Востока, древние приморские культуры, культурно-этнические связи, этногенез палеоазиатов. А.И. Лебединцев многие годы изучает происхождение приморских культур в Охотоморском регионе и их культурные связи с археологическими общностями сопредельных территорий; занимается историей и историографией Северо-Востока России.

А.И. Лебединцев является признанным в России и научном сообществе стран АТР специалистом в области археологии по изучению древних приморских культур Севера Дальнего Востока России. Он автор более 250 научных работ, в том числе монографии "Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья" (1990), соавтор коллективных монографий: "Ландшафты, климат и природные ресурсы Тауйской губы Охотского моря" (2006), "Народы Северо-Востока Сибири" (2010), "Остров Завьялова" (2012) и др. Под руководством А.И. Лебединцева по заказу Правительства Магаданской области коллективом сотрудников лаборатории выполнена большая и значимая для территории работа в виде 2-х монографий "Историческая хроника Магаданской области. События и факты. 1991–2000" (2015) и "Историческая хроника Магаданской области. События и факты. 2001–2013" (2016). Результаты его исследований опубликованы в разделе Большой Российской энциклопедии (Т. 32).

По приглашению японских коллег А.И. Лебединцев знакомился с археологическими коллекциями музеев и университетов о. Хоккайдо, читал лекции в университетах Кэйо в Токио, Цукуба в Ибараки, в Анкоридже на Аляске. Выступал с докладами на международных конференциях в Америке, Монголии, Японии.

Заключение

Краткий анализ научных достижений ведущих ученых СВКНИИ ДВО РАН позволяет сделать вывод, что сочетание в коллективе СВКНИИ специалистов различного профиля (геологов, геофизиков, географов, археологов, экономистов, математиков, физиков, химиков, историков и пр.) является залогом высоких научных результатов его сотрудников.

Ведущими учеными Института накоплен уникальный опыт регионального изучения геологии Северо-Востока России, акватории Мирового океана, месторождений золота, серебра, платины, олова, стратиформных полиметаллических руд, проведения археологических работ, истории и социально-экономических исследований на Крайнем Севере.

Литература

1. Бродянский Д.Л. Самый северный археолог России // Россия и АТР. 2012. № 2. С. 230–232.

2. Лебединцев А.И. Н.Н. Диков – исследователь древних культур Северо-Востока России // Диковские чтения: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Н.Н. Дикова. Магадан, 2001. С. 5–10.

3. Николай Николаевич Диков: к 70-летию со дня рождения и 40-летию науч. деятельности в Магадан. обл. д-ра ист. наук, чл.-корр. Рос. акад. наук: [биобиблиогр. материалы] / Магадан. обл. универс. науч. б-ка им. А.С. Пушкина; [сост. Т. М. Хворостянко; предисл. М.А. Кирьяк]. Магадан: ОУНБ, 1995. 35 с.

4. Понкратова И. Научное наследие Маргариты Диковой // Словесница Искусств: региональный культурно-просветительский журнал. 2016. № 2. URL: https://www.slovoart.ru/node/2236 (дата обращения: 20.02.2024).

References

1. Brodyansky D.L. The most northern archaeologist of Russia // Russia and the Asia-Pacific region. 2012. No. 2. P. 230–232.

2. Lebedintsev A.I. N.N. Dikov – researcher of ancient cultures of the North-East of Russia // Dikov readings: materials of scientific and practical work. conf., dedicated 75th anniversary of the birth of corresponding member. RAS N.N. Dikova. Magadan, 2001. P. 5–10.

3. Nikolai Nikolaevich Dikov: on the 70th anniversary of birth and the 40th anniversary of the scientific activities in Magadan region of Dr. of Historical Sciences, Corresponding member of RAS: [biobibliogr. materials] / Magadan region universal scientific library after A.S. Pushkin; [comp. T. M. Khvorostyanko; preface M.A. Kiryak]. Magadan: OUNB, 1995. 35 p.

4. Ponkratova I. Scientific heritage of Margarita Dikova // Slovesnitsa Iskusstv: regional cultural and educational magazine. 2016. No. 2. URL: https://www.slovoart.ru/node/2236 (accessed 20.02.2024).

◆

Информация об авторе

Светлана Михайловна Дударёнок, д-р ист. наук, канд. филос. наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, e-mail: dudarenoksv@gmail.com

Information about the author

Svetlana M. Dudarenok, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophy, Leading Researcher, Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: dudarenoksv@gmail.com

Поступила в редакцию 28.03.2024 Принята к публикации 28.08.2024

Received 28.03.2024 Accepted 28.08.2024

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 144–148.
Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 144–148.

Сообщение
УДК 316.3+316.4
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/144-148

Байкал как точка притяжения: об итогах II международной научной конференции "Социальные и политические вызовы модернизации в XXI веке" и II Байкальской летней школы социологов

Дамдин Доржиевич Бадараев
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия, damdin80@mail.ru
Тимур Баторович Бадмацыренов
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, batorovitch@mail.ru

Аннотация. В сообщении представлен обзор основных мероприятий II международной научной конференции "Социальные и политические вызовы модернизации в XXI в." и II Байкальской летней школы социологов. В ходе работы были обсуждены вопросы методологии социологических исследований и подготовки научных текстов, социальных изменений и социоструктурных процессов в российских регионах и сопредельных странах, социально-политических исследований проблем молодёжи, миграции, образования, религии и других сфер общественной жизни.
Ключевые слова: *социальные процессы, социальная структура, методология социологических исследований, региональное развитие, трансграничье, социальная трансформация, модернизация*

Работа выполнена за счёт гранта Российского научного фонда № 24-48-03025 "От Чайного пути к Монгольскому коридору "Нового Шёлкового пути": исторические проекции и современные взаимодействия России, Монголии и Китая", https://rscf.ru/project/24-48-03025/

Для цитирования: Бадараев Д. Д., Бадмацыренов Т. Б. Байкал как точка притяжения: об итогах II международной научной конференции "Социальные и политические вызовы модернизации в XXI веке" и II Байкальской летней школы социологов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 144–148. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/144-148

Message
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/144-148

Baikal as a Point of Attraction: about results of the II International Scientific Conference "Social and Political Challenges of Modernization in the 21st Century" and II Baikal Summer School of Sociologists

Damdin D. Badaraev
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia, damdin80@mail.ru
Timur B. Badmatsyrenov
Buryat State University named after D. Banzarov, Ulan-Ude, Russia, batorovitch@mail.ru

Abstract. The report presents an overview of the main events of the II International Scientific Conference "Social and Political Challenges of Modernization in the 21st Century" and the II Baikal Summer School of Sociologists. During the work, issues of methodology of sociological research, social changes and socio-structural processes in Russian regions and neighboring countries, socio-political research of youth problems, migration, education, religion and other spheres of social life were discussed.
Key words: *social processes, social structure, methodology of sociological research, regional development, transborder, social transformation, modernization*

The reported study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 24-48-03025 "From the Tea Road to the Mongolian Corridor of the "New Silk Road": Historical Projections and Contemporary Interactions between Russia, Mongolia and China", https://rscf.ru/project/24-48-03025/

For citation: Badaraev D. D., Badmatsyrenov T. B. Baikal as a Point of Attraction: about results of the II International Scientific Conference "Social and Political Challenges of Modernization in the 21st Century" and II Baikal Summer School of Sociologists // Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 144–148. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/144-148

17–22 августа 2024 г. состоялась II международная научная конференция "Социальные и политические вызовы модернизации в XXI в." и II Байкальская летняя школа социологов. Мероприятия проходили в г. Улан-Удэ и с. Горячинск Прибайкальского района Республики Бурятия. Организаторами выступили Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Федеральный научно-исследовательский социологический центр, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Институт философии Монгольской академии наук, Институт философии и права СО РАН, филиал Российского общества "Знание" в Республике Бурятия, Российское общество социологов.

© Бадараев Д. Д., Бадмацыренов Т. Б., 2024

Фото 1. Участники II международной научной конференции "Социальные и политические вызовы модернизации в XXI в."

Источник: архив авторов.

Photo 1. Participants of the II International Scientific Conference "Social and Political Challenges of Modernization in the 21st Century".

Source: archive of authors.

На конференции было представлено 83 доклада исследователей из России и Монголии **[1]**. Обращает на себя внимание и широкая география российских участников: с сообщениями выступили учёные из Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Новосибирска, Абакана, Кызыла, Иркутска, Улан-Удэ, Якутска, Владивостока. Очное участие в конференции приняли 87 человек – ведущие специалисты в области социально-гуманитарного знания, а также аспиранты, докторанты, молодые исследователи *(фото 1)*.

Работа мероприятия началась с пленарного заседания, где свои доклады представили доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института социологии ФНИСЦ РАН Ю. А. Зубок; доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН Ю. В. Попков; PhD, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии МАН Цэцэнбилэг Цэвээний; доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ИМБТ СО РАН Д. Д. Бадараев. В своих выступлениях пленарные докладчики затронули вопросы евразийской интеграции, трансграничной проблематики, неформальной занятости, саморегуляции в молодёжной среде и др.

Далее работа конференции продолжилась на тематических площадках. Были организованы следующие секции: секция 1 "Социально-политические процессы в трансграничье России, Монголии и Китая: современное состояние и перспективы исследований", секция 2 "Социальные изменения и социоструктурные процессы в российских регионах", секция 3 "Актуальные проблемы молодёжи, миграционных процессов и образования в современном обществе", секция 4 "Социально-политические исследования религии, ценностей и патриотизма в современную эпоху", круглый стол "Монгольский коридор "Нового Шёлкового пути": исторические проекции и современные взаимодействия России, Монголии и Китая".

Выступления, представленные на секциях, охватывали различный спектр социальных проблем современного общества. В программе конференции можно было встретить доклады известных российских ученых: И. И. Осинского, д. филос. н., одного из главных основателей социологической школы в Республике Бурятия, а ныне профессора кафедры философии Бурятского

Фото 2. Участники II Байкальской школы социологов.
Источник: архив авторов.
Photo 2. Participants of the II Baikal School of Sociologists.
Source: archive of authors.

государственного университета имени Доржи Банзарова; З. Т. Голенковой, д. филос. н., профессора, руководителя Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Института социологии ФНИСЦ РАН; Б. В. Базарова, академика РАН, директора Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, О. В. Аксёновой, д. соц. н. главного научного сотрудника, руководителя Центра изучения регионов России ИС ФНИСЦ РАН и многих других.

Также в ходе работы конференции со своими сообщениями выступили преподаватели и научные сотрудники различных учреждений РАН и российских вузов, представившие результаты своих исследовательских проектов, выполненных в рамках грантов Российского научного фонда. Здесь особо хотелось бы отметить доклады к. соц. н., доц., н. с. А. В. Винокуровой (ДВФУ, г. Владивосток), к. и. н., доц. А. И. Яковлева (СВФУ, г. Якутск), к. соц. н., доц., н. с. А. Ю. Ардальяновой (ДВФУ, г. Владивосток) – грант РНФ № 23-28-01113, рук. А. В. Винокурова; д. соц. н., доц. Т. Б. Бадмацыренова (БГУ, г. Улан-Удэ), д. полит. н., доц. В. А. Родионова (БГУ, г. Улан-Удэ) – грант РНФ № 24-48-03022, рук. Т. Б. Бадмацыренов; д. полит. н., доц. Т. Н. Литвиновой (МГИМО, г. Москва), д. полит. н. А. С. Железнякова (ИС ФНИСЦ РАН, г. Москва), к. юрид. н, к. пед. н., с. н. с. С. В. Никифорова (ИС ФНИСЦ РАН, г. Москва) – грант РНФ № 24-48-03030, рук. Т. Н. Литвинова; к. и. н., с. н. с. Е. Е. Тиниковой (ХакНИИЯЛИ, г. Абакан) – грант РНФ № 23-28-10040. Также выступили и совсем молодые, только начинающие свой научный путь исследователи: Батмунх Пурэвсурэн из Улан-Батора (МНР), Ю. Г. Степанова из Якутска, Б. Б. Хван, А. А. Михалёв, С. А. Дансурова, А. Б. Цыденов, С. С. Брыкова, Н. Н. Очиртаева, Давыд Мунгуншагай из Улан-Удэ, Т. Б. Хамаганова и К. А. Смоленцева из Владивостока и многие другие.

В целом, работа конференции прошла эффективно, участники отметили высокий научный и профессиональный уровень представленных и обсуждённых докладов. По отзывам слушателей и посетителей, прошедшее событие вызвало большой интерес, позволило укрепить имеющиеся и наладить новые научные и деловые контакты. По итогам конференции планируется издать сборник материалов.

Помимо официальной части, представленной пленарным и секционными заседаниями конференции, была проведена II Байкальская школа социологов в более свободном, неофициальном формате *(фото 2)*. Это значимое мероприятие собрало многих как начинающих исследователей, так и опытных учёных, стремящихся углубить свои знания в области социологии и обменяться опытом в методологических подходах.

Школа объединила авторитетных спикеров из Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, а также их коллег из Сибирского отделения Российской академии наук. Свои доклады и мастер-классы представили: д. филос. н., проф., руководитель Центра исследований социальной структуры и расслоения Института социологии ФНИСЦ РАН З. Т. Голенкова; д. соц. н., проф., зам. директора Института социологии ФНИСЦ РАН по научной работе Ю. А. Зубок; д. полит. н., руководитель Центра политологии и политической социологии ИС ФНИСЦ РАН А. С. Железняков; д. филос. н., проф., г. н. с. Института философии и права СО РАН Ю. В. Попков (г. Новосибирск); д. соц. н., доц., в. н. с. Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН Д. Д. Бадараев (г. Улан-Удэ); д. соц. н., г. н. с. Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН Е. Г. Маклашова (г. Якутск). Кроме того, в работе школы активное участие приняли PhD, доц., в. н. с. Института философии Монгольской академии наук Ц. Цэцэнбилэг (г. Улан-Батор, МНР); д. соц. н., доц., зав. кафедрой политологии и социологии БГУ Т. Б. Бадмацыренов (г. Улан-Удэ); канд. соц. н., доц., научный сотрудник ДВФУ А. В. Винокурова (г. Владивосток).

Основные направления школы были сосредоточены на таких актуальных темах, как проблемы методологии социологических исследований, в том числе и в трансграничье, а также подготовка и написание кандидатских и докторских диссертаций. Участники школы смогли не только получить ценные знания, но и обсудить новейшие подходы к исследованию сложных социальных процессов, обменяться идеями и наладить профессиональные связи, что, безусловно, окажет положительное влияние на развитие социологической науки в будущем.

Завершилась школа продуктивным обсуждением перспектив дальнейшего сотрудничества, а также формированием планов на будущее, что подтверждает высокий уровень заинтересованности и вовлечённости участников в развитие социологической науки.

Одной из ключевых идей социологической школы стало объединение и взаимодействие в едином научно-образовательном пространстве социологов – представителей различных поколений и научных школ. Данная идея, на наш взгляд, нашла своё воплощение на берегу оз. Байкал, который стал своего рода точкой притяжения и вдохновил на новые научные свершения всех участников мероприятия. "Мы нужны друг другу!" – неоднократно отмечали спикеры школы, и с этим утверждением невозможно не согласиться. Мы нужны друг другу для обмена опытом, для плодотворного взаимодействия для того, чтобы социологическая наука продолжала развиваться, приумножая новое и сохраняя всё самое лучшее.

Литература

1. Программа II международной научной конференции "Социальные и политические вызовы модернизации в XXI в." и II Байкальской летней школы социологов // ИМБТ СО РАН. URL: https://imbt.ru/upload/novosti-materialy/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B0%20%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%B8%20%D0%91%D0%9B%D0%A8%D0%A1.pdf (дата обращения: 28.08.2024).

References

1. The Program of the II International Scientific Conference "Social and Political Challenges of Modernization in the 21st Century" and the II Baikal Summer School of Sociologists // IMBT SB RAS. URL: https://imbt.ru/upload/novosti-materialy/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B0%20%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%B8%20%D0%91%D0%9B%D0%A8%D0%A1.pdf (accessed 28.08.2024). (In Russ.).

◆

Информация об авторах

Дамдин Доржиевич Бадараев, д-р социол.наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ, Россия, e-mail: damdin80@mail.ru

Тимур Баторович Бадмацыренов, д-р социол. наук, заведующий кафедрой политологии и социологии Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, e-mail: batorovitch@mail.ru

Information about the authors

Damdin D. Badaraev, Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia, e-mail: damdin80@mail.ru

Timur B. Badmatsyrenov, Doctor of Sociological Sciences, Head at the Department of Political Science and Sociology of the Buryat State University named after D.Banzarov, Ulan-Ude, Russia, e-mail: batorovitch@mail.ru

Поступила в редакцию 20.08.2024 Принята к публикации 28.08.2024

Received 20.08.2024 Accepted 28.08.2024

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 149–153.
Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 149–153.

Сообщение
УДК 94
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/149-153

Профессор Наталья Анатольевна Беляева: к юбилею учёного

Наталья Алексеевна Шабельникова
Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России,
Владивосток, Россия, nhistorik@mail.ru
Алексей Вячеславович Усов
Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России,
Владивосток, Россия, epronhist@ya.ru

Аннотация. В статье рассматривается жизненный путь и деятельность Натальи Анатольевны Беляевой – более четырех десятилетий посвятившей изучению истории Дальневосточного региона. Рассматривается вклад Натальи Анатольевны – учёного и педагога, основателя и руководителя научной школы по истории таможенного дела и таможенной политики, в развитии науки и образования на Дальнем Востоке России.
Ключевые слова: *Н.А. Беляева, наука, образование, история, научная школа по истории таможенного дела и таможенной политики, Дальний Восток, Россия*
Для цитирования: Шабельникова Н. А., Усов А. В. Профессор Наталья Анатольевна Беляева: к юбилею учёного // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 149–153. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/149-153

Message
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/149-153

Professor Natalia Anatolyevna Belyaeva: on the anniversary of the scientist

Natalia A. Shabelnikova
Vladivostok branch of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Vladivostok, Russia, nhistorik@mail.ru
Aleksey V. Usov
Vladivostok branch of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Vladivostok, Russia, epronhist@ya.ru

Abstract. The article examines the life and work of Natalia Anatolyevna Belyaeva, who has devoted more than four decades to studying the history of the Far Eastern region. The contribution of Natalia Anatolyevna, a scientist and teacher, founder and head of the scientific school on the history of customs and customs policy, to the development of science and education in the Russian Far East is considered.
Key words: *N.A. Belyaeva, science, education, history, scientific school on the history of customs and customs policy, Far East, Russia*
For citation: Shabelnikova N. A., Usov A. V. Professor Natalia Anatolyevna Belyaeva: on the anniversary of the scientistt // Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 149–153. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/149-153

Дальневосточники – это особые люди. На берегу Тихого океана формируется особый характер. Мужество и стойкость, выносливость, трудолюбие, пытливость ума, самопожертвование, взаимовыручка, патриотизм – вот наиболее характерные черты, которые рождались в ходе освоения нашего региона. Вышеперечисленные качества в полной мере относятся и к семье, в которой родилась Наталья Анатольевна, и к ней самой.

Будущий "учитель для учёных" – так трепетно называют Наталью Анатольевну коллеги и ученики, родилась 17 ноября 1953 г. в г. Петропавловске-Камчатском в семье штурмана (капитана) дальнего плавания Анатолия Ивановича и учителя русского языка и литературы Нины Порфирьевны Беляевых. В семье бережно хранилась и хранится память о дедушке Натальи Анатольевны – Порфирии Ивановиче Филонове, участнике партизанского движения на Дальнем Востоке.

Стремление идти к намеченной цели, сохраняя внутреннее спокойствие и целостность было заложено в семье. Жизненную философию питал родительский опыт, отношение старшего поколения к жизни, к её ценностям и невзгодам. Мощь и красота родной камчатской земли, чистый воздух, манящие синие, покрытые легкой дымкой горы, когда ничто не мешает юному воображению представить, что там вдали, за горизонтом? И хорошие книги, в достатке имевшиеся дома, и школа всеми способами поддерживали самые смелые устремления. Не случайно любимые Васюки были, есть и будут для Натальи Анатольевны настоящим "местом силы" – источником отдыха и вдохновения.

Порядочность и скромность являются сущностью профессора Беляевой, история – призванием. Не случайно, окончив в 1971 г. с золотой медалью

© Шабельникова Н. А., Усов А. В., 2024

Н.А. Беляева
N.A. Belyaeva

среднюю школу № 9 Петропавловска-Камчатского, Наталья Анатольевна поступила на исторический факультет Дальневосточного государственного университета. Их курс был первым выпуском самостоятельного исторического факультета, хотя поступали они на историческое отделение историко-правового факультета при конкурсе 12 человек на место.

"Нам повезло учиться на историческом факультете в период его расцвета, вспоминает Наталья Анатольевна, – мы застали еще его ветеранов факультета – Сергея Александровича Низяева, Наталью Ксенофонтовну Кольцову, Григория Семеновича Куцего. Тон задавало поколение фронтовиков – Анна Григорьевна Черных, Аркадий Ефимович Ларин, Степан Григорьевич Григорьев, уже опытные преподаватели и состоявшиеся учёные Элеонора Васильевна Ермакова, Идея Иосифовна Глущенко, Давид Лазаревич Бродянский – наш первый куратор. Именно его удивительной лекцией по истории первобытного общества началось наше постепенное превращение в историков. При нас на факультет пришли Виталий Владимирович Совастеев, Галина Сергеевна Сараджан, Галина Ивановна Каневская, Галина Александровна Казачун. На младших курсах с нами работали блистательные молодые учёные – египтолог Александр Витальевич Эдаков и японист Станислав Соломонович Пасков, к сожалению, трагически рано ушедшие из жизни".

Наталья Анатольевна специализировалась по кафедре всеобщей истории, диплом писала по этносоциологии, большую часть лета проводила в этнографических экспедициях с преподававшей на факультете этнографию Юлией Викторовной Аргудяевой. Её научные интересы были далеки от востоковедения, но, отдавая дань блистательным лекторам истфака, Наталья Анатольевна с особой теплотой вспоминает лекции по истории Азии и Африки, которые читал на их курсе С.С. Пасков. Он не читал лекцию в привычном сегодня смысле, просто расхаживал по аудитории, не повышая голоса, как будто разговаривал сам с собой. Но не слушать его было невозможно. Уже через несколько минут в аудитории стояла абсолютная тишина. И даже перемены (после каждых 45 минут) были какими-то особенными. Семинары Станислава Соломоновича отличались полной невозможностью отсидеться за спинами подготовившихся к занятиям товарищей. Студенты вызывались "к ответу" исключительно по желанию преподавателя. При этом не было никакой возможности угадать, какой вопрос достанется. Так что готовиться нужно было, на всякий случай, ко всему материалу.

До сих пор у Натальи Анатольевны в памяти шуточное стихотворение студенческих лет:

Ах, зачем эта ночь так была коротка,
Ах, зачем быстро кончилась первая пара,
И движимая роком Паскова рука
Побежала по строкам журнала...

"Последующим курсам повезло, – отмечает Наталья Анатольевна, – С.С. Пасков читал нам курс японской историографии всеобщей истории. Представляете уровень, ведь такие дисциплины не изучались в то время даже на истфаках ведущих университетов страны, как и модная ныне методология истории, в которую мы буквально погружались с Анной Григорьевной Черных".

Преподаватели относились к студентам уважительно и требовательно. Учились студенты этого поколения в эпоху полного отсутствия всевозможных стандартов, однако уже на первом курсе "железно" знали правила оформления письменных работ, как знали и то, что игнорирование этих правил чревато потерей собственного невосполняемого ресурса – личного времени, ведь даже из-за одной неправильно оформленной сноски вся курсовая работа подлежала переписыванию, а писались работы шариковой ручкой на листах формата А4.

Подготовка к семинарским занятиям требовала не только времени, но и определенных усилий, а иногда и простого везения. В те далекие "доинтернетные" времена по некоторым дисциплинам просто не было учебников, и подготовка к занятиям требовала чтения научной литературы. Научная литература находилась в особом читальном зале (на студенческом языке – в "научке"), который размещался в маленькой аудитории (всего на 6 столов) в корпусе биофака ДВГУ на Океанском проспекте, 37. Зал открывался в 9:00, но, придя ровно к этому времени, студент рисковал не найти свободного места.

Истфаку Наталья Анатольевна благодарна за выработанную привычку работать в читальных залах. А толстые тетради с конспектами монографий и научных статей и конспектами лекций до сих пор хранятся в её архиве.

В 1976 г. Наталья Анатольевна окончила исторический факультет ДВГУ (с отличием). С момента выпуска прошло более 40 лет – целая жизнь. И многое для этой жизни дал ей родной истфак – любимую профессию, верных друзей, умение учиться и понимание того, что учиться придется всегда. А еще – собственный стиль работы в аудитории, неповторимый "стиль" Натальи Беляевой – глубокое знание предмета и видимая легкость, (за которой стоят огромный труд и жизненный опыт!) изложения материала.

По распределению она была принята ассистентом на кафедру истории КПСС ДВГУ. Кафедру возглавлял Георгий Александрович Унпелев. В её составе работали неординарные, очень интересные, творческие люди, знавшие цену преемственности поколений и немало сделавшие для формирования её смены. А.А. Вострикова, И.И. и В.Н. Калинины, В.Н. Кравцов и другие помогали молодым преподавателям готовить лекционные курсы, совершенствовать методику проведения занятий, "подхватывали" лекции и семинары, когда преподаватели уезжали в командировки.

С 1978 по 1981 г. Наталья Анатольевна обучалась в очной целевой аспирантуре Ленинградского государственного университета (ЛГУ). В декабре 1981 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию по специальности 07.00.01 "История Коммунистической партии Советского Союза". С 1981 по 1998 г. работала в университете на Кафедре политической истории (бывш. истории КПСС) ассистентом, старшим преподавателем, доцентом (ученое звание доцента с 1988 г.).

С 1998 по 2017 гг. – во Владивостокском филиале Российской таможенной академии (ВФ РТА): начальник/ заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин, профессор кафедры. В 2004 г. в диссертационном совете при ДВГУ защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 "Отечественная история". В 2013 г. присвоено ученое звание профессора по кафедре отечественной истории и архивоведения.

Эти сухие биографические данные не могут передать всю широту души и глубину научного кругозора этого великого педагога и замечательного учёного! Создателя и руководителя научной школы по истории таможенного дела и таможенной политики, действовавшей в ВФ РТА с 2001 по 2021 гг.

За 20 лет научным коллективом были получены существенные результаты в подготовке кадров высшей квалификации, научной апробации исследований, внедрении их в учебный процесс, развитии научно-исследовательской работы студентов.

За период существования научной школы защищены две докторские и две кандидатские диссертации. С 2001 по 2019 гг. опубликовано 16 монографий; 7 сборников документов; 249 научных статей, в том числе 3 статьи – в журналах, индексируемых в международных базах Scopus и Web of Science; 50 статей – в журналах, включенных в Перечень Высшей аттестационной комиссии. Участники школы приняли участие в 56 научных и научно-практиче-

ских конференциях международного, всероссийского уровней; выполнили 18 научных тем по плану НИР Российской таможенной академии с предоставлением отчетов, большинство из которых отмечено дипломами РТА различных степеней в номинации "Гуманитарные науки".

Участниками молодежной секции научной школы опубликована 31 научная статья, из них 11 отмечены наградами в конкурсах на лучшую научную студенческую работу; выполнены 9 тем НИРС с представлением отчетов, которые также получили высокую оценку.

Результаты научных исследований по истории таможенного дела и таможенной политики, истории таможенного законодательства внедрены в учебный процесс по реализуемым в РТА образовательным программам. Участники школы стали авторами и соавторами 9 учебных пособий, в том числе авторских курсов по истории таможенной политики и таможенного законодательства, преподававшихся в Филиале в 2008–2014 гг.; вошли в состав авторского коллектива при подготовке федерального учебника по основам таможенного дела.

Дальнейшее развитие научной школы было связано с расширением её сотрудничества с Ассоциацией исследователей истории торговли, купечества и таможенного дела; участием в научных мероприятиях разного уровня; дальнейшим развитием публикационной активности, в том числе публикация материалов исследований в журналах из Перечня ВАК и индексирующихся в международных базах Scopus и Web of Science, а также популяризацией её достижений в профессиональном сообществе историков. И в этом – огромная заслуга профессора Натальи Анатольевны Беляевой!

С 2010 года руководила аспирантурой по специальности 07.00.10 "История науки и техники" на кафедре истории и политологии Морского государственного университета им. адмирала Г.И. Невельского, преподавала в Приморском институте повышения квалификации работников образования (ПИПКРО). С 2017 г. – профессор кафедры гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала ДВЮИ МВД России. С 2019 г. – профессор департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук ДВФУ. Руководитель образовательной программы подготовки кадров в аспирантуре по направлению 41.06.01 Исторические науки, специальность 5.6.1 "Отечественная история". В 2023 г. приглашена на должность ведущего научного сотрудника Центра истории Института региональных исторических исследований Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ.

С 2019 г. – председатель действующего при ДВФУ диссертационного совета по историческим наукам. За период её руководства диссертационном советом было защищено более 30 диссертаций, среди них пять – на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Результаты научных исследований профессора Н.А. Беляевой представлены в многочисленных авторских изданиях, докладах на научных конференциях и симпозиумах. За годы насыщенной и очень плодотворной научной деятельности Наталья Анатольевна опубликовала 8 монографий, 120 научных статей. Под её редакцией было издано 8 сборников документов и справочных изданий, является научным редактором 6 монографий и сборников статей. Подготовлено более 15 учебных пособий для общеобразовательной, высшей школы и системы дополнительного образования.

Наталья Анатольевна – член редколлегии, соавтор учебного пособия для общеобразовательной школы "История Российского Приморья" (Владивосток: Дальнаука, 1998), руководитель авторского коллектива и соавтор учебного пособия "Мой Приморский край: в 2 частях (Москва: Просвещение, 2021).

Под руководством Натальи Анатольевны защищено 7 кандидатских диссертаций, продолжает руководить подготовкой диссертаций 5 аспирантов, в том числе соискателя ученой степени кандидата исторических наук и соискателя ученой степени доктора исторических наук.

Профессор Н.А. Беляева ведет большую общественную работу. Является членом редакционной коллегии журнала "Таможенная политика России на Дальнем Востоке"; действительным членом, экспертом Русского географического общества (РГО); членом научного совета Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ).

Наталья Анатольевна разносторонний человек, она никогда не замыкается только на профессиональной деятельности. Круг её интересов очень широк. Обладает высокими человеческими качествами, такими как ответственность, честность, справедливость, доброжелательность, отзывчивость. её отличает скромность – при всех своих регалиях и заслугах в ней нет и намека на высокомерное отношение к своим младшим коллегам, а также жизнелюбие и юмор. Наталья Анатольевна умеет дружить, всегда готова прийти на помощь друзьям, товарищам, дать дельный совет, поддержать их словом и делом.

Открыта для общения в любой аудитории. Но в дискуссиях со всякого рода псевдоисториками, шарлатанами от науки она становится непримиримым бойцом, с фактами на руках отстаивающая научную истину. Профессор Н.А. Беляева всегда остается верна главным заветам настоящего историка: не кривить душой и не утаивать правды, стараться быть объективным в своих исследованиях. Она всегда честно, открыто, корректно отстаивает свою точку зрения по различным вопросам, используя возможности СМИ, научных конференций, публичных диспутов, памятных мероприятий.

Многогранная научная и общественная деятельность профессора Н.А. Беляевой высоко оценена. В 2006 г. ей присвоено звание "Почетный работник высшего профессионального образования РФ". Награждалась грамотами и благодарностями директоров Владивостокского филиала Российской таможенной академии В.В. Горчакова, А.А. Щетинина, С.С. Ерошенко, В.И. Дьякова, почетными грамотами начальника Российской таможенной академии В.С. Чечеватова, В.Б. Мантусова, почетной грамотой Федеральной архивной службы Российской Федерации, в 2014 г. – медалью Федеральной таможенной службы Российской Федерации "Дмитрий Бибиков" и др.

Если есть в этом мире учителя от Бога, то Наталья Анатольевна – классический пример подобного рода. В её скромной квартире главным украшением и ценностью являются книги, они – везде, занимая не только все почётные места в доме, но и большую часть остального пространства. её рабочий стол никогда не пустует, на нём всегда множество книг, научных журналов, рукописей; распорядок дня всегда строго расписан.

Назвать Наталью Анатольевну своим учителем – слишком мало, она больше, чем учитель, – наставник по жизни. Учит добиваться поставленной цели, стремиться к истине, бороться и побеждать, критически относиться даже к достижениям.

Любовь всей жизни Натальи Анатольевны – её семья. Сильный, мужественный Михаил Михайлович – защита и опора. Центр Вселенной – дочь Варя. Бриллиант души – внучка Сашенька.

К своему юбилею Наталья Анатольевна подошла полной творческих сил и замыслов. Впереди её ждут замечательные свершения в любимой исторической науке.

◆

Информация об авторах

Наталья Алексеевна Шабельникова, д-р ист. наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, Россия, Владивосток, e-mail: nhistorik@mail.ru

Алексей Вячеславович Усов, канд. ист. наук, доцент кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, Россия, Владивосток, e-mail: epronhist@ya.ru

Information about the authors

Natalia A. Shabelnikova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanitarian Disciplines, Vladivostok branch of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Vladivostok, Russia, e-mail: nhistorik@mail.ru

Aleksey V. Usov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of State and Civil Law Disciplines, Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Vladivostok, Russia, e-mail: epronhist@ya.ru

Поступила в редакцию 12.07.2024 Принята к публикации 28.08.2024

Received 12.07.2024 Accepted 28.08.2024

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Допустимые форматы файла: docx, odt.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, переносов, неразрывных пробелов. В заголовках **не применять** ПРОПИСНЫЕ символы. Простановка буквы **ё** обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), название статьи (не более 80 знаков), текст статьи, список литературы, аннотация (от 500 до 700 знаков), ключевые слова (от 5 до 10). Название, аннотация и ключевые слова, а также сведения об авторе (авторах) предоставляются на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками **жирным шрифтом**. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: **[2, с. 5]**. Если страница не указывается, а дается ссылка на работы целиком, то их нумерация даётся через точку с запятой. Например: **[2; 5; 7]**.
7. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках, также **жирным шрифтом**. Например: **(ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5)**; **(Рукопись Иванова А. К. Из архива автора)**.
8. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна (даётся в конце текста статьи или сноской). Например: **ГАПК – Государственный архив Приморского края**. Слова "годы" и "века" должны даваться в сокращении, а для обозначения веков следует использовать римские цифры в латинской раскладке. Например: 1990 г.; 1990-х; 1990-е гг.; 1980-х – 1990-х гг.; 1980-е – 1990-е гг.; XIX в.; XX–XXI вв. и т.д.
9. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии.
10. В списке сначала указывается литература на кириллице (начиная с литературы на русском языке), далее на латинице, и после в других системах письма.
11. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена).
12. Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: **Автор. Название материала // Название сайта. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2022).**
13. В англоязычной версии списка литературы ("References") описания всех неанглоязычных публикаций должны быть переведены на английский язык. При этом в скобках после описания публикации должен быть указан её оригинальный язык. Например: (In Russ.).
14. Порядок расположения публикаций в списке литературы и "References" идентичен.
15. Транслитерация неанглоязычных имен и фамилий выполняется по стандарту BSI (British Standards Institution). Образец оформления рукописи, включая список литературы и "References", доступен на сайте журнала.
16. При наличии у цитируемой публикации идентификатора цифрового объекта (DOI), его необходимо указывать. Например: **https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2017.05.009.**
17. Объем статьи – от 0,5 до 1,0 п.л. (от 20 до 40 тыс. зн. с пробелами). Объём других материалов – до 0,3 п.л.
18. Рисунки, карты, графики и другой иллюстративный материал принимаются в наиболее распространенных (jpeg, tif) форматах, и предоставляются отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу, на основании которой этот график сделан. Для всех подписей в графиках использовать только шрифт Arial Narrow.
19. Указание источника иллюстраций – обязательно.
20. Русскоязычные заголовки иллюстраций обязательно сопровождаются переводом на английский язык.
21. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
22. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации по электронной почте (e-mail: **ojkum@rambler.ru**).

Статьи проходят обязательное рецензирование.
Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.
Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.
Плата за публикацию не взимается.

Научное издание

Ойкумена. Регионоведческие исследования
научно-теоретический журнал

2024 № 3 (70)

Подписано к печати 03. 09. 2024 г. Вышло в свет 23. 09. 2024 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 14,00. Уч. -изд. л. 15,46. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВВГУ
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Индекс 79089

